

S Law 3419.6

www.libtool.com.cn

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

Bind

Star 3419.6

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

О СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ
ДЛЯ ОПИСАНІЯ МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА,
ИЗДАВАЕМОМЪ
УПРАВЛЕНІЕМЪ КАВКАЗСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Отзывъ профессора Вс. Миллера, напечатанный въ Журналѣ Министерства
Народнаго Просвѣщенія.

ТИФЛИСЪ.
1893.

www.libtool.com.cn

О СБОРНИКѢ МАТЕРІАЛОВЪ
ДЛЯ ОПИСАНІЯ МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА,
ИЗДАВАЕМОМЪ
УПРАВЛЕНІЕМЪ КАВКАЗСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Отзывы профессора Вс. Миллера, напечатанные въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

7 - XIV

ТИФЛИСЪ.

Типографія канцеляріи Главнаго начальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ,
Лорисъ-Меликовская улица, казенный домъ.

1893.

Slav 3419.6

~~OL 46005.1~~

6/25 *

www.lib.utoronto.ca

Cambridge
Mass.

Перепечатано изъ Циркуляра по управленію Кавказскимъ Учебнымъ
Округомъ за 1893 годъ № 7.

**О Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей
и племенъ Кавказа, издаваемомъ управленіемъ
Кавказскаго учебнаго Округа.**

(Отзывы профес. В. Θ. Миллера).

В Ы П У С К И I и II.

Едва ли есть такая область науки, по отношенію къ которой Кавказъ не представлялъ бы высокаго интереса; а между тѣмъ еще въ очень многомъ эта страна, къ сожалѣнію, можетъ быть названа *terra incognita*. Главная причина такого явленія, конечно, не заключается въ отсутствіи дѣятельности и энергіи въ средѣ русскихъ ученыхъ, а въ свойствѣ самаго предмета изученія. Здѣсь пространство сравнительно небольшое по географическому протяженію представляетъ гораздо большее разнообразіе по отношенію къ естественнымъ условіямъ, почвѣ, климату, народностямъ, религіямъ и т. д., нежели другія части Россіи, и уже по этому самому гораздо болѣе обильный матеріалъ для науки. Такая область, какъ Кавказъ, необходимо требуетъ и большаго числа изслѣдователей даже въ количественномъ отношеніи, а между тѣмъ число изслѣдователей сравнительно съ количествомъ научныхъ задачъ на Кавказѣ представляется совершенно ничтожнымъ. Безъ энергическаго содѣйствія мѣстнаго общества никакія ученныя временныя экспедиціи не въ состояніи достигнуть большихъ результатовъ. То, что займимъ ученымъ дается съ крайнимъ трудомъ, можетъ быть сравнительно легко достигнуто дѣятельностью мѣстныхъ жителей. Конечно, въ этихъ мѣстныхъ помощникахъ, главнымъ образомъ въ сельскихъ и городскихъ

учителяхъ и въ духовенствѣ, нельзя искать ученыхъ специалистовъ и ожидать отъ нихъ настоящихъ ученыхъ изысканій. Но наука по отношенію къ Кавказу нуждается прежде всего еще въ собираніи точныхъ свѣдѣній, въ сообщеніи матеріаловъ, а этой цѣли могутъ по многимъ вопросамъ содѣйствовать не только учителя, но даже ученики старшихъ классовъ учебныхъ заведеній и сельскіе писаря. Необходимо только, чтобы „добровольцы“ науки знали, что для нея пригодно и какъ слѣдуетъ приняться за дѣло; нужно, чтобы они сознавали, что все, что ихъ окружаетъ, что они видятъ повседневно, можетъ быть интереснымъ матеріаломъ, если его собрать умѣючи и изложить толково, не мудрствуя лукаво и не уклоняясь въ область личныхъ догадокъ и скороспѣлыхъ заключеній...

Въ виду этого нельзя не привѣтствовать мысли управленія Кавказскаго учебнаго Округа издавать „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“. Съ цѣлью поддержанія „духовной дѣятельности“ преимущественно учителей начальныхъ училищъ, управленіе Округа пригласило ихъ по мѣрѣ силъ участвовать въ высшей степени полезномъ трудѣ собиранія географическихъ, этнографическихъ, статистическихъ и другихъ матеріаловъ и обратило ихъ вниманіе на возможно-всестороннее изученіе тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они живутъ и гдѣ сосредоточена ихъ дѣятельность. Это изученіе, говоря словами циркуляра (вып. I, стр. III), возбуждаетъ во многихъ изъ учителей и учительницъ интересъ къ наблюденію природы и окажетъ благотворное вліяніе и на педагогическую дѣятельность. Но помимо того, работы по описанію отдѣльныхъ мѣстностей Кавказа могутъ современемъ представить хорошій матеріалъ для описанія цѣлаго края.

Съ цѣлью познакомить всѣхъ желающихъ съ характеромъ работы, управленіе Округа помѣстило, въ видѣ введенія къ I-му выпуску, подробную программу для собиранія матеріаловъ и перечень важнѣйшихъ сочиненій по Кавказу. Про-

грамма составлена просто, удобопонятно, обстоятельно и въ этомъ отношеніи отличается съ выгодной стороны отъ нѣкоторыхъ научныхъ программъ, нерѣдко ставящихъ въ тупикъ лицъ, для которыхъ онѣ предназначены, и вызывающихъ по этому научные отвѣты весьма странные. Программа обнимаетъ рядъ вопросовъ по топографіи, физической географіи, климатологіи, геологіи, ботаникѣ и зоологіи, статистикѣ, матеріальному и духовному быту и снабжена образцами таблицъ для собиранія нѣкоторыхъ данныхъ. Можно думать, что именно вслѣдствіе этой удобопонятности и опредѣленности задачъ, на приглашеніе Округа скоро откликнулись изъ разныхъ мѣстъ Кавказа, такъ что скопился значительный научный матеріалъ. Въ настоящее время уже явились два выпуска, изъ которыхъ каждый выпускъ распадается на два отдѣла: въ первомъ помѣщены описанія мѣстностей, согласно съ программой, то-есть, о томъ или другомъ селеніи или городѣ сообщаются свѣдѣнія топографическія, климатическія, статистическія и т. п.; второй отдѣлъ предназначенъ для этнографическихъ очерковъ.

Не вдаваясь въ пространное разсмотрѣніе статей, помѣщенныхъ въ обоихъ доселѣ вышедшихъ выпускахъ „Сборника“, ограничиваемся лишь нѣкоторыми замѣчаніями о болѣе важныхъ матеріалахъ, здѣсь напечатанныхъ. Въ 1-мъ отдѣлѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на обстоятельную статью г. Зелинскаго о городѣ Эривани. Статья открывается сжатымъ историческимъ очеркомъ Эривани и нѣкоторыми указаніями на памятники древности; затѣмъ слѣдуетъ всестороннее описаніе современнаго состоянія Эривани, при чемъ сообщается рядъ таблицъ по климатологіи и статистикѣ населенія. Тотъ же авторъ сообщаетъ очеркъ Дарачичага, долины цѣтговъ, въ которой расположена молчанская деревня Константиновна и гдѣ сохранилось армянское кладбище древняго села Кечаръ. Къ статьѣ приложены въ армянскомъ текстѣ съ русскимъ пере-

водомъ нѣсколько надписей отъ XI, XII и XIII вѣковъ изъ церкви Кечарскаго монастыря.

Во второмъ отдѣлѣ наибольшій интересъ представляютъ сказанія о нартскихъ богатыряхъ у татаръ-горцевъ Пятигорскаго округа, собранныя и переведенныя г. Урусбіевымъ, сыномъ таубія Урусбіевскаго аула, бывшимъ ученикомъ Владикавказскаго реального училища, а затѣмъ студентомъ Петровской земледѣльческой академіи. Горная часть Пятигорскаго округа, орошаемая верховьями Чегема, Баксана, Малки, населена небольшимъ народцемъ, говорящимъ татарскимъ нарѣчіемъ. Эти горныя общества, подчинявшіяся кабардинцамъ, не имѣютъ съ ними ничего общаго по происхожденію и языку. Языкъ ихъ еще не изслѣдованъ: въ настоящее время г. Урусбіевъ составляетъ грамматику своего роднаго языка и этимъ окажетъ несомнѣнную услугу лингвистамъ. Горскія общества Кабарды въ настоящее время ближайшіе сосѣди осетинъ, и многія названія мѣстностей, ими населенныхъ, свидѣлствуютъ о томъ, что нѣкогда въ этихъ мѣстахъ жили осетины, которые были впослѣдствіи оттѣснены далѣе на востокъ. Любопытно, что осетины называютъ ближайшее къ нимъ горское общество—балкарцевъ именемъ Аси, подъ которымъ сами осетины были извѣстны грузинамъ и русскимъ (Овси, Осси, Ясы). Въ какое время балкарцы и другія общества поселились въ этихъ мѣстахъ и откуда они пришли—объ этомъ не сохранились положительныхъ данныхъ. Г. Пфаффъ *) сообщаетъ свѣдѣніе, что изъ разбитыхъ Арабами въ Дагестанѣ Хазаръ три колѣна спаслись въ Кабарду и поселились на рѣкѣ Чегемѣ. Если это свѣдѣніе достоверно, то нынѣшнее тюркское населеніе на Чегемѣ, быть можетъ, представляло бы интересъ для вопроса о національности Хазаръ.

У этихъ горцевъ тюркскаго племени сохранились расска-

*) Матеріалы для исторіи Осетинъ, въ Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, V, отд. I. стр. 18.

зы о богатырях—нартахъ, какъ и у другихъ кавказскихъ народовъ. Имена главныхъ богатырей тѣ же, что у осетинъ и кабардинцевъ: Урызмейъ, Сосруко, Шауай, Ширданъ, Хмычъ, Батразъ, Рачикау и др. Эти богатыри, по пѣснямъ, предпринимаютъ набѣги далеко за предѣлами нынѣшнихъ мѣстъ, населенныхъ горами. Главною цѣлью набѣговъ является рѣка Эдилъ, то-есть, Волга. Г. Урусбиевъ приводитъ сказанія объ Урызмейѣ, о Шауаѣ, Рачикау и Сосруко. Отмѣтимъ, что нартъ Рачикау оказывается по пѣснѣ сыномъ русскаго переселенца Бѣдене, который нѣкогда пришелъ къ нартамъ. Тѣ радушно его приняли и выдали за него невѣсту безъ калыма. „Бѣдене поселился въ аулѣ Кинтѣ и занимался исключительно рыболовствомъ. Когда онъ ходилъ на ловлю, его всегда сопровождали собаки „ызчи-самырла“ (можетъ быть, водолазы), и за нимъ тянулся всегда обозъ въ сорокъ повозокъ. Въ рукахъ онъ постоянно держалъ мѣдный крюкъ“.

Можно пожелать, чтобы г. Урусбиевъ продолжалъ собирать сказанія своихъ соотечественниковъ и познакомилъ насъ съ языкомъ и преданіями этого захолустнаго народа, о которомъ до сихъ поръ наши свѣдѣнія крайне скудны.

Второй выпускъ Сборника уже значительно болѣе перваго по содержанію и отличается съ выгодной стороны тѣмъ, что 2-му отдѣлу этнографическому—отведено больше мѣста. Выпускъ открывается программой, составленной г. Потанинымъ подъ заглавіемъ: „Нѣсколько вопросовъ по изученію повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ“. Такого рода программы съ опредѣленно поставленными и подробными вопросами несомнѣнно должны оказать пользу и обратить вниманіе „добровольцевъ науки“ на болѣе точное наблюденіе того или другого обычая и болѣе обстоятельное сообщеніе того или другого повѣрья, которыхъ детали, важныя для специалиста, нерѣдко кажутся несущественными не-специалисту. Не менѣе полезна для кавказцевъ статья г. Гана „Краткія из-

www.libtool.com.cn

О СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ
ДЛЯ ОПИСАНІЯ МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА,
ИЗДАВАЕМОМЪ
УПРАВЛЕНІЕМЪ КАВКАЗСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Отзывъ профессора Пс. Маллера, напечатанный въ Журналѣ Министерства
Народнаго Просвѣщенія.

ТИФЛИСЪ,
1893.

чевани и скрылся въ пещеру, гдѣ они проспали триста девять лѣтъ. Затѣмъ Темлиха проснулся и пошелъ въ родной городъ, въ которомъ уже теперь правили два царя — христіанскій и мусульманскій. Когда чудо было обнаружено, оба царя съ Темлихой пошли въ пещерѣ, въ которой еще оставались его сотоварищи. Темлиха вошелъ внутрь и исчез навсегда. Около пещеры построена мечеть, куда въ началѣ весны и лѣта стекаются толпы богомольцевъ изъ мусульманъ.

Пять дагестанскихъ сказокъ, записанныя ученикомъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища Нуреддинъ-Шамхаловымъ въ аулѣ Тарки, представляютъ мотивы, по большей части, извѣстные изъ русскихъ сказокъ. Для исторіи такъ-называемыхъ странствующихъ повѣстей кавказскія сказки должны имѣть важное значеніе, и сравненіе ихъ прежде всего съ русскими, могло бы привести къ любопытнымъ результатамъ. Нѣкоторыя сходныя черты, напримѣръ, между нашими былинами и кавказскими сказаніями о богатыряхъ (нартахъ) уже были подмѣчены. Къ сожалѣнію, изданный сказочный матеріалъ Кавказа еще до сихъ поръ весьма незначителенъ, и нужно желать, чтобы записываніе и изданіе сказокъ шло энергичнѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Считаемъ нужнымъ, обратить особое вниманіе на любопытное свѣдѣніе, записанное однимъ ученикомъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища, о какой-то статуѣ, слывающей въ народѣ подъ названіемъ Эрмени-булагъ (Статуя-армянинъ). Она находится по дорогѣ изъ Карабудахкента, идущей около моря. Статуя представляетъ всадника въ полномъ вооруженіи, сидящаго на жеребцѣ. Всадникъ положилъ три пальца правой руки на лобъ, какъ будто для того, чтобы перекреститься. Рассказываютъ, что статуя эта представляетъ окаменѣвшаго армянина. Мусульмане напали на армянина и хотѣли убить его; онъ, перекрестившись, просилъ Бога обратить его въ камень (стр. 140). Для археологій Кавказа было бы очень

важно собрать болѣе точныя свѣдѣнія объ этой статуѣ и снять съ нея фотографію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣхъ же мѣстахъ существуютъ и другія изображенія и, можетъ быть, надписи, о которыхъ до сихъ поръ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Еще г. Березинъ *), описывая свое пребываніе въ Тарху, говоритъ, что „любители древностей могутъ слышать здѣсь о грубыхъ каменныхъ болванахъ, будто бы находящихся въ горахъ“, и рассказываетъ объ одной клинописной надписи, замѣченной гдѣ то на скалѣ на Кавказѣ однимъ медикомъ. Приводимъ слова извѣстнаго ориенталиста, такъ какъ было бы крайне желательно, чтобъ они побудили къ розысканіямъ мѣстныхъ жителей: „Нѣкоторый медикъ, спасаясь отъ разбоевъ Стеньки Разина, бѣжалъ изъ Астрахани черезъ степи на Кавказъ и далѣе. На пути своемъ онъ видѣлъ въ горахъ много древностей и надписей, изсѣченныхъ на скалахъ, и не смотря на бѣдственное свое положеніе, снялъ копію съ одной изъ этихъ надписей. По надлежащемъ разсмотрѣніи учеными, оказалось, что она принадлежитъ къ числу клинообразныхъ... По предположеніямъ толкователей клинообразнаго письма, надпись, видѣнная медикомъ, должна находиться въ горахъ около Тарху; снимокъ этой надписи приложенъ къ сочиненію Бюрнуфа о клинообразной грамотѣ... Если когда-нибудь“, продолжаетъ Березинъ, — „моя книга попадетъ въ руки человѣка, не чуждаго образованности и брошеннаго судьбою на Кавказъ, да обратитъ онъ вниманіе на обстоятельство, которое я сейчасъ рассказалъ: можетъ быть, ему и удастся встрѣтить гдѣ-нибудь въ горахъ Дагестана надпись, о которой идетъ рѣчь, и оказать несомнѣнную услугу наукѣ доставленіемъ вѣрнаго и полнаго снимка всей рѣдкости. Узнать клинообразную надпись не трудно: она должна состоять изъ клиньевъ, разставленныхъ въ разныхъ направленіяхъ“.

Грузинская народная словесность также представлена во

*) Путешествіе по Дагестану и Закавказью, стр. 68.

2-мъ выпускѣ небольшимъ сборникомъ пословицъ (въ текстѣ и переводѣ) и тремя сказками, доставленными г. Джавахковымъ. Между послѣдними можно отмѣтить вариантъ къ сказаніямъ объ Амираяѣ, хорошо извѣстными и у осетинъ *). Выпускъ кончается осетинской легендой о спящемъ родникѣ (Хусагъ-донѣ), доставленной г. Сикоевымъ.

Кончая этотъ бѣглый обзоръ содержанія обоихъ выпусковъ, мы видимъ, что, кромѣ описанія нѣсколькихъ городовъ и селъ, они сообщаютъ этнографическія данныя о нѣсколькихъ кавказскихъ народностяхъ—армянахъ, грузинахъ, осетинахъ, закавказскихъ татарахъ, балкарцахъ и жителяхъ Дагестана. Все это представляетъ новый и важный матеріалъ для кавказской этнографіи. Желательно было бы, чтобы послѣдующіе выпуски составлялись также внимательно, какъ оба первые (особенно второй), чтобъ элементъ этнографическій получилъ въ нихъ перевѣсъ надъ статистическимъ, и чтобъ они принесли отвѣты хоть на нѣкоторые вопросы, поставленные программой г. Потанина. Особенно нужно спѣшить собирать данныя по народнымъ суевѣріямъ, обрядамъ и обычаямъ, потому что и на Кавказѣ, какъ мы знаемъ по собственнымъ наблюденіямъ, старина гложеть, и то, что можно еще занисать въ настоящее время, быть можетъ, лѣтъ черезъ десять, пятнадцать будетъ забыто окончательно.

В Ы П У С К ъ ІІІ.

Намъ уже приходилось давать отчетъ на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія о первыхъ двухъ выпускахъ этого полезнаго кавказскаго изданія, выступившаго съ 1881 г. какъ бы на смѣну извѣстному Сборнику свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, остановившемуся на X-мъ выпускѣ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что, судя по разнообразному и интересному составу первыхъ выпусковъ,

*) См. наши Осетинскіе этюды, часть I, отд. I, ЖМХ XII и XIII.

редакция имѣетъ подъ рукою обширный матеріалъ, доставляемый ей изъ разныхъ мѣстностей Кавказа. Можно съ удовольствіемъ отмѣтить, что третій выпускъ, не уступая по интересу первымъ двумъ, превосходитъ ихъ почти вътрое по объему.

Извѣстно, что между всѣми народностями сѣвернаго Кавказа осетины до сихъ поръ наиболее привлекали вниманіе изслѣдователей. Почти въ каждомъ томѣ Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горахъ можно найти о нихъ статьи и замѣтки. Эта удача не покидаетъ ихъ и до сихъ поръ. Большая часть 3-го выпуска (20 печат. листовъ) посвящена населенной ими территоріи и историческимъ свѣдѣніямъ о ихъ прошломъ. Авторъ, г. Д. Лавровъ, скромно озаглавилъ свое обширное и добросовѣстное изслѣдованіе „Замѣтками объ Осетии и Осетинахъ“. Эти замѣтки имѣютъ тѣмъ большую цѣну, что г. Лавровъ уже не первый годъ занимается осетинами. Намъ помнятся его статьи объ осетинахъ въ Терскихъ Вѣдомостяхъ начала 70-хъ годовъ. Притомъ г. Лавровъ ознакомился вѣскольно съ осетинскимъ языкомъ и совершилъ поездку по Осетии лѣтомъ прошлаго года. Дѣйствительно, собранныя имъ топографическія свѣдѣнія отличаются точностью и обстоятельностью. Первая глава его замѣтокъ посвящена мѣстоположенію, орографіи и гидрографіи Осетии (стр. 3—47); затѣмъ слѣдуетъ описаніе горныхъ породъ, минеральныхъ источниковъ и почвы (стр. 47—81), свѣдѣнія климатологическія, ботаническія и зоологическія (стр. 81—168) и, наконецъ, историческія данныя (стр. 168—314). Не останавливаясь на обзорѣ естественно-историческихъ свѣдѣній, отмѣтимъ только, что для специалистовъ они представляютъ значительный интересъ, такъ какъ перечисляемые въ нихъ виды минераловъ, животныхъ и растений, конечно, свойственны не исключительно Осетии, но и другимъ частямъ Кавказа, расположеннымъ по центральному хребту на востокъ и западъ отъ Осетии на тѣхъ же широтахъ.

Отдаленное прошлое осетинъ, какъ извѣстно, покрыто киммерійскимъ мракомъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ старается разсѣять этотъ мракъ и начать, какъ можно ранѣе, исторію Ироновъ. Для этой цѣли ему приходится стать на скользкую почву словопроизводства, толкованія собственныхъ именъ и логическихъ комбинацій, которыя въ вообщѣ концовъ опять таки приводятъ къ пустому мѣсту. Дѣло начинается съ соображеній д-ра Пфаффа, который, пораженный нѣкоторымъ звуковымъ сходствомъ названія горы и аула Джимара (въ центрѣ Осетіи) съ именемъ Киммерійцевъ, полагалъ, что еврейское (sic) колѣно Гамеръ или, правильнѣе, Джимеръ еще за 15 вѣковъ до Р. Х. смѣшалось съ первобытными обитателями осетинскихъ ущелій, а впоследствии это смѣшеніе пополнилось пришельцами-иранцами, и изъ этого *mixtum compositum* произошли предки нынѣшнихъ осетинъ. Хотя авторъ, приводя это удивительное откровеніе д-ра Пфаффа, прибавляетъ, что его выводы нашли впоследствии полное научное оправданіе только относительно иранскаго происхожденія осетинъ (стр. 169), однако онъ не можетъ съ легкимъ сердцемъ разстаться съ кавказскими киммерійцами и ищетъ ихъ слѣдовъ въ развалинахъ осетинскихъ башенъ. Онъ припоминаетъ разсказъ Геродота (IV, 12) о существовавшихъ въ его время въ Скиѣи киммерійскихъ стѣнахъ, сопоставляетъ это указаніе съ вышеприведеннымъ названіемъ горы и аула Джимара, прибавляетъ для большей прочности своей постройки мнѣніе нѣкоторыхъ (?) ученыхъ, что *porta Sumana*, древнѣйшее названіе Кавказскихъ воротъ, имѣетъ нѣкоторое созвучіе съ Кцрр- и приходитъ къ выводу, что указанія Геродота на киммерійскія стѣны относятся къ укрѣпленіямъ, слѣды которыхъ остались до нашего времени на Кавказѣ вообще и при подшлѣ Осетинскихъ горъ въ частности (стр. 177). Мы не будемъ затрогивать вопросъ о томъ, на сколько вѣроятно извѣстіе Геродота, что Скиѣи преслѣдовали киммерійцевъ чрезъ

Кавказъ, когда послѣдніе бѣжали отъ нихъ въ Азію. Въ настоящее время ~~считается болѣе~~ вѣроятнымъ, что киммерійцы бѣжали отъ тѣснившихъ ихъ скифовъ не на востокъ, а на западъ, перешли черезъ Дунай во Фракію, соединились съ фракійскими Трерами и Эдонами и черезъ Босфоръ перешли въ Малую Азію *). Мы не будемъ ссылаться и на то, что киммерійскія стѣны, упоминаемыя Геродотомъ, до сихъ поръ предполагали не на Кавказѣ, а въ Крыму, гдѣ нѣкогда жили киммерійцы. Допустимъ, что киммерійцы дѣйствительно бѣжали отъ преслѣдовавшихъ ихъ скифовъ черезъ Кавказъ. Неужели же они успѣли дорогой возвести въ ущельяхъ Кавказа эти прочнѣйшія сооруженія, которыми притомъ имъ не пришлось и воспользоваться, такъ какъ скифы, по словамъ того же Геродота, прошли восточнымъ путемъ близъ Каспійскаго моря и вторгнулись въ Мидію?

Какъ названіе Джимара увлекло Пфаффа въ киммерійцамъ, такъ осетинское слово, означающее гору, — хох — послужило барону Услару къ не менѣе фантастическимъ этимологическимъ комбинаціямъ. Оказывается, что древнѣйшія историко-географическія названія: Кавказъ, Гогъ и Магогъ — первое у Эсхила, второе у пророка Іезекииля, находятся въ филологическомъ (sic) сродствѣ съ осетинскимъ хохъ — гора. Первый слогъ имени Кавказъ, по мнѣнію барона Услара, довольно близко подходитъ къ иранскому кухъ или кохъ, осетинскому хохъ; второй состоитъ изъ азы, котораго происхожденіе теряется въ недосыгаемой глубинѣ времени, но которое было употребительно у древнихъ грековъ какъ названіе странъ и народовъ, лежащихъ отъ нихъ въ сторону Кавказа. Гогъ-азъ или Каугъ-азъ, говоритъ баронъ Усларъ, — „почти чистое Кауказость“. Подобныя сопоставленія объясняются полнымъ игнорированіемъ фонетическихъ законовъ: осетинское хохъ, котора-

*) См. *Abel, Makedonien vor König Philipp*, p. 80; *Gelzer — Rhein. Mus.* XXX, 250; *Ed. Meyer, Geschichte des Alterthums*, p. 544.

то древнѣйшая форма хонх сохранилась до сихъ поръ въ дигорскомъ нарѣчїи, не можетъ быть фонетически сближено съ новоперсидскимъ кухъ, а еще менѣе съ слогомъ наукъ или съ именемъ Гогъ, и не имѣетъ никакого отношенія къ географическому имени *Καβκαζος*.

Приводя безъ возраженія домыслы барона Услара о родствѣ осетинскаго хохъ съ Кавказомъ, г. Лавровъ и самъ пускается въ столь же опасныя фонетическія комбинаціи, именно сближаетъ Исседоновъ (*Ἰσσηδόνες*) у Геродота съ именемъ осетинъ (стр. 179), при чемъ на слѣдующей страницѣ дѣлаетъ непонятное для насъ замѣчаніе: „Такое предположеніе о происхожденіи слова „осетины“ можно, впрочемъ, видоизмѣнить еще условіемъ, что упомянутыя названія: Исседоны, Эсседоны и Исонды (у Птолемея) усвоены русскими чрезъ посредствующую среду грузинскаго названія осетинъ „оси“ (стр. 180). Не говоря уже объ отсутствіи доказательствъ тому, что подъ Исседонами Геродота можно предполагать предковъ осетинъ, для насъ непонятно, какимъ образомъ названіе Исседоны, пройдя черезъ грузинскую среду, могло принять у русскихъ форму осетины. Форма Исседоны не сохранилась въ грузинскомъ, такъ какъ грузины называли осетинъ оси, а страну ихъ Осеть (*Oseth*); въ послѣднемъ имени русскіе прибавили суффиксъ-инъ и составили свое названіе осетинъ (какъ грузинъ, лезгинъ, армянинъ и т. п.). Болѣе же древнее названіе, соответствующее осетинскому оси, было у русскихъ Ясы, ед. число Ясинъ. Какимъ же образомъ имя *Ἰσσηδόνες*, не сохранившись въ грузинскомъ, могло отразиться въ русскомъ осетины, передѣланномъ изъ грузинскаго осеть. Разгадки у г. Лаврова мы не находимъ.

На слѣдующей страницѣ г. Лавровъ считаетъ возможнымъ съ серьезнымъ видомъ повторять горячечный бредъ г. Шопена о томъ, что „древнѣйшія китайскія лѣсописи упоминаютъ о народѣ „И“, названномъ въслѣдствіи на Zendскомъ

и санскритскомъ наричѣніяхъ и-ры, а-ир-ы (ничего подобнаго въ этихъ языкахъ нѣтъ) по нѣкоторымъ (?) произношеніямъ, веры, откуда и латинск. *vir*. Эти веры или иры поклонялись зодіакальному тельцу Оссу. Въ VII в. до Р. X. скины, во время вторженія въ Азію, захватили въ плѣнъ цѣлую жолонію Ировъ и поселили ихъ на сѣверѣ Кавказа, гдѣ обитали „поклонники коня“. Въ отличіе отъ группы народовъ своего религіознаго культа, называвшихся „аси (отъ а-си—вошь *)“, азы“ и т. п.. послѣдніе называли пришельцевъ по предмету ихъ религіознаго культа-теляца, вола (по кабардински—ось, по ди-дойски—исъ, по аварски—оць и т. д.) „оссами, оси, иссами“ и т. п. Сами же иры сохранили на новомъ мѣстѣ свое прежнее названіе“. Возражать противъ подобныхъ фантазій нечего, но и повторять ихъ въ серьезномъ изслѣдованіи, какъ нѣчто цѣнное, едва ли уместно. На дальнѣйшихъ страницахъ мы находимъ характеристику осетинскихъ нартскихъ (богатырскихъ) сказаній: въ общемъ съ этой характеристикой можно согласиться; но мы не видимъ никакихъ основаній для двухъ предположеній, высказываемыхъ авторомъ: во-первыхъ, что осетинская поэзія, получившая свое первое начало подъ вліяніемъ греческимъ—вліяніемъ временъ „вдохновеннаго Ари-стия“, въ послѣдствіи видоизмѣнилась въ своихъ герояхъ и типахъ подъ вліяніемъ иранскимъ (стр. 190); во-вторыхъ, что подъ нартами можно предполагать древнихъ пришельцевъ въ Осетию, произведшихъ на аборигеновъ страны и ея сосѣдей въ началѣ впечатлѣніе доблести и превосходства (стр. 191). Мы не видимъ, чтобы нартскія сказанія представляли какое-нибудь спеціальное сходство съ греческими, большее, чѣмъ со сказаніями другихъ народовъ, и не усматриваемъ, почему бы подъ нартами-богатырями слѣдовало подразумѣвать пришельцевъ. Отмѣтимъ вѣстать, что Хамыць, Батразъ (стр. 190)—вовсе не иранскія имена.

*) На какомъ языкѣ?

Наконецъ, авторъ переходитъ къ изложенію грузинскихъ извѣстій объ осетинахъ, и мы чувствуемъ не малое облегченіе, ощущая подъ ногами хоть какую-нибудь почву. Можно пожалѣть только, что авторъ удѣлилъ слишкомъ много мѣста киммерійскому ираку и не вошелъ прямо *in medias res*. Было бы излишнимъ, не ограничиваясь статьями Пфаффа, просмотрѣть въ переводѣ Броссе всю грузинскую хронику и извлечь изъ нея всѣ извѣстія объ осетинахъ. Съ особеннымъ интересомъ читатели прочтутъ отличное изложеніе отношеній русскихъ къ Осетіи въ XVIII и XIX вв., основанное на Актахъ Кавказской археографической комиссіи. Авторъ кончаетъ эту главу великимъ актомъ освобожденія зависимыхъ сословій на Кавказѣ отъ власти помѣщиковъ, актомъ „окончательнаго историческаго сліянія осетинскаго племени съ русскимъ“.

Въ виду недавняго присоединенія Карсской области, краткія замѣтки о ней г. Садовскаго представляютъ значительный интересъ (стр. 315—350). Авторъ сообщаетъ цѣнныя свѣдѣнія о границахъ, поверхности, орошеніи, климатѣ этой области, описываетъ занятія жителей, характеръ землевладѣнія, скотоводство, пчеловодство, промышленность и торговлю, характеризуетъ систему турецкаго управленія и современную русскую систему и прилагаетъ къ описанію области двѣ интересныя таблицы: 1) населенія Карсской области по національностямъ и вѣроисповѣданіямъ, 2) статистическія свѣдѣнія о численности населенія и экономическомъ его состояніи. Оказывается, что населеніе новой области чрезвычайно разнообразно по этнографическому составу: здѣсь живутъ, кромѣ русскихъ, турки, греки, армяне, грузины, айсоры, туремены, персіане, карапахи, осетины, лезгины, кумухи, аджарцы и цыгане. Турокъ въ край въ настоящее время считается 39,099 ч. или около 27% общаго числа населенія (145,412). До присоединенія Карсской области къ Россіи число ихъ здѣсь было почти вътрое болѣе, но послѣ покоренія края, отсюда болѣе $\frac{2}{3}$

турецкаго населенія эмигрировало въ Турцію. Явленіе тѣмъ болѣе неутѣшительное, что, по словамъ г. Садовскаго, „по характеру своему народъ этотъ въ высшей степени симпатиченъ, кротокъ, гостепріименъ и при этомъ отличается трудолюбіемъ“ (стр. 343).

Второй отдѣлъ выпуска открывается статьей г. Передѣльскаго: „Станица Темижбекская и пѣсни, поющіяся въ ней“ (1—90). Эта станица, расположенная на правомъ берегу Кубани, въ Кавказскомъ уѣздѣ, Кубанской области, основана въ 1800 году и первоначально населена выходцами изъ Харьковской губерніи, Бахмутскаго уѣзда. Переселены жители по своему желанію. Между стариками существуетъ преданіе, что они были въ „Россіи“ тоже казаками, и когда ихъ хотѣли обратить въ „мужиковъ“ (крестьянъ), то они, то есть, ихъ отцы и дѣды, добровольно согласились переселиться на Кубань, въ это время только что начавшую заселяться Донскими казаками. Приведя рядъ статистическихъ свѣдѣній и сдѣлавъ характеристику быта темижбековцевъ, авторъ болѣшую часть статьи посвящаетъ ихъ пѣснямъ, изъ которыхъ приводитъ до 147 нумеровъ. Въ видѣ приложенія въ концѣ выпуска мы находимъ записанные нотами напѣвы 66 пѣсень. Просмотрѣвъ сборникъ г. Передѣльскаго, мы вполне убѣждаемся въ справедливости его заявленія (на стр. 32), что онъ старался представить пѣсни со всевозможною, почти фотографическою точностью и вѣрностью и со всѣми до мельчайшихъ подробностей обрядами, при которыхъ онѣ поются. Жаль только, что трудъ потраченъ на такой матеріалъ, который во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ довольно скучный интересъ. Такъ, пѣсни, сопровождающія разные моменты свадебныхъ обрядовъ, въ большинствѣ общезвѣстныхъ великорусскія, представляющія только варіанты къ уже изданнымъ въ другихъ сборникахъ. То же можно сказать про пѣсни святочные, великопостныя (стихъ о Лазарѣ), щедривки, хороводныя (А мы

просо сѣяли и т. д.), тропцкія (черемуха), и потому весь этотъ занесенный на Кубань великорусскій пѣсенный репертуаръ не представляетъ ничего характеристическаго для станицы Темняжбековской. Нѣсколько болѣйшій интересъ представляетъ отдѣлъ пѣсень, поющихся во всякое время. Пѣсни эти по содержанію можно раздѣлить на военныя и любовныя; но между ними есть и такія, содержаніе которыхъ не подходитъ ни подъ тотъ, ни подъ другой разрядъ. По происхожденію ихъ можно раздѣлить на старинныя и новѣйшія. Содержаніе первыхъ приурочено, по большей части, къ рр. Кубани и Лабѣ, а послѣднихъ—къ Закавказскому краю. Это объясняется, по словамъ г. Передѣльскаго, тѣмъ, что до замиренія кавказскихъ горцевъ, казаки служили на рр. Кубани и Лабѣ, а послѣ за Кавказомъ на турецкой и персидской границахъ. При бѣдности содержанія, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ интересно наблюдать вторженіе мѣстной горской природы въ пѣсню степняка и измѣненіе старой погудки на новый ладъ. Такъ, одна пѣсня рассказываетъ, какъ

Подъ горою было, подъ крутою,
Да подъ каменною подъ стѣною,
Тамъ спали два братца.

Когда старшій братъ будитъ младшаго, тотъ отвѣчаетъ:

Не могу то я встать,
Головы, братецъ, поднять,
Су вчерашняго, было, похмѣльица.
Напоили мене князя горскіе,
Напоили мене тремя пивами.
Что первое пиво—пуля свинцовая,
А второе пиво—шашка острая,
А третье пиво—мечъ булатный.

Другая извѣстная великорусская пѣсня получила начало, соответствующее кавказской природѣ:

Ужъ вы горы мои,

Горы закавказскія!

А на тѣхъ на горахъ

Стоитъ сырѣ-зеленый дубъ:

Пересадивъ великорусскаго знакома — сырѣ зеленый дубъ — на горы Кавказскія, авторъ пѣсни уже помѣщаетъ на немъ стѣсеннаго сизокрылаго орла, держащаго въ когтяхъ чернаго ворона. Но вообще хорошихъ пѣсенъ крайне мало: большинство представляетъ образцы пошлаго солдатскаго творчества, въ родѣ:

Нашъ полковникъ господинъ

Себѣ орденъ получилъ

или въ родѣ пѣсни:

Распроклятая машина

Зачѣмъ дружка ты утащила?

Распроклятые вагоны

Завезли дружка за городъ —

пѣсни, которая также хорошо извѣстна московскимъ фабричнымъ и, вѣроятно, послѣ открытія Ростовско-Владикавказской линіи по чугунѣ пріѣхала на *погибельный* Кавказъ.

Для характеристики, впрочемъ весьма не утѣшительной, процесса народнаго творчества можетъ служить сообщенная г. Живило пѣсня про казака Луковкина, убитаго въ одномъ сраженіи съ горцами, вскорѣ послѣ обращенія жителей станицы Разшеватской, въ которой поется эта пѣсня, въ казачьихъ. Не безъ удивленія мы находимъ, что въ казачью пѣсню отнесена извѣстная старинная велико-русская пѣсня:

Какъ и палъ-то туманъ

Да на сине море,

въ которой представляется разговоръ раненнаго на сметръ добраго молодца съ его добрымъ конемъ. Только, какъ *сочиненіе locale*, въ пѣсню внесена черная бурочка:

А на бурочѣ —

Молодой казакъ,

Казакъ Луковкинъ.

Другія пѣсни, сообщенныя г. Живило, именно: о взятіи Бюрюкъ-дара (въ 1854 г.), пѣсня Кубанскаго полка (1858 г.), о походѣ за Аргунѣ, о Шамилѣ и объ умирающемъ каза-кѣ, представляютъ искаженіе литературныхъ стиховъ, сло-женныхъ въ свое время какими-нибудь полковыми поэтами, вѣроятно, напечатанныхъ въ какихъ-нибудь областныхъ вѣдомостяхъ или сборникахъ. Ничего новаго и интереснаго не представляютъ и нѣкоторые повѣрья и легенды, живущія въ станицѣ Разшеватской (стр. 97—100). Вообще съ рас-пространеніемъ грамотности, желѣзныхъ дорогъ и другихъ признаковъ цивилизаціи, всюду замѣчается на Руси быстрое вымирание народнаго творчества, и современныя произведенія трактирно-фабричнаго или солдатскаго пошиба до такой сте-пени пошлы, что собирать и печатать этотъ *цѣнный* ма-теріалъ едва ли стоитъ, а тѣмъ болѣе на Кавказѣ съ его 43-мя народностями, изъ которыхъ нѣкоторыя почти поголовно ушли въ Турцію или становятся гага авіа на родинѣ. Вме-сто казацкихъ и солдатскихъ пѣсень, для собиранія которыхъ всегда есть время, слѣдовало бы, по нашему крайнему разу-мѣнію, спѣшить собираніемъ свѣдѣній о тѣхъ племенахъ, ко-торыя, быть можетъ, новое десятилѣтіе уже не увидитъ въ Кавказскихъ горахъ.

Слѣдующая статья, доставленная г. Веніаминовымъ, пред-ставляетъ описаніе селенія Салахъ-лу, Казахскаго уѣзда, Ели-саветпольской губерніи. Къ обычнымъ *программнымъ* свѣ-дѣніямъ — топографическимъ, климатическимъ, статистиче-скимъ, авторъ приложилъ описаніе нѣкоторыхъ татарскихъ обрядовъ, сопровождающихъ: обрѣзаніе, свадьбу, похороны и, что всего цѣннѣе, шесть довольно пространныхъ татар-скихъ сказокъ. Конечно, сами по себѣ эти восточныя сказ-ки еще не представляютъ большаго интереса: всѣ онѣ со-держатъ мотивы, хорошо извѣстные изслѣдователямъ этого рода произведеній народнаго творчества: такъ, въ одной сказ-

ѣ находимъ *формулу* Георгія змѣборца, другая близко напоминаетъ русскую сказку „о свинѣ-золотой щетинѣ, золоторогомъ оленѣ и золотогривомъ конѣ“ и родственныя съ нею (см. сборн. Афанасьева, вып. II, №№ 28 и 25), третья—сказку о Маркѣ богатомъ, четвертая относится къ формулѣ *благодарныхъ животныхъ* и т. д.; но чѣмъ больше будетъ собрано подобнаго матеріала, тѣмъ болѣешихъ результатовъ достигнетъ приложеніе сравнительнаго метода къ этой области литературы. Было бы весьма желательно, чтобы впослѣдствіи былъ составленъ большой сборникъ, исключительно кавказскихъ сказокъ, сборникъ, въ который могли бы войти отдѣльныя сказки, разсѣяныя по разнымъ изданіямъ.

Послѣдняя статья III-го выпуска — „Карачаевскія сказанія“, сообщенная г. Алейниковымъ, представляетъ цѣнное дополненіе къ статьѣ г. Урусьева о нартскихъ сказаніяхъ татаръ-горцевъ Пятигорскаго округа, напечатанной въ I-мъ выпускѣ того же изданія. Карачаевцы, живущіе на верховьяхъ Кубани, по горнымъ отрогамъ Эльбруса, ближайшіе сосѣди татарскихъ горскихъ обществъ Кабарды. По преданію, они живутъ въ этихъ мѣстахъ около четырехъ сотъ лѣтъ. Сначала ихъ поселилось здѣсь немного, но съ теченіемъ времени численность ихъ увеличилась отъ наплыва разныхъ пришельцевъ — сванетовъ, мингрельцевъ, абхазцевъ, кабардинцевъ и русскихъ бѣглецовъ, такъ что въ настоящее время число ихъ доходитъ до 30,000. У карачаевцевъ, по словамъ г. Алейникова, встрѣчаются почти всѣ сказанія о тартахъ, существующія у ихъ сосѣдей пятигорскихъ татаръ. Въ этомъ отношеніи и сообщаемые г. Алейниковымъ разсказы о тартахъ и эмегенахъ (исполинахъ-людѣдахъ) не представляютъ много новаго. Всего интереснѣе преданіе о родоначальникѣ карачаевцевъ Карчѣ, который выселился съ небольшимъ своимъ племенемъ изъ Крыма, поселился сначала на одномъ изъ верховьевъ Баксана, а затѣмъ перешелъ на верховья Кубани.

Преданіе сохранило нѣкоторыя несомнѣнно-историческія черты, конечно, приукрашенныя фантазіей: таковы столкновенія съ кабардинцами, при чемъ на сторонѣ предка карачаевцевъ южные сосѣди—сванеты, и родство Карчи съ Крымъ-Шамхалами. Такимъ образомъ, если давать вѣру народнымъ преданіямъ, то оказывается, что татарская колонизація въ Эльбрусу шла съ двухъ сторонъ—съ сѣверо-востока и съ сѣверо-запада, и обѣ струи сошлись у подножья этого массивнаго вряжа. По собраннымъ нами преданіямъ татаръ Пятигорскаго округа (балкарцевъ, бизенгійцевъ, хуламцевъ, чегемцевъ, урусбиевцевъ), ихъ предки пришли на Черекъ, Чегемъ и Баксанъ изъ Маджаръ, близъ р. Кумы; предки же одноязычныхъ съ ними карачаевцевъ оказываются выходцами изъ Крыма. Прослѣживая топографическія названія (рѣкъ, ущелій, горъ и т. д.) съ востока отъ р. Уруха на западъ, до Баксана, мы убѣдились, что многія изъ нихъ до сихъ поръ чисто осетинскія (именно дигорскаго нарѣчія), что указываетъ на первоначальное осетинское населеніе, вытѣсненное отсюда татарами или слившееся съ ними. Интересно было бы собрать топографическую номенклатуру и въ Карачаѣ. Быть можетъ, она помогла бы разяснить, какую народность застала татарская колонизація на этихъ мѣстахъ. Хорошо было бы, еслибы кто-нибудь изъ туземцевъ взялъ на себя эту задачу.

В Ы П У С К Ъ І V.

Представляя краткій отчетъ о 4-мъ выпускѣ этого кавказскаго изданія, мы съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что благая мысль управленія Кавказскаго учебнаго округа—издавать повременные сборники этнографическихъ и географическихъ матеріаловъ—нашла себѣ сотрудниковъ въ самыхъ различныхъ уголкахъ Кавказа. Каждый новый выпускъ приноситъ многоцѣннаго и добросовѣстно собраннаго матеріала, и изданіе постепенно выигрываетъ въ интересѣ и разнообразіи содержанія.

Новый выпускъ открывается обширнымъ трудомъ г. К. Гана: „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“, содержащимъ въ себѣ, въ русскомъ переводѣ, выдержки болѣе чѣмъ изъ ста древнихъ писателей, сообщающихъ какія бы то ни было географическія, этнографическія и историческія свѣдѣнія о Кавказѣ. Трудъ обнимаетъ въ хронологическомъ порядкѣ приблизительно пятнадцать столѣтій, начиная съ Гомера и кончая писателями V вѣка по Р. Х. Обѣщанная г. Ганомъ вторая часть этого труда будетъ заключать въ себѣ, главнымъ образомъ, византійскихъ писателей. Упомянувъ о томъ, какъ Шлиманнъ, руководясь Гомеромъ, открылъ остатки древней Трои, и какъ открытіе Серапеума было сдѣлано Мариеттъ-беемъ по указаніямъ Страбона, переводчикъ справедливо замѣчаетъ, „что разборъ свѣдѣній древнихъ писателей о Кавказѣ можетъ навести и насъ на то или другое открытіе, важное въ археологическомъ или этнографическомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ писателей были въ здѣшнемъ краѣ и писали о томъ, что сами видѣли и слышали отъ туземцевъ. Кромѣ того, можно ожидать, что на извѣстныя уже древнія развалины и на другіе добытые археологическими раскопками памятники тѣ или другія мѣста у древнихъ писателей могутъ бросить новый свѣтъ“.

Предоставляя спеціалистамъ высказаться касательно точности переводовъ и полноты выдержекъ, помѣщенныхъ въ сборникъ г. Гана, считаемъ нелишнимъ отмѣтить здѣсь нѣкоторыя любопытныя черты быта, нравовъ и обычаевъ Кавказа, упоминаемыя классическими писателями, чтобы на этомъ показать, какой интересъ представляетъ для современнаго изслѣдователя Кавказа знакомство со свѣдѣніями, сообщаемыми о немъ классиками. Въ этихъ свѣдѣніяхъ найдетъ для себя много интереснаго и археологъ, и антропологъ, и этнографъ, и даже иногда естествоиспытатель.

Начнемъ съ извѣстнаго свидѣтельства Гиппократъ о кав-

кавказских макроцефаловъ, которые, по Скилаксу Каріанденскому жили гдѣ-то за Бехейрами близъ гавани Псоронъ и Трапезонда (стр. 11), по Плинію, близъ гавани Хордуле и города Керасунта (Cerasus) (стр. 103), по Стефану Византійскому,—по сосѣдству съ Колхами (стр. 202). Про нихъ Гиппократъ говоритъ, что нѣтъ другаго народа, который имѣлъ бы подобную форму головы. Въ началѣ удлиненіе головы было дѣломъ обычая, теперь же природа содѣйствуетъ этой привычкѣ, основанной на томъ предположеніи, что самые благородные—тѣ, у которыхъ голова самая длинная. Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ обычай, продолжаетъ Гиппократъ: „какъ только ребенокъ родится, пока еще тѣло его гибко, и головка еще не отвердѣла, ее выправляютъ руками, придаютъ ей удлинненную форму посредствомъ разныхъ бандажей и другихъ приспособленій, вслѣдствіе чего она утрачиваетъ свою сферическую форму и растетъ въ длину.... Теперь такая форма головы болѣе не существуетъ у этого народа, потому что обычай этотъ исчезъ вслѣдствіе сношеній съ другими народами“. Нѣтъ основанія не вѣрить такому категорическому утвержденію Гиппократа о народѣ макроцефаловъ. Но раскопки и даже современныя наблюденія показываютъ, что обычай, уже прекратившійся у одного изъ прикавказскихъ народовъ еще до Гиппократа (470—376 до Р. X.), продолжалъ существовать у нѣкоторыхъ другихъ кавказскихъ народовъ. Не говоря уже о деформированныхъ черепахъ въ самтаврскомъ могильникѣ близъ Мцхета, раскопанномъ г. Байерномъ въ 1872 и 1877 годахъ, деформация достигаетъ ужасныхъ размѣровъ на черепахъ, найденныхъ нами въ 1883 г. въ могильникѣ близъ аула Озрокова на рѣкѣ Баксанѣ, слѣдовательно, по эту сторону Кавказа. Притомъ культура этихъ могилъ сравнительно довольно поздняя, такъ какъ въ нихъ находимы были монеты послѣднихъ Сасанидовъ и предметы изъ золота несомнѣнно византійской работы. Но слабыя степени деформации,

по словамъ Д. Н. Анучина *), встрѣчаются и теперь у кавказскихъ народовъ, и изъ коихъ многіе имѣютъ обычай крѣпко перевязывать головы младенцевъ. Такой обычай, какъ показываютъ данныя, собранныя докторомъ Е. А. Покровскимъ, существуетъ въ Тифлисскомъ, Ахалцхскомъ, Сигнахскомъ и Душетскомъ уѣздахъ, въ Рачинскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи, у грековъ на Палеѣ, въ Эриванскомъ уѣздѣ и другихъ мѣстностяхъ, а по свѣдѣніямъ, собраннымъ Д. Н. Анучинимъ, — и во многихъ мѣстностяхъ Дагестана. Результатъ нѣкогда существовавшаго у предковъ обычая можно еще доселѣ видѣть на головахъ кабардинцевъ, которыя представляются часто значительно удлинненными вверхъ. Мы припоминаемъ, что когда туземцы осматривали вырытые нами деформированные черепа на Баксанѣ, они высказывали предположеніе, что это, вѣроятно, черепа кабардинцевъ. Какъ survival моды на высокіе лбы, можно указать и на обычай абхазцевъ, у которыхъ для увеличенія лба у дѣвушекъ сбиваютъ волосы на одинъ вершокъ отъ верхней части лба и къ бритому мѣсту (чтобъ оно не заростало) прикладываютъ еще не остывшее мясо только что убитой черной вороны **). Такимъ образомъ обычай, засвидѣтельствованный классическою древностью, до нѣкоторой степени сохраняется и теперь и оставилъ весьма яркіе слѣды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа.

У древнихъ тибареновъ, кажется, извѣстныхъ еще ассирійцамъ и евреямъ подъ именемъ тубаль, Аполлоній Родосскій (250—200 гг. до Р. Х.) засвидѣтельствовалъ существованіе любопытнаго обычая, извѣстнаго этнологамъ подъ французскимъ названіемъ *la souvade*. „У этого народа мужья, когда жены имъ рождаютъ дѣтей, ложатся въ постель и сто-

*) См. его статью: „Доисторическая археологія Кавказа“ — *Ж. М. Н. Пр.*, часть ССXXXI, отд. 2, стр. 236.

**) См. статью г. *Мачавариани* въ рассматриваемомъ Сборникѣ, отд. II, стр. 55.

нута съ завязанными головами, а жены ихъ въ то время хорошо кормятъ ихъ и устраиваютъ для нихъ купанье, назначенное послѣ родовъ“. Этотъ обычай, основанный на стремленіи нагляднымъ образомъ показать физическую связь между ребенкомъ и его отцомъ, оказывается однимъ изъ широко распространенныхъ и въ древнія времена, и еще въ наши дни. Страбонъ (3,165) указываетъ его у испанскихъ иберовъ, и еще доселѣ у басковъ, которые считаются обыкновенно потомками этого племени; въ нѣкоторыхъ долинахъ Бискайи и Гвипузкоа немедленно послѣ родовъ роженица оставляетъ постель и смѣняется на ней мужемъ, который долженъ faire la souvade. Тотъ же обычай указываютъ на западномъ берегу Африки, въ Индіи на Малабарскомъ берегу, въ Мадрасѣ, на Молукскомъ архипелагѣ, въ южной Америкѣ и у др., а писатели древніе отмѣтили его на островѣ Корсики (Диодоръ 5, 14) и Кипрѣ (Плутархъ, Thes. 20) *). Въ виду того, что souvade несомнѣнно нѣкогда существовала въ Закавказьѣ, интересно было бы знать, не сохранилось ли въ современныхъ обрядахъ, соблюдаемыхъ при родинахъ, какого-нибудь отголоска, который можно было бы приурочить къ этому обычаю.

Между похоронными обрядами древняго Кавказа интересенъ обычай волховъ, упоминаемый Аполлоніемъ Родосскимъ. „И теперь еще“, говоритъ этотъ писатель (стр. 49), — „считается у волховъ за преступленіе жечь трупы мужчинъ или даже зарывать ихъ въ землю и засыпать курганами; ихъ кладутъ въ необдѣланныя бычьи кожи и далеко за городомъ вѣшаютъ на деревья, но и земля получаетъ свое, какъ и воздухъ, ибо ей предаются трупы женщинъ“. Несомнѣнно, что этотъ обычай находится въ связи съ религіозными вѣрованіями этого сравнительно культурнаго народа; но о вѣрованіяхъ

*) См. объ этомъ обычай: *Giraud Teulon*, *La mère*, p. 37; *Les Origines de la famille*, p. 197 и слѣд.; *Tylor*, *Early History of Mankind*, p. 294; *Bastian* въ *Zeit. für Völkerpsych.*, V, p. 156—160.

колховъ намъ извѣстно крайне мало. Есть глухое указаніе на то, что колхи почитали больше всего небо и землю (Нимфодоръ Сиракузскій). Можно далѣе заключить, что у нихъ существовалъ культъ солнца, такъ какъ царь Айѣтъ былъ сыномъ Гелиоса (Діодоръ Сицилійскій). Но въ какой связи съ этими культами былъ обычай вѣшать трупы, при томъ только мужскіе, на деревья? Здѣсь возможны лишь догадки, которыми едва ли будетъ суждено перейти на степень достовѣрности. Обращая вниманіе на слова Аполлонія, что жечь или хоронить трупъ считалось у колховъ грѣхомъ, нужно думать, что они прибѣгали къ вѣшанію труповъ во избѣжаніе оскверненія земли (черезъ погребеніе) и огня (черезъ сожженіе). Слѣдовательно, земля и огонь считались у нихъ чистыми стихіями, какъ у послѣдователей Заратустры, а трупы—нечистыми. Этимъ же объясняется, что ихъ вѣшали высоко на деревьяхъ и притомъ далеко за городомъ, чтобы близость трупа не могла осквернить людей. Еще до сихъ поръ современные парсы въ Бомбей строятъ дахмы (башни для труповъ) за городомъ на возвышенныхъ мѣстахъ среди лѣса. Но трупъ можетъ осквернить и воздухъ, также чистую стихію; во избѣжаніе этого трупъ зашивали въ бычью шкуру, такъ что не было непосредственнаго соприкосновенія его съ воздухомъ. Противъ такого объясненія, можно, конечно, возразить, что въ обычай колховъ нѣтъ послѣдовательности, ибо они же хоронили трупы женщинъ, не боясь осквернить землю. Но такого же рода кажущаяся непоследовательность существуетъ и въ религіи Заратустры. Въ ней, какъ извѣстно, трупъ правовѣрнаго—маздайснїйца—считается нечистымъ и оскверняющимъ природу, а трупъ язычника—не маздайснїйца—нисколько не оскверняетъ природы. Это противорѣчіе объясняется дуалистическимъ взглядомъ на міръ, какъ на арену борьбы добра и зла, Ормузда и Аримана. Смерть правовѣрнаго и всякаго чистаго существа есть побѣда Аримана, и потому сейчасъ же по смерти въ

трупъ входитъ одинъ изъ демоновъ Аримана дружъ Насушъ и оскверняетъ его. Смерть же иновѣрца, какъ и всякаго нечистаго существа, есть побѣда Ормузда, и потому такой трупъ не оскверняетъ природы. Прилагая подобное же заключеніе къ обычаямъ колховъ, нужно думать, что у нихъ существовалъ взглядъ на женщину, какъ на существо нечистое, несравненно болѣе низкое, чѣмъ мужчина, и потому женскіе трупы не могли осквернять земли. Можно было бы найти и у другихъ народовъ аналогіи подобному взгляду на женщину, но мы боимся уклониться въ сторону отъ отчета о разсчитываемомъ сборникѣ.

Подобный же взглядъ на трупъ, какъ на оскверняющій землю, существовалъ, повидимому, и у другаго народа Кавказа, у древнихъ каспійцевъ, которыхъ обычаи были впрочемъ гораздо грубѣе колхидскихъ. Страбонъ (стр. 78) сообщаетъ, что каспіи „морятъ стариковъ выше 70 лѣтъ голодомъ и потомъ выбрасываютъ ихъ въ пустыню; за ними наблюдаютъ издали и, если увидятъ, что птицы стаскиваютъ трупы ихъ съ мѣста, считаютъ ихъ блаженными, менѣе же блаженными считаютъ тѣхъ, которыхъ растаскиваютъ звѣри или собаки; если же не случится ни того, ни другаго, то такихъ считаютъ несчастными^а. У другаго прикаспійскаго народа—массагетовъ—обычаи были еще страннѣе: стариковъ не только убивали, но и съѣдали (Страбонъ). Значитъ, каспійцы, уже не съѣдавшіе стариковъ, а предоставлявшіе ихъ на съѣденіе птицамъ, сдѣлали шагъ впередъ. Однако, какъ ни грубъ обычай массагетовъ, можно ли объяснить этотъ каннибализмъ взглядомъ на человека, какъ на животное, годное въ пищу? Едва ли. Еслибъ у нихъ дѣйствительно было людоедство, то, конечно, оно не укрылось бы отъ тѣхъ же писателей, которые отмѣтили эти исключительные случаи людоедства, какъ обряда. У настоящихъ людоедовъ, именно старики, какъ невкусное мясо, болѣе другихъ гарантированы отъ съѣденія. Очевидно, что, уби-

вая и съѣдая своихъ престарѣлыхъ отцовъ, массагеты дѣйствовали согласно съ своими религіозными воззрѣніями, исполняли долгъ pietatis erga parentes, и такой же нравственный долгъ исполняли каспійцы, моря отцовъ голодомъ и затѣмъ считая ихъ блаженными, если птицы въ пустынь растащатъ ихъ трупы по кускамъ. Въ послѣдней чертѣ не трудно видѣть родство съ вѣрованіями послѣдователей Заратуштры, которые и доселѣ предоставляютъ трупы въ дахмахъ на растерзаніе хищнымъ птицамъ. И у каспійцевъ, какъ, вѣроятно, у массагетовъ, на естественную смерть смотрѣли, какъ на побѣду злаго духа, вселяющагося въ человѣка и причиняющаго недугъ и смерть. Слѣдовательно, чтобы предотвратить это нападеніе злаго духа и оскверненіе человѣка, послѣднее слѣдовало убить своимъ же приснымъ... Отмѣтимъ, что сдѣланныя г. Циловани раскопки кургановъ близъ Дербента, кажется, подтверждаютъ существованіе обряда аналогическаго съ маздаяснійскимъ въ этихъ мѣстахъ *). И повидимому, обычай предоставлять трупъ птицамъ существовалъ на Восточномъ Кавказѣ еще въ сравнительно позднее время. По крайней мѣрѣ арабскій писатель Абу-Хамидъ сообщаетъ про кубачинцевъ слѣдующее извѣстіе: „Если кто умираетъ, именно мужчина, то они отдаютъ его трупъ людямъ въ землянкахъ (домахъ подъ землею), которые расчлениаютъ его и очищаютъ кости отъ мяса. Мясо складывается вмѣстѣ и отдается на съѣденіе воронамъ, при чемъ люди стоятъ по близости съ луками и наблюдаютъ, чтобы мясо не было растащено другими птицами... Очищенные кости кладутся въ мѣшки, у богатыхъ—изъ вышитой золотомъ или греческой шелковой ткани, а у рабочихъ—изъ невыбѣленнаго холста. Они развѣшиваютъ эти мѣшки въ домахъ и на каждомъ мѣшкѣ обозначаютъ имя того, кому принадлежали кости“ **).

*) Л. Н. Майкова, Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ, стр. 14.

**) Отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ лѣтомъ 1882 г. Д. Н. Анучина, стр. 47 и слѣд.

Здѣсь детали обычая представляютъ еще болѣе близость съ парсійскими. Парсы также различаютъ мясо отъ костей, и прикрѣпляютъ трупъ въ дахмѣ такимъ образомъ, чтобы птицы могли растащить только мясо и не разнести костей. Кости же, выбѣленные солнцемъ, уже не оскверняютъ, по ихъ понятіямъ, природы и остаются въ колодцахъ дахмы, то-есть, соприкасаются съ землею. „Пережитокъ“ подобнаго же вѣрованія случалось намъ лично видѣть въ осетинскихъ, сложенныхъ изъ камней, ингѣнахъ, небольшихъ изобразныхъ постройкахъ съ окномъ въ ширину человѣка. Осетины, въ былое время, клали трупъ на доску, вдвигали ее въ окно погребальной камеры и оставляли такимъ образомъ покойника на произволъ природы. Когда трупъ сгнивалъ, то вывѣтрившіяся кости уже сбрасывали съ доски внизъ на землю. Поэтому поля старыхъ ингѣновъ усеяны человѣческими костями. Такимъ образомъ, припоминая нѣкоторыя черты похоронныхъ обрядовъ, существовавшихъ на Кавказѣ—у колховъ, каспійцевъ, кубачинцевъ, осетинъ, можно придти къ заключенію, что въ нѣкоторыхъ частяхъ этой области нѣкогда существовали вѣрованія подобныя тѣмъ, которыя выразились въ похоронномъ обычаѣ парсовъ.

Изъ фактовъ, относящихся къ области народнаго эпоса, отмѣтимъ преданіе о рожденіи Діорфа, сообщаемое псевдо-Плутархомъ (стр. 157). „Миерасъ (Μιέρας) хотѣлъ имѣть сына; но такъ какъ онъ ненавидѣлъ женскій полъ, то пустилъ свое сѣмя на скалу, которая родила ему сына, по имени Діорфа. Въ цвѣтъ молодости этотъ Діорфъ былъ убитъ Марсомъ, котораго онъ вызвалъ на состязаніе, послѣ чего былъ по опредѣленію боговъ превращенъ въ гору носящую его имя“ (у рѣки Аракса). Упоминаемое здѣсь имя Миерасъ свидѣтельству о культѣ бога Миеры въ Закавказьѣ, въ Арменіи, о чемъ сохранились показанія армянскихъ историковъ *).

**) Эгипъ, Стефана Таронскаго, см. *Langlois*, Collection d'hist. Armen. I, 168; Стефанъ Таронскій, переводъ г. Эмина, стр. 272.

что здѣсь приписывается сыну Миеры Діорфу, приписывается въ нѣкоторыхъ древнихъ сказаніяхъ ему самому: онъ самъ рожденъ скалою (Justin dial. с. Tryph., 70) вслѣдствіе чего называется Πέτρογενής (Iohann. Lydus de Mens, III, p. 43, ed Bonn.). Но для насъ интересно, что черты рожденія Діорфа или Миеры до сихъ поръ существуютъ въ кавказскихъ нартскихъ (богатырскихъ) сказаніяхъ. Такое же рожденіе изъ скалы приписывается у осетинъ нарту Батразу или Созрыко. О первомъ разказывается, что нѣкій пастухъ Тельвесь, соблазнившись красою недосигаемой для него Сатаны, стоявшей на противоположномъ берегу, пустилъ сѣмя на камень, внутри котораго затѣмъ развился зародышъ *). О второмъ, говорится, что отцомъ его былъ богъ Уастырджи, совершившій тотъ же актъ и съ такимъ же результатомъ, какъ Миерасъ **). Судьба Діорфа, въ цѣлѣ лѣтъ убитаго Марсомъ, вызваннымъ юношей на состязаніе, также напоминаетъ смерть Батраза: онъ вызвалъ на бой небесныхъ духовъ и былъ убитъ по соизволенію бога, который затѣмъ его оплакиваетъ ***). Эти аналогіи между Миерой, Діорфомъ, Батразомъ и Созрыко показываютъ, въ какую сѣдую старину восходятъ нѣкоторыя черты кавказскаго эпоса.

Интересующіеся вещественною археологіей Кавказа найдутъ въ сборникѣ г. Гава цѣлый рядъ любопытныхъ указаній. Сюда относятся, напримѣръ, указанія на древніе храмы, статуи, города (см. стр. 56, 57, 65, 71, 97 и друг.) и на торговныя сношенія припонтійскихъ городовъ съ кавказскими народами. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ свидѣтельствъ объясняютъ намъ нахожденіе въ кавказскихъ могилахъ не только греческихъ и римскихъ, но даже египетскихъ предметовъ, заходившихъ путемъ торговли въ захолустья кавказскихъ ущелій,

*) См. Сборн. свѣд. о Кавказѣ, I, 172.

**) См. наши осетин. этюды, т. I. стр. 29.

***) См. осет. Этюды I, стр. 10, 25.

напримѣръ, на рѣкахъ Чегемѣ и Баксанѣ. Нѣсколько любопытныхъ указаній на древнюю кавказскую фауну и флору найдется въ сборникѣ и для естествоиспытателя. Отмѣтимъ одно, которое, можетъ быть, пригодится для палеонтологовъ. „Θεοπομπὴ изъ Синопы говоритъ въ своей книгѣ „о землетрясеніяхъ“, что во время одного внезапнаго землетрясенія въ Киммерійскомъ Босфорѣ одинъ холмъ лопнулъ и извергъ кости необыкновенныхъ размѣровъ, и что весь скелетъ достигалъ величины 25 локтей. Живущіе въ окрестностяхъ варвары бросили эти кости въ Маотійское озеро“ (стр. 212). Вѣроятно, этотъ скелетъ принадлежалъ какому-нибудь крупному представителю допотопной фауны. Кости слона были найдены не такъ далеко отъ этихъ мѣстъ на рѣкѣ Малкѣ *).

Этимъ мы закончимъ наши экскурсы по поводу сборника г. Гана. Не касаясь достоинствъ и недостатковъ самаго перевода замѣтимъ только, что передача греческихъ мѣръ русскими представляетъ значительное неудобство. Напримѣръ, въ описаніи халибовъ (изъ Ксенофонта) мы читаемъ съ удивленіемъ, что „копья ихъ были длиною въ 15 греческихъ аршинъ“ и недоумѣваемъ, какъ халибы могли дѣйствовать этими 5-ти-саженными инструментами. Положимъ, что въ переводѣ аршины названы греческими, но естественно является мысль, что, вѣроятно, переводчикъ передаетъ греческимъ аршиномъ какую-нибудь греческую мѣру, все же приближающуюся къ нашему аршину. Между тѣмъ въ греческомъ подлинникѣ стоитъ слово πῆχυς, которое обычно и наиболѣе правильно передается словомъ локоть, то-есть, разстояніе отъ локтя до оконечности среднего пальца. Почему же понадобился другой переводъ?..

За трудомъ г. Гана слѣдуетъ программное описаніе города Темрюка, составленное г. Арканниковымъ, и болѣе подробная статья г. Эйвазова подъ заглавіемъ: Нѣкоторыя свѣдѣнія

*) Одна изъ нихъ хранится въ г. Налчикѣ въ горской школѣ.

о селѣ Койласарѣ и объ айсорахъ. Село Койласаръ находится въ Гарнибасарскомъ участкѣ Эриванскаго уѣзда. До русско-персидской войны 1827 г. въ немъ жили татары, затѣмъ въ немъ поселились несторіанскіе христіане айсоры, оставившіе навсегда Персію вслѣдствіе испытанныхъ притѣсненій. Въ настоящее время айсоры (числомъ 444 души) присоединены къ православію. Они сами называютъ себя сиро-халдеями, а сосѣдніе народы называютъ ихъ айсорами или асорами, персы же—назранами. Последнее названіе дано айсорамъ въ первое время принятія ими ученія Іисуса Назарея. Еще до сихъ поръ койласарскіе айсоры сохранили свой древній сиро-халдейскій діалектъ, въ сношеніяхъ же съ другими національностями пользуются татарскимъ языкомъ, который здѣсь знаютъ всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины. Айсоры сохраняютъ и свои старыя богослужебныя книги, написанныя на древнемъ сиро-халдейскомъ языкѣ, который значительно отличается отъ разговорнаго. Къ статьѣ г. Эйвазова приложена айсорская (сиро-халдейская) азбука съ названіями буквъ и образчиками письма. Замѣтимъ, что для семитологовъ еще большее значеніе, чѣмъ древніе богослужебные тексты, сохранившіеся у айсоровъ, имѣло бы изученіе разговорнаго, общедоступнаго нарѣчія айсоровъ, и что г. Эйвазовъ оказалъ бы несомнѣнную услугу семитологамъ, еслибы записалъ нѣсколько образчиковъ этого нарѣчія, но не айсорскою азбукою, не вполне удовлетворительною для передачи всѣхъ звуковъ языка, а какою-нибудь транскрипціей, съ точнымъ обозначеніемъ произношенія каждой буквы. Для этой цѣли пригоденъ и русскій, и латинскій алфавитъ, съ нѣкоторыми дополненіями и приспособленіями. Что касается устной словесности айсоровъ, то, по словамъ г. Эйвазова, она очень бѣдна: „Переселившись изъ Персіи и размѣстившись между татарами и армянами, айсоры въ значительной степени забыли свою старину, свои прежніе обычаи, легенды, мненія, пословицы, поговорки,

сказки, даже свои національныя пѣсни, а въ замѣнъ ихъ усвоили татарскія пѣсни, легенды, сказки и преданія". Такимъ образомъ, съ этой стороны, отъ нихъ нельзя ожидать большой поживы для науки, и тѣмъ болѣе желательно было бы изученіе ихъ со стороны лингвистической. Впрочемъ въ трудѣ г. Эйвазова сообщаются нѣкоторыя айсорскія пословицы, загадки, нѣкоторыя любопытныя суевѣрія, на примѣръ, празднествъ въ честь царя змѣй Маріямаму (6-го іюля) и въ честь ослонъ (3-го августа), вѣрованія въ злыхъ духовъ женскаго пола, живущихъ въ хлѣбахъ, а также описаніе обрядовъ, сопровождающихъ свадьбу, рожденіе дѣтей, похороны, поминки и т. п.

Нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ аварскихъ преданіяхъ и обрядахъ сообщаетъ слѣдующая статья, г. Барсова, объ аулѣ Чохъ. Подъ тонкимъ слоемъ мусульманства, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Кавказа, еще сохранились языческія вѣрованія и обряды, какъ, на примѣръ, купаніе муллы въ водѣ для испрошенія дождя, обвѣшиваніе деревьевъ лоскутами матеріи, обсыпаніе муллы землею съ цѣлю произвести урожай пшеницы и т. п. Изъ приложенныхъ къ статьѣ пѣсень одна—Герги и Панусъ—особенно ярко характеризуетъ героическіе нравы горцевъ недавняго прошлаго. Мать ждетъ сына, отправившагося на походы. „Я входила въ домъ и выходила, пока погасъ день; вечеромъ, вышедши на встрѣчу, вижу—никогда не гнувшій колѣнъ молодецъ идетъ, вмѣсто пашки, на палку опираясь; на немъ андійская бурка, пріобрѣтенная за корову; на подолѣ ея висятъ кровавыя капли. Чтобъ узнать, что такое, я на грудь посмотрѣла: змѣиныя дыры на серебряной груди Герги. „Не говорила ли, Герги, я тебѣ, чтобы ты къ стаду не ходилъ, что тамъ ты засаду найдешь?“ „Не упрекай меня, мать, иди дорогою: пусть Богъ меня судитъ“. Мать пошла впередъ, Герги сталъ отставать. „Постели, мать, постель, чтобы лечь умереть. И

вотъ мое завѣщаніе: одежду своего Герги надѣнь, навѣсь оружіе; въ моемъ хурасанѣ (шапкѣ) на крышу взойди и протанцуй, чтобъ враги не радовались, говоря: Герги умеръ". Взошла, вижу: толпятся враги, убившіе сына, и между ними Панусъ. „На головѣ хурасанъ, ей Богу, Гергіевъ (говоритъ Панусъ), но подъ нимъ лицо материно; сверху одѣто серебряное оружіе, ей Богу Гергіево; а подъ нимъ тѣло матери. Эй, Герги, если ты вылѣчишься отъ этой раны, то дамъ тебѣ коня, въ жены тебѣ дочку дамъ и усыновлю тебя". Когда съ крыши я сошла, твои глаза, наводившіе страхъ, закрылись: насталъ день смерти. Твои камышевые пальцы, отворявшіе даже желѣзные запоры, сжались, когда изъ тѣла взяли душу".

За нѣсколькими дагестанскими преданіями (сообщенными г. Дебировымъ), слѣдуетъ описаніе взятія Эривани, сдѣланное по рассказамъ старижиловъ г. Шульгинымъ. Не останавливаясь на рассказѣ, представляющемъ нѣкоторыя интересныя подробности, отмѣтимъ, что, по словамъ г. Шульгина, въ народной памяти отъ этой эпохи уцѣлѣло имя абрега Агаси, который, изъ мести персидскому сардару, взявшему въ свой гаремъ его невѣсту, указалъ Паскевичу слабо укрѣпленныя мѣста Эривани. Узнавъ объ этомъ, сардаръ посадилъ въ тюрьму остававшагося въ Эривани отца Агаси и отдалъ приказъ часовымъ убить и сына и отца, если только одинъ попытается освободить узника, а другой—бѣжать. вмѣстѣ съ первыми русскими солдатами перескочилъ Агаси черезъ стѣну и, конечно, тотчасъ бросился въ тюрьмѣ. Часовые, не повиновшіе еще своимъ мѣстамъ, успѣли исполнить приказаніе сардара: они убили Агаси и его отца. Г. Шульгинъ говоритъ, что объ Агаси сложились народныя пѣсни, имѣющія много общаго съ юнацкими пѣснями Сербовъ, что отъ этой поэтической личности вѣдетъ тою же изящною простотою, которая служить отличительнымъ свойствомъ народнаго эпоса. Остается пожа-

лѣтъ, что г. Шульгинъ не представилъ пѣсни объ этомъ героѣ въ русскомъ переводѣ или хоть въ изложеніи *).

Слѣдующая статья—о положеніи женщины въ Абхазіи, написана г. К. Мачаваріани, представляетъ значительный этнографическій интересъ и отличается прекраснымъ изложеніемъ. Авторъ въ живомъ разсказѣ представляетъ намъ жизнь абхазскихъ женщинъ привилегированнаго и простаго званія, и слѣдитъ за этою исторіей женской жизни отъ колыбели до могилы, при чемъ знакомитъ насъ съ разными сторонами абхазскаго быта. Всюду въ изложеніи сказывается въ авторѣ отличный наблюдатель и знатокъ абхазской народности: это не случайно набранныя этнографическія черты, а свѣдѣнія, приобрѣтенныя долгимъ пребываніемъ среди народа. Передъ нами проходитъ рядъ картинъ изъ абхазской жизни: поведеніе беременной княгини, рожденіе княжны, отдача на воспитаніе въ чужой аулъ, отношеніе кормилицы и ея родственниковъ къ ребенку, воспитаніе княжны и обученіе ея всѣмъ правиламъ абхазскаго этикета, возвращеніе воспитанницы въ родительскій домъ, абхазскія празднества, на которыхъ присутствуютъ и дѣвушки, выходъ замужъ съ умыканіемъ, жизнь въ семьѣ мужа и т. д. При этомъ постоянно мы знакомимся съ абхазскими понятіями, взглядомъ на женщину, обычаями, обрядами, суевѣріями, со всѣмъ складомъ этой средневѣковой жизни. Характерно благословеніе, кото-

*) Въ концѣ статьи, упоминая о томъ, что послѣ взятія крѣпости въ зеркальномъ залѣ сардарскаго дворца русскіе офицеры въ 1828 году разыграли между прочимъ, „Горе отъ ума“, г. Шульгинъ прибавляетъ въ видѣ предположенія: „Быть можетъ, авторъ присутствовалъ на спектаклѣ, такъ какъ въ это время онъ состоялъ, какъ знатокъ обычаевъ персіанъ, при Паскевичѣ“. Что Грибоѣдовъ присутствовалъ при исполненіи въ Эривани своей комедіи, это не предположеніе, а фактъ вполне засвидѣтельствованный. Спектакли были устраиваемы начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи Асавас. Ив. Красовскимъ. Въ проѣздѣ изъ Тавриза чрезъ Эривань Грибоѣдова просили посѣтить спектакль и высказаться обо всемъ, что замѣтитъ онъ удачнаго и неудачнаго въ исполненіи своей комедіи. См. *Русскій Архивъ*, 1874, стр. 1565.

рое произносить мать, отдавая сыну первое вооруженіе: „Дай, Господи, тебѣ здорovia и успѣха во всѣхъ воровствахъ. Старайся заслужить уваженіе односельцевъ и не забывай ни меня, ни твоихъ родныхъ въ случаѣ благопріятнаго исхода дѣла во время твоихъ ночныхъ походовъ. Давая такое благословеніе, абхазская мать повторяетъ лишь тѣ уроки, которые сама видѣла вокругъ себя въ дѣтствѣ. Ея воспитательница старалась выработать въ ней рѣшительный и энергичный характеръ, искусство говорить красно, находчивость. Она сама училась владѣть холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ—умѣнье совершенно необходимое въ виду того, что абхазцы, отправляясь на грабежъ и разбой, часто оставляютъ свои семьи на продолжительное время, и женщины должны умѣть защищаться въ случаѣ какого нибудь нападенія; иногда-же женщины сопровождаютъ и сами мужей въ ихъ ночныхъ походахъ. Умѣнье красно говорить пригодится ей въ томъ случаѣ, когда ей на сходеѣ придется защищать свои интересы или интересы отсутствующаго мужа, а иногда, въ случаѣ разрыва съ мужемъ, отстаивать свои права. И она сумѣетъ постоять за себя. По словамъ г. Мачаваріани, на сходеѣ ее встрѣчаютъ съ уваженіемъ. „Выпрямившись во весь ростъ, княгиня старается наэлектризовать публику и судей и осторожно разсыпаетъ похвалы направо и налево. Когда она замѣчаетъ въ народѣ сочувствіе къ себѣ, и судьи не смотрятъ на землю, что было-бы дурнымъ для нея предзнаменованіемъ, то княгиня переходитъ къ своему дѣлу, давая возможность говорить и противной сторонѣ. Она представляетъ разные доказательства, доводы и ссылается на свидѣтелей. Она знаетъ, какъ говорить и не забываетъ ни одной мельчайшей подробности въ защиту своего интереса“. Не имѣя возможности остановиться дольше на прекрасномъ очеркѣ г. Мачаваріани, отмѣтимъ одинъ фактъ крайне любопытный для изслѣдователей воспитанія дѣтей у разныхъ народовъ (напри-

мѣръ, Пюса, д-ра Покровскаго и друг.). Ребенокъ кормится молокомъ кормилицы до трехъ, пяти и даже до семи лѣтъ! Есть, по словамъ автора, воспитанники въ Сухумской горской школѣ, которые хорошо помнятъ, когда они сосали грудь кормилицы! Интересно было бы знать взглядъ медиковъ-спеціалистовъ на этотъ обычай и его послѣдствія.

Пѣсни станицы Новоминской, Ейскаго уѣзда Кубанской области, собранныя г. Кирилловымъ, только по административному дѣленію принадлежатъ Кавказскому краю. Въ дѣйствительности населеніе этой станицы, вышедшее изъ Малороссіи, принесло съ собою въ новыя мѣста старыя пѣсни— историческія, чумацкія, казацкія-военныя и т. п. и продолжаетъ на Кавказѣ поминать Сичь (Сѣчь), Донъ, Запорізовское войско, Дунай, чумаковъ, лѣвир, калиновку и т. п. атрибуты малорусскихъ пѣсень. Большинство представляютъ варианты пѣсень уже изданныхъ.

Послѣдняя статья 4-го выпуска „Матеріаловъ“ представляетъ литературный разборъ знаменитой грузинской поэмы „Барсова кожа“. Авторъ, г. Гулакъ, говоритъ о времени написанія этой поэмы, о ея авторѣ Шота Руставели, о судьбѣ текста, искаженіяхъ и исправленіяхъ, о внѣшней формѣ поэмы, о стихосложеніи, даетъ характеристику дѣйствующихъ лицъ и т. д. Хотя, по заявленію самого Руставели, сюжетъ его поэмы взятъ изъ персидскаго, и онъ переложилъ его стихами, „не сокращая и не умаляя рѣчи“, однако до сихъ поръ не найденъ въ персидской литературѣ прототипъ ея; авторъ раздѣляетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что слова поэта только уловка, сдѣланная имъ съ цѣлью отвести глаза современникамъ, такъ какъ главною его цѣлью было прославленіе обожаемой имъ царицы Тамары. По характеру произведенія, г. Гулакъ ставитъ его въ разрядъ искусственныхъ поэмъ или романтическихъ эпопей въ духѣ поэмъ Аріоста. Первый толчекъ къ ея написанію дала царица Тамара, которая,

по словамъ поэта, „приказала ему ее прославлять сладкими стихами, восхвалять ея брови, рѣсницы, кудри, уста-рубины и зубы-жемчужины“. Главное содержаніе поэмы—любовныя похождения, романтическія приключенія, битвы, скитанія по разнымъ полу-фантастическимъ странамъ и т. п. Что касается характеристикъ дѣйствующихъ лицъ, то въ статьѣ г. Гулака онѣ не отличаются достаточною детальностью. Трудно составить себѣ понятіе и о художественномъ достоинствѣ поэмы, которое авторъ ставитъ такъ высоко. Въ виду того, что статья г. Гулака имѣетъ цѣлью познакомить съ великимъ произведеніемъ грузинской литературы русское общество, имѣющее о немъ самое смутное представленіе, напрасно онъ поспешилъ на выдержки нѣкоторыхъ лучшихъ мѣстъ поэмы. Желательно было бы также освѣтить поему съ исторической стороны, показать ея связь съ грузинскою жизнью, бытомъ, нравами, историческими событіями XII вѣка. Но во всякомъ случаѣ статья г. Гулака даетъ нѣкоторое понятіе о поэмѣ и, представляя, кажется, первую попытку къ рѣшенію нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ, являющихся при изученіи Шота Руставели, заслуживаетъ вниманія.

В Ы П У С К Ъ V.

Слѣдя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ за этимъ полезнымъ изданіемъ Кавказскаго учебнаго округа, мы имѣли нѣсколько разъ случай указывать на обиліе и разнообразіе статистическо-этнографическихъ матеріаловъ, появившихся въ каждомъ новомъ выпускѣ этого сборника, который сдѣлался совершенно необходимымъ пособіемъ для всѣхъ интересующихся современнымъ бытомъ населенія обширнаго Кавказскаго края. Особенно отраднымъ явленіемъ слѣдуетъ считать то, что Сборникъ можетъ быть названъ коллективнымъ трудомъ кавказскихъ педагоговъ, этихъ скромныхъ тружениковъ; изъ которыхъ нѣкоторые, распространяя русскую культуру въ казыхъ-

нибудь рѣдко посѣщаемыхъ захоустыяхъ, напримѣръ, Кубанской или Терской областей, посвящаютъ свои досуги собиранію изъ первыхъ рукъ цѣнныхъ данныхъ о бытѣ окружающаго ихъ населенія. Не говоря уже о научномъ значеніи такихъ работъ, за которыя изслѣдователи Кавказа скажутъ кавказскимъ педагогамъ великое спасибо, онѣ несомнѣнно принесутъ не малую пользу и въ педагогическомъ отношеніи. Выходя изъ школьной комнаты и знакомясь въ садахъ, мазанкахъ, избахъ съ условіями быта, среди которыхъ живутъ его ученики и ихъ родители, школьный учитель, конечно, вынесетъ изъ этихъ наблюденій много полезныхъ указаній, которыя отразятся благотворно и на его педагогической практикѣ.

Разсматриваемый выпускъ (болѣе 500 стр.) содержитъ 14 большихъ статей статистико-этнографическаго характера. Онъ открывается интересною статьей г. Садовскаго о Посховскомъ участкѣ, Ардаганскаго округа, Карсской области, который „можетъ считаться лучшимъ и красивѣйшимъ уголкомъ въ малопривлекательной территоріи вновь завоеваннаго края“. Первую главу авторъ посвятилъ историческимъ сказаніямъ и памятникамъ старины описываемой мѣстности, населенной омусульманившимися грузинами, которые называютъ себя татарами по вѣрѣ и гурджами по народности. Посховскій участокъ представляетъ значительный интересъ въ археологическомъ отношеніи: здѣсь на каждомъ шагѣ, по словамъ автора, можно встрѣтить развалины башенъ, церквей, остатки крѣпостныхъ стѣнъ. Въ пяти деревняхъ (Али, Зейндари, Джуджуни, Цурцаби и Квели) сохранились развалины христіанскихъ церквей, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются прекрасною архитектурой. Вотъ, напримѣръ, какъ авторъ описываетъ церковь въ Али: „Она построена вся изъ тесанаго камня, имѣетъ кирпичный куполь, облитый асфальтомъ; стѣны ея исписаны грузинскою церковною живописью, куполь

разрисованъ голубымъ фономъ съ бѣлыми звѣздочками. Алтарь разрушенъ, но амвонное возвышеніе отчасти осталось *). Размѣры статьи, къ сожалѣнію, не дали автору возможности сообщить болѣе подробныя археологическія свѣдѣнія о Посховскомъ участкѣ, но и этими краткими указаніями можетъ воспользоваться экспедиція, снаряжаемая Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для изслѣдованія остатковъ древняго христіанства на Кавказѣ. Прочія главы изслѣдованія г. Садовскаго не менѣе интересны и представляютъ обстоятельное описаніе общаго вида поверхности, природы и естественныхъ произведеній участка, жилыхъ помѣщеній, нравовъ и обычаевъ посковцевъ и ихъ экономическаго быта. Статья снабжена рядомъ статистическихъ таблицъ и спискомъ населенныхъ мѣстъ Посховскаго участка. По даннымъ 1883 г. всѣхъ населенныхъ пунктовъ въ участкѣ считалось 55; они заключаютъ въ себѣ 8.750 душъ обоюго пола, въ томъ числѣ на женскій полъ приходится 4.106. По вѣроисповѣданіямъ 8.741 д. обоюго пола, то-есть, почти все населеніе, показаны турками-магометанами; между тѣмъ, по словамъ автора, было бы правильнѣе назвать ихъ турками только по вѣрѣ, такъ какъ въ числѣ ихъ грузинъ по народности пожалуй болѣе $\frac{2}{3}$. Есть, безъ сомнѣнія, здѣсь и коренные турки, но большая ихъ часть поселилась въ бассейнѣ р. Посхова на правахъ турецкихъ бековъ, масса же простаго народа, безъ сомнѣнія—грузинскаго происхожденія, но отуречилась на столько сильно, что совершенно забыла свое родословіе. Разговорнымъ языкомъ посковцевъ и языкомъ сношеній съ сосѣдями служить турецкій. Поголовное обращеніе мѣстнаго населенія въ турокъ и забвеніе имъ своего прежняго языка объясняется тѣмъ сильнымъ вліаніемъ, какое Турція имѣла на населеніе бассейна р. Посхова. Карсско-эрзерумскіе и ахалцхскіе паши не щадили ничего, чтобы омусульманить и отуречить

*) Не приводя точныхъ размѣровъ, авторъ говоритъ, что церковь *громадна*.

край. Но, не смотря на сильное отуреченіе, въ населеніи все-таки сохранилось убѣжденіе, что оно—гурджи или потомки гурджъ.—Авторъ слѣдующей статьи г. Калашевъ даетъ подробное описаніе мѣстечка Сальянъ, Джевадскаго уѣзда, Бакинской губерніи (105 страницъ). За нѣкоторыми историческими свѣдѣніями и археологическими указаніями слѣдуютъ обстоятельныя отвѣты на программу округа, при чемъ, кромѣ обычныхъ статистическихъ данныхъ о бытѣ сальянцевъ, авторъ посвящаетъ одинъ отдѣлъ ихъ праздникамъ и обычаямъ, сопровождающимъ рожденіе, обрѣзаніе, свадьбу, похороны, поминки и т. д. Полнота очерка доходитъ до того, что въ главѣ о хозяйствѣ мы находимъ описаніе состава и способа приготовления болѣе 20 мѣстныхъ кушаньевъ. Коренное населеніе мѣстечка исключительно татары-мусульмане шіитскаго толка, хотя есть нѣсколько семействъ и суннитовъ. Между собою они говорятъ на азербейджанскомъ языкѣ, для письма же употребляютъ персидскій и въ исключительныхъ случаяхъ арабскій языкъ. До 1880 года жители чуждались русскаго языка, съ открытіемъ же училища для дѣтей мужескаго пола, они стали привыкать къ употребленію русскаго языка для разговоровъ съ русскими. Впрочемъ, мусульманскій фанатизмъ еще очень силенъ въ Сальянахъ. По словамъ автора, „магометанинъ не только не подаетъ руки христіанину, но даже относится къ нему съ отвращеніемъ и презрѣніемъ. Даже прикосновеніе платья христіанина къ его платью считается оскверненіемъ для послѣдняго и онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не обмоетъ водою это нечистое мѣсто. Если на базарѣ случайно кто-либо изъ христіанъ дотронется до какого-либо продукта, напримѣръ, пищи, то правотѣрный не будетъ ее ѣсть, пока не вымоетъ, а также ни за что не станетъ ни пить, ни ѣсть изъ той посуды, до которой прикоснулся христіанинъ,—все онъ выльетъ или выброситъ собакамъ; посуду же вымоетъ для себя 7 разъ“. Опасаясь до такой степени всякаго осквер-

ненія, эти „святоши“ представляютъ сами весьма непривлекательный типъ, выработанный среди нихъ управленіемъ прежнихъ персидскихъ властей, ширванскихъ или ленкоранскихъ хановъ. Передъ высшими сальянецъ мягокъ и податливъ, передъ равными и низшими—горделивъ и дерзокъ; въ случаяхъ затруднительныхъ—нерѣшителенъ и трусливъ. Всѣ они въ высшей степени падки къ деньгамъ, такъ что за деньги готовы рѣшиться на разные предосудительные поступки. Изъ личныхъ выгодъ сальянецъ готовъ обмануть на каждомъ шагу такъ нахально и безсовѣстно, что не измѣнится въ лицѣ, даже готовъ принять ложную присягу изъ-за ничтожнаго интереса. Воровство въ участіи считается дѣломъ обыкновеннымъ, и кто не пользуется чужимъ добромъ, тотъ не есть настоящій татаринъ. Между собою живутъ сальянцы не въ ладу. Эстетическое чувство не развито—у сальянца нѣтъ любви къ природѣ, пѣнію, музыкѣ; общественныхъ увеселеній, какъ-то: танцевъ, музыки, пѣнія, джигитовки и другихъ забавъ здѣсь нѣтъ. Суевѣріе развито въ высшей степени. Вся умственная дѣятельность народа направлена къ легкой и ничтожной добычѣ средствъ для жизни. Словомъ, по замѣчанію автора, „смысло можно сказать, что народъ живетъ здѣсь чисто животною жизнью“.

Слѣдующая статья (г. Семенова) представляетъ картину быта казаковъ станицы Слѣпцовской (Терск. обл. Владикавказск. округа); мало чѣмъ отличающагося отъ быта казаковъ другихъ станицъ Терской области. Но въ дальнѣйшей статьѣ (г. Твалчрелидзе), описывающей менонитскія колоніи Вольдемфирсть и Александерфельдъ (Кубанской области) мы переносимся какъ будто въ какой-нибудь культурный уголокъ Западной Европы или Америки. Не смотря на сравнительно недавнее поселеніе (заселеніе колоніи Вольдемфирсть начинается съ 1863, а Александерфельдъ съ 1865 года), на почву только средней плодородности, и двѣ эпидеміи, постигнув-

янія колоніи, нѣмцы—менониты устроили себѣ, благодаря раціональному хозяйству, практичности, экономіи и трезвости, такое существованіе, котораго мы не найдемъ нигдѣ на Кавказѣ. Земля обрабатывается усовершенствованными новѣйшими земледѣльческими орудіями: въ колоніяхъ на 113 хозяйствъ имѣются 18 молотилокъ, 29 жатвенныхъ машинъ, 42 вѣялки, 1 сѣялка, 25 сѣнокосилокъ, 17 граблей и 78 улучшенныхъ плуговъ. Скотоводство, не служащее для колонистовъ промысломъ, доставляющимъ средства къ жизни, ведется, тѣмъ не менѣе, вполне раціонально. Изъ 113 хозяйствъ 90 имѣютъ правильно распланированные сады, засаженные фруктовыми деревьями лучшихъ сортовъ. Семь лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые хозяева стали дѣлать опыты разведенія виноградныхъ садовъ и аклиматизированія разныхъ сортовъ крымскаго винограда. Опыты оказались удачными, и въ настоящее время уже 73 хозяйства (изъ 113) имѣютъ виноградные сады, а остальные начинаютъ разводить ихъ. „Благодаря тому, что колонисты зорко слѣдятъ за литературой сельскаго хозяйства и садоводства и употребляютъ усилія примѣнять на практикѣ указанія ученыхъ агрономовъ и садоводовъ, обработкаи виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ, равно какъ и всѣ другія сельскохозяйственныя работы, совершаются у нихъ вполне раціонально. Не менѣе раціонально устроили менониты и свою внутреннюю торговлю: она основана, по словамъ автора, на началахъ ручательства одного за всѣхъ и всѣхъ за одного. На обѣ колоніи имѣются двѣ лавки, торгующія мелочнымъ и краснымъ товаромъ. Хозяева лавокъ—коренные жители колоній, которымъ община дозволяетъ торговать на слѣдующихъ условіяхъ. Торговцы должны приобрѣтать товаръ на собственные капиталы и представлять общинѣ подлинныя счета торговыхъ фирмъ, продавать же товаръ на 15% дороже стоимости. Изъ этихъ 15 процентовъ, 5 полагается на путевыя издержки торговца и доставку товара, а 10% въ пользу тор-

говца. Кромѣ того, торговецъ обязанъ каждому члену общины отпускать въ кредитъ неограниченное количество товаровъ на слѣдующихъ условіяхъ: лицо, берущее товаръ въ кредитъ срокомъ отъ 1 до 3 мѣсяцевъ, платитъ на 3⁰/₀ дорожке, чѣмъ тѣ, которые покупаютъ его на наличныя деньги; но если оно не будетъ въ состояніи уплатить деньги въ срокъ, то за каждый просроченный мѣсяцъ платитъ въ пользу торговца, въ видѣ штрафа, сверхъ 18⁰/₀ еще по 1 коп. съ рубля. Если же какой-нибудь членъ общины заберетъ въ кредитъ товару больше, чѣмъ позволяютъ ему его средства, то за него община уплачиваетъ торговцу всю сумму долга, но промотавшагося члена удаляетъ изъ своей среды. Понятно, что такая система основана на взаимномъ довѣріи членовъ общины и строгой честности, отличающей менонитовъ. Отмѣтимъ далѣе, что въ колоніяхъ заведено взаимное страхованіе имущества, обязательное обученіе дѣтей въ школы до 14-лѣтняго возраста, что колонисты смотрятъ на женщинъ, какъ на своихъ лучшихъ помощницъ и ставятъ ихъ наравнѣ съ собою, и что семейная жизнь можетъ считаться во всѣхъ отношеніяхъ образцовою. Вотъ образчикъ того, какъ молодое поколѣніе колоніи проводитъ время, свободное отъ работы. „Общество молодыхъ людей имѣетъ здѣсь два собранія. Одно изъ нихъ состоитъ изъ лицъ не моложе 16-лѣтняго возраста, а другое изъ лицъ отъ 12 до 16 лѣтъ. Цѣль и организація обоихъ собраній совершенно одинаковы и состоятъ въ слѣдующемъ: желающіе записаться въ члены собранія вносятъ въ кассу при поступленіи по 1 рублю, а затѣмъ каждый мѣсяцъ по 25 коп. Собранія бывають по субботамъ, подъ предѣтельствомъ избраннаго ими президента, большею частью одного изъ учителей. Члены собранія имѣютъ ящикъ, въ который каждый желающій можетъ опустить написанный на бумагѣ какой-нибудь интересующій его вопросъ. Въ субботу вечеромъ, во время собранія, президентъ отмыкаетъ ящикъ и, вынувъ

изъ него бумажки съ вопросами, предлагаетъ членамъ высказывать свое мнѣніе на счетъ извѣстнаго вопроса. Имена и фамиліи членовъ, являвшихся желаніе отвѣчать на предложенные вопросы, записываются въ протокольную книгу. Въ слѣдующее засѣданіе, передъ лицомъ членовъ собранія, они отвѣчаютъ устно или письменно; отвѣты выслушиваются со вниманіемъ и подвергаются всесторонней критикѣ, и если окажутся слабыми или вовсе несостоятельными, то президентъ вновь вызываетъ желающихъ отвѣчать на эти вопросы. Въ случаѣ, если отвѣты окажутся опять неудовлетворительными, тогда самъ президентъ собранія высказываетъ свое мнѣніе. По окончаніи всѣхъ вопросовъ, назначенныхъ къ обсужденію на извѣстное засѣданіе, молодежь, подъ руководствомъ капельмейстера, поетъ пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія. Часто также члены собранія декламируютъ съ кафедръ стихи, при чемъ декламация подвергается критикѣ присутствующихъ членовъ собранія“.

Читая описаніе этого культурнаго уголка Кавказа, остается только жалѣть, что эта заносная нѣмецкая культура не оказываетъ, повидимому, никакого вліянія на окружающее ее русское населеніе, которое только отдаетъ свою рабочую силу въ наемъ своимъ богатымъ сосѣдямъ, не перенимая у нихъ ничего для улучшенія своего быта.

Слѣдующая статья, г. Лилова, представляетъ мастерски написанный очеркъ быта горскихъ мусульманъ, составленный на основаніи данныхъ, напечатанныхъ въ 9 томахъ Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горахъ. Авторъ знакомитъ насъ съ ролью мюридовъ среди мусульманскаго населенія, съ вліяніемъ духовенства и корана, съ отношеніемъ мусульманина къ гяуру, съ его религіозно-нравственными понятіями, консерватизмомъ и взглядомъ на европейскую культуру. Вотъ, напримѣръ, образчикъ того, какъ горскіе старики разсуждаютъ о разныхъ научныхъ изобрѣтеніяхъ. „Поставили столбы

(говорятъ они о русскихъ), вырубленные изъ обыкновеннаго лѣса съ желѣзной ниткой (проволокой) и говорятъ, что они передаютъ слова; говорятъ, что желѣзная арба (локомотивъ) возить на себѣ людей и тяжести безъ быковъ; говорятъ, что желѣзный столъ шить; говорятъ, — и мало ли что говорятъ? Но все это вадоръ. Этими хотятъ только насъ обмануть, удивить, хотятъ погубить насъ, свести съ истиннаго пути, хотятъ, чтобы мы позабыли истиннаго Бога и поклонялись этимъ идоламъ!“... Въ статьѣ г. Лилова находимъ также изложеніе ученія двухъ недавняго происхожденія мусульманскихъ сектъ — зикра и тариката, которыя имѣютъ не мало послѣдователей на Кавказѣ. Вообще статью г. Лилова можно рекомендовать всякому, желающему познакомиться съ Кавказскимъ мусульманствомъ.

За статьей г. Передѣльскаго („Нѣсколько словъ объ общинѣ среди казаковъ“), интересной для нашихъ изслѣдователей русской общины, идетъ рядъ матеріаловъ по народному творчеству на Кавказѣ, именно: двѣ армянскія сказки и три пѣсни (сообщенныя г. Шульгинымъ), двѣ сванетскія сказки (сообщ. г. Петровымъ), черкесскій разсказъ о князѣ Омарѣ (сообщ. г. Мачавариани), мингрельское преданіе объ Одноглазѣ (сообщ. г. Петровымъ) и кабардинская пѣсня о Нартѣ Айдемирханѣ (сообщ. г. Стрѣлцеимъ). Мы отмѣтимъ только, что одна изъ армянскихъ сказокъ (Попъ и Гекимъ-лѣкаръ) представляетъ любопытныя черты сходства съ русскою народною легендой, изданною Аванасьевымъ подъ заглавіемъ: Попъ-завидующіе глаза *), и остановимся нѣсколько подробнѣе на мингрельскомъ преданіи объ Одноглазѣ.

Въ отчетѣ о своей поѣздкѣ въ Дагестанъ лѣтомъ 1882 года профессоръ Д. Н. Анучинъ сообщаетъ сказку, записанную имъ въ Акушѣ отъ наба Кадила-Баганда-Муртазалиева и слышанную послѣднимъ отъ стариковъ. Вотъ ея содержа-

*) См. народныя легенды № 5, стр. 19 и слѣд.

ніе: По морю ѣхалъ корабль; наступила буря и корабль разбился; только два человѣка успѣли спастись на обломкѣхъ доски. Долго носило ихъ море, но, наконецъ, выбросило на островъ, поросшій травой и лѣсомъ. Выйдя на берегъ, они встрѣтили стадо барановъ и большаго одноглазаго человѣка. Повелъ этотъ одноглазый ихъ въ свою землянку, которая заперлась, вмѣсто двери, толстымъ чурбаномъ. Одного изъ прибывшихъ онъ послалъ знаками за водой, а другой остался въ землянкѣ. Одноглазый тотчасъ же схватилъ этого послѣдняго, убилъ, воткнулъ на желѣзный колъ и сталъ жарить на огнѣ. Зажаривъ, онъ его съѣлъ, оставивъ только одну руку и одну ногу. Другой пришелъ, увидалъ, что случилось, но отъ страха ничего не могъ сказать. Одноглазый сталъ предлагать ему покушать баранины (человѣческаго мяса), но тотъ отказался, показывая, что сытъ. Загнавъ къ себѣ барановъ, одноглазый завалилъ дверь чурбаномъ и легъ спать. Оставшійся взялъ тихонько желѣзный колъ, раскалилъ его на огнѣ и всунулъ одноглазому въ глазъ. Глазъ зашипѣлъ, людоедъ закричалъ отъ боли, вскочилъ, отодвинулъ чурбанъ и сталъ кликать по своему своимъ барановъ. Бараны стали выходить одинъ за другимъ, и людоедъ пропускалъ ихъ, ощупывая сверху. Человѣкъ, видя, что дѣло плохо, убилъ барана, содралъ съ него шкуру и надѣлъ на себя. На четверенькахъ ему удалось выйти незамѣченнымъ. Одноглазый сталъ тогда искать человѣка, но, не найдя, кинулся вонъ и началъ кричать. На крикъ прибѣжало еще нѣсколько такихъ же одноглазыхъ. Человѣкъ, между тѣмъ, добѣжалъ до берега, съѣлъ на доску и пустился въ море. Попутный вѣтеръ благопріятствовалъ ему и принесъ его, наконецъ, къ родному берегу *).

Проводя эту дагестанскую сказку, живо напоминающую греческое преданіе о циклопѣ Полифемѣ: г. Анучинъ прибав-

*) Д. Н. Анучинъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ (1884), стр. 40 (отдѣльн. оттиска).

ляетъ: „было бы весьма интересно изслѣдовать, не извѣстна ли подобная сказка въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа и не сопровождается ли она нѣкоторыми мѣстными вариантами“.

Отвѣтъ на запросъ г. Анучина представляетъ разсматриваемый выпускъ „Сборника“. Дѣйствительно, преданіе объ Одноглазѣ существуетъ въ другомъ краю Кавказа, въ Мингрелии, и содержитъ любопытные варианты. Сказаніе это записано г. Петровымъ со словъ жителя м. Анаклии, Ашортіи Оаддея, и наиболѣе извѣстно между крестьянами деревень Зугдидскаго уѣзда: Дарчени, Ганарджіаши и Читацкари. Собственно разсказъ объ Одноглазѣ вставленъ въ другой, сообщающій о бѣдственномъ положеніи одного путешественника, едва избавившагося отъ нападенія волковъ. Путешественника выручилъ хозяинъ одного домика въ лѣсу и на его жалобы сказалъ ему слѣдующее:—„Ты, мой братъ, считаешь себя несчастнымъ, потому что тебя окружили въ лѣсу насѣкомыя... Нѣтъ, если бы ты зналъ мое горе, то считалъ бы великимъ счастіемъ подвергаться только такимъ происшествіямъ, какое съ тобою было. Ты видишь, что мы всѣ носимъ трауръ, отъ мала до велика. Насъ было восемь братьевъ, и мы всѣ занимались рыболовствомъ. Цѣлые мѣсяцы иногда мы не сходили съ корабля и только разъ въ недѣлю посылали на лодкахъ рыбу. Однажды, закинувъ съ корабля удочки, мы замѣтили, что корабль нашъ сталъ отходить отъ берега и идти въ море: какая-то сила тащила его, не смотря на всѣ наши старанія остановить его. Спустя нѣсколько недѣль, мы увидѣли скалистый берегъ, откуда вытекалъ ручьемъ медъ. Нашъ корабль прямо направился къ тому мѣсту, откуда вытекалъ медъ. Когда мы подплыли ближе къ источнику, то увидѣли, что изъ-подъ корабля выплыла большая рыба, у которой ротъ былъ шире сажени. Она начала глотать медъ съ такою жадностью, что почти осушила ручей. Это была самая большая рыба, которая сюда приплывала пить медъ, а въ Анаклию ѣсть куку-

рузу. Оказалось, къ нашему несчастію, что удочки наши зацѣпились за ея плавники, — она-то насъ и тащила. Здѣсь, когда она пила медъ, мы подерались и обрубили веревки. Рыба, напившись меду, поплыла назадъ, а нашъ корабль остался. Куда мы попали, мы не знали: то смѣялись отъ радости, что увидѣли землю, то плакали, не зная, что насъ ожидаетъ. Посоветовавшись другъ съ другомъ, мы порѣшили, набравъ воску и меду, ѣхать все берегомъ, по одному направленію. Мы собирали медъ и воскъ и цѣлую недѣлю нагружали нашъ корабль; но когда на утро хотѣли ѣхать, то увидѣли, что къ ручью подходитъ стадо овецъ и козъ. Сзади стада шелъ человѣкъ громаднаго роста, Одноглазъ. Одноглазъ держалъ въ рукахъ громадную палку, толщиною въ столбъ, и вертѣлъ ею, какъ веретеномъ. Мы помертвѣли отъ ужаса. Одноглазъ вытащилъ нашъ корабль на берегъ, а насъ погналъ со своимъ стадомъ. Мы подошли къ огромному зданію, занимавшему нѣсколько кцевъ *). Вокругъ его росъ громадный лѣсъ, и деревья были такъ высоки, что взоръ не достигалъ до вершины. Даже камышъ тамъ былъ такой, какъ у насъ дубы. Громадное, высокое зданіе было построено изъ огромныхъ необдѣланныхъ камней и внутри раздѣлялось на отдѣленія каменными постройками, въ которыхъ помѣщались разные животныя; но особенно замѣчательны были четыре отдѣленія: для козъ, овецъ, ягнятъ и козлятъ. Здѣсь онъ заперъ насъ и самъ ушелъ со стадомъ. Мы много возились, чтобы какъ-нибудь отворить, но не могли, не смотря на то, что дверь здѣсь не была заперта на замокъ. Здѣсь мы ходили съ утра до вечера, какъ мыши въ мышеловѣхъ. Вечеромъ видимъ, что приходитъ нашъ Одноглазъ съ своимъ стадомъ и, расположивъ его по своимъ мѣстамъ, сталъ разводить огонь. Когда онъ развелъ изъ цѣлыхъ деревьевъ огонь, то взялъ шампуръ (вертелъ) и, выбравъ жирнаго барана, сталъ его, не очистивъ,

*) Кцевъ=900 квадрат. саж.

жарить. Баранъ вертѣлся на шампурѣ до тѣхъ поръ, пока у него глаза не лопнули. Сожравъ цѣликовъ всего барана, онъ растянулся и захрапѣлъ. На другой день онъ сожралъ еще двухъ барановъ и, вечеромъ, когда возвратился со своимъ стадомъ, то, выбравъ изъ насъ самаго полнаго, насадилъ его на шампуръ и началъ жарить на огнѣ. Братъ вертѣлся и кричалъ намъ: „спасите“... Но что мы могли, бѣдные, сдѣлать? Когда у брата лопнули глаза, Одноглазъ оторвалъ одну ногу и бросилъ ее намъ, а самъ сожралъ остальное. Мы тамъ же похоронили эту ногу. Такъ это чудовище съѣло всѣхъ нашихъ братьевъ, кромѣ меня и младшаго, и мы ничего не могли сдѣлать, находясь въ положеніи ягненка, котораго терзаетъ волкъ. Мы съ братомъ обезумѣли, желали умереть, но не такою мучительною смертью. Когда онъ наѣлся въ послѣдній разъ человѣческаго мяса и легъ, по своему обыкновенію, у огня и захрапѣлъ,—мы съ братомъ подошли тихонько къ его шампуру, воткнутому близъ головы, и съ большимъ трудомъ вытащили изъ земли этотъ шампуръ. Затѣмъ, положивъ его въ огонь, со страхомъ ожидали, когда онъ накалится на огнѣ. Когда шампуръ накалился до-красна, мы обернули нашими арха-луками руки и всунули его прямо въ глазъ Одноглазу. Одноглазъ сбросилъ съ глаза шампуръ, подпрыгнулъ вверхъ съ такою силой, что мы думали, что онъ разобьетъ потолокъ. Но онъ пробилъ себѣ голову. Съ страшными криками бѣгалъ Одноглазъ по зданію, давя козъ и овецъ, но не могъ насъ разыскать, такъ какъ мы ускользали у него изъ-подъ ногъ. Утромъ овцы и козы подняли крикъ, какъ бы прося хозяина выпустить ихъ на пастбище. Одноглазъ не могъ вытерпѣть страданія любимыхъ имъ животныхъ и, ставъ у дверей, началъ пропускать межъ ногъ козъ и овецъ, ощупывая у нихъ хребетъ, животъ и голову. Такимъ образомъ онъ поступалъ до полудня. Затѣмъ, уставши, пересталъ ощупывать со всѣхъ сторонъ, а только гладилъ рукою по хребту. На наше счастье у брата

оказался ножикъ, которымъ мы сняли съ двухъ барановъ шкуры и, надѣвъ ихъ, рѣшились пробраться межъ ногъ Одноглаза. Я, чуть живой, со стоящими дыбомъ волосами, рѣшился первый всунуть голову межъ ногъ. Онъ пощупалъ, но не узналъ меня, и я снова увидѣлъ міръ. По примѣру моему поступилъ братъ. Мы тотчасъ же направились къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ нашъ корабль, ища его со страхомъ глазами. На наше счастье онъ стоялъ на мѣстѣ. Увидѣвъ его, мы укрѣпились въ надеждѣ на спасеніе. Въ это время подходило къ намъ стадо нашего мучителя. Желая чѣмъ-нибудь отомстить ему, мы взяли лучшихъ козъ и овецъ и нагрузили ими нашъ корабль. Но только-что успѣли мы отрѣзать якорь, какъ увидѣли, что Одноглазъ бѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ нашъ корабль, и сталъ ощупывать, привязанъ ли корабль. Отплывъ немного далѣе, мы стали ему кричать наши имена, гордясь, что сдѣлали ему такой вредъ. Съ яростнымъ воемъ онъ швырнулъ въ насъ своею дубиною такъ сильно, что поднялось волненіе, и нашъ корабль чуть не погибъ. Послѣ долгаго странствованія у берега, претерпѣвъ много лишеній, мы возвратились домой“.

Мы привели мингрельскій разсказъ цѣликомъ для того, чтобы читатель могъ судить о его замѣчательной близости къ греческому сказанію о Полифемѣ. Сказанія, сродныя съ греческимъ, какъ извѣстно, оказываются у многихъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ. Они являются и въ арабскомъ сборникѣ сказокъ „Тысяча и одна ночь“ (ночь LXXIX и LXXX), и у финновъ, и у нѣмцевъ, и у огуцевъ, и у сербовъ, и у русскихъ. Мнѣ о Полифемѣ и родственныхъ ему типахъ въ сказаніяхъ другихъ народовъ былъ изслѣдованъ еще въ 1858 году Вильгельмомъ Гриммомъ *), а въ текущемъ году появился и въ нашей литературѣ этюдъ г. Комарова о томъ же

*) W. Grimm. Die Sage von Polyphem, въ *Abhandlungen der Königl. Akademie d. Wiss. zu Berlin*.

циклъ народныхъ сказаній *). Однако, до сихъ поръ еще не удалось установить **генетической** связи между доселѣ извѣстными вариантами—западными и восточными—этого сказанія. Оба вновь записанные кавказскіе варианты—дагестанскій и мингрельскій—занимаютъ, на нашъ взглядъ, среди прочихъ особое положеніе. Между всѣми, доселѣ извѣстными, нѣтъ ни одного, который былъ бы такъ близокъ къ греческой версіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ припомнить нѣкоторыя спеціальныя черты сходства между греческимъ и кавказскими вариантами.

1) Подобно тому, какъ Полифемъ представляется пастухомъ-скотоводомъ, ухаживающимъ за своимъ стадомъ,—такъ и кавказскій Одноглазъ изображается заботливымъ и скотолоубивымъ хозяиномъ стада.

2) У Полифема „въ отдѣльныхъ закутахъ

Заперты были козлята, барашки, по возрастамъ разнымъ
въ порядкѣ
Тамъ размѣщенные, старшіе съ старшими, средніе подлѣ
Среднихъ и съ младшими младшіе“...

У мингрельскаго Одноглаза въ жилищѣ было 4 отдѣленія: для козъ, овецъ, ягнятъ и козлятъ.

3) Дубина Полифема была „свѣжій стволъ изъ обрубленной маслины дикой“. Мингрельскій Одноглазъ держитъ въ рукахъ громадную палку толщиною въ столбъ.

4) Вокругъ жилища Полифема „частымъ заборомъ стояли черноглавіе дубы и сосны“. Вокругъ жилища мингрельскаго Одноглаза „росъ громадный лѣсъ, и деревья были столь высоки, что взоръ не достигалъ до вершины“.

5) Придя домой, Полифемъ прежде всего раскладываетъ „яркій огонь“; то же дѣлаетъ и мингрельскій Одноглазъ.

6) Въ Одиссеѣ описывается, какъ по утру овцы и козы

*) Эскурсы въ сказочный міръ *М. Н. Комарова*. М. 1886. Одноглазый великанъ народныхъ преданій.

жалко блеяли въ закутахъ, какъ Полифемъ выпускалъ ихъ и ласкалъ своего любимца-барана. Въ мингрельской сказкѣ упомянута подобная же черта: „утромъ овцы и козы подыали крикъ, какъ бы прося хозяина выпустить ихъ на пастбище, и Одноглазъ не могъ вытерпѣть страданія любимыхъ имъ животныхъ“ *).

Такимъ образомъ, не говоря уже о сходствѣ главнаго мотива—процесса ослѣпленія Одноглаза посредствомъ остраго орудія,—кола или шампура,—мы находимъ въ рассматриваемыхъ сказаніяхъ и замѣчательное совпаденіе въ деталяхъ. Это совпаденіе таково, что невольно является мысль, не перешелъ ли греческій рассказъ книжнымъ путемъ въ мингрельцамъ, не рассказалъ ли его какой-нибудь книжный чело-вѣкъ въ своей деревнѣ, откуда любопытный рассказъ пошелъ гулять по другимъ деревнямъ.

Какъ ни просто это предположеніе, но, признаемся, намъ оно не кажется вѣроятнымъ, въ виду того, что, при указанномъ выше совпаденіи въ деталяхъ, есть и значительныя различія между мингрельскою и греческою версіей.

Зачѣмъ было рассказчику греческаго сказанія о Полифемѣ изобрѣтать замысловатую подробность для объясненія того, какъ мингрельскіе братья-рыбаки попали въ скалистому берегу, гдѣ жилъ Одноглазъ, вводить въ рассказъ какую-то чудесную рыбу, которая пьетъ медъ на этомъ берегу и въ Анаклиі ѣстъ вукурузу? Зачѣмъ, съ другой стороны, онъ упустилъ любопытную деталь, что герой, слѣпившій Одноглаза (Полифема) далъ себѣ имя „Никто“, вслѣдствіе чего другіе цѣлопы не помогли немедленно Полифему? Зачѣмъ онъ ничего не упомянулъ о цѣломъ народѣ одноглазовъ, который является въ рассказѣ Одиссеи и въ дагестанскомъ вариантѣ? Наконецъ, предполагая, что въ Мингреліи рассказъ о Поли-

*) Отмѣтимъ еще, что Полифемъ съѣлъ 6 товарищей Одиссея; точно также Одноглазъ съѣлъ 6 братьевъ мингрельца.

фемѣ перешелъ книжнымъ путемъ въ народъ, мы должны сдѣлать то же предположеніе и относительно Дагестана, между тѣмъ какъ дагестанскій и мингрельскій рассказы также различаются въ деталяхъ. Не входя, по недостатку мѣста, въ болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса, мы рѣшаемся сдѣлать слѣдующее предположеніе для объясненія замѣчательной близости кавказскихъ вариантовъ къ греческому сказанію.

Мѣстечко Анаклія, гдѣ извѣстенъ рассказъ объ Одноглазѣ-людоѣдѣ, лежитъ на берегу моря, почти на полупути между древними греческими колоніями—Діоскуріей на сѣверѣ и Фазисомъ на югѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что вся эта часть побережья была хорошо извѣстна грекамъ, имѣвшимъ здѣсь поселенія и постоянныя сношенія съ туземцами, предками нынѣшняго населенія. Вѣроятно, уже къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ слѣдуетъ отнести существованіе въ названныхъ мѣстахъ сказанія объ одноглазомъ людиѣдѣ, хотя оно записано и попало въ печать только въ текущемъ году. Вопросъ только въ томъ, заимствовали ли туземцы Мингреліи этотъ рассказъ у грековъ путемъ устнаго общенія, или, на оборотъ, греки у туземцевъ, или, наконецъ, тѣ и другіе почерпнули его изъ одного источника. Если его заимствовали мингрельцы у грековъ, то во всякомъ случаѣ, въ давнія времена, въ формѣ нѣсколько отличной отъ той, въ которой эта сказка вошла въ редакцію Одиссея. Если заимствовали греки у кавказскихъ туземцевъ *), то опять-таки въ формѣ, нѣсколько отличавшейся отъ современной мингрельской редакціи, и притомъ они (греки) подвигъ ослѣпленія Одноглаза приурочили къ своему популярному герою, хитроумному Одиссею, такъ что пребываніе у Полифема явилось въ дошедшей до насъ редакціи Одиссея однимъ изъ эпизодовъ или приключеній, испытанныхъ героемъ въ теченіе его многолѣтнихъ странствованій. Въ виду

*) Ср. вліяніе кавказскихъ сказаній о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ на греческій мифъ о Прометѣѣ, см. мою статью въ *Ж. М. Н. Пр.* 1893, январь.

древности Одиссея, художественной отдѣлки сказанія о Полифемѣ, а главное, въ виду мифологическаго значенія типа циклоповъ у грековъ, второе изъ выставленныхъ нами предположеній можетъ казаться совершенно невѣроятнымъ. Но мы позволимъ себѣ напомнить, что въ греческихъ сказаніяхъ слѣдуетъ отличать циклоповъ Гезіода (Theogon. 140 и слѣд.) отъ циклоповъ Одиссея. Изъ Гезіода извѣстны 3 циклопа изъ поколѣнія титановъ—Аргесъ, Стеропесъ и Бронтесъ, сковавшіе Зевсу молнію. Въ Одиссеѣ циклопы являются великанами-дикарями, живущими въ пещерахъ со своими стадами и не знающими никакихъ законовъ. Конечно, мы не утверждаемъ, что типъ циклоповъ былъ заимствованъ греками отъ кавказскихъ горцевъ, хотя Кавказъ и полонъ преданіями о великанахъ. Мы считаемъ только возможнымъ предположеніе, что греками могла быть заимствована (и затѣмъ попасть въ Одиссею) сказка о великанѣ-людоедѣ, которую они приурочили къ своему циклопу Полифему. Мы не можемъ, конечно, настаивать на мысли, что эта сказка была завезена греками изъ Кавказа: могло быть, конечно, и то, что сказка изъ одного источника попала и на Кавказъ, и на родину Одиссея. Но существованіе кавказскихъ сказокъ, весьма близкихъ къ греческой, невольно наводитъ на мысль, что приключеніе Одиссея у Полифема зашло къ грекамъ изъ Азіи, подобно тому, какъ и нѣкоторыя другія сходныя съ азіатскими сказки были указаны Герландомъ въ Одиссеѣ *). Срав., напримѣръ, замѣчательныя черты сходства между фэакійцами и индійскими видіадарами (Vidyādhārās). Какъ бы то ни было, тѣсная связь между кавказскими и греческою редакціей сказки несомнѣнна и требуетъ объясненія. Нисколько не настаивая на высказанныхъ нами догадкахъ, мы желали только обратить вниманіе специалистовъ на этотъ интересный вопросъ **).

*) G. Gerland. Altgriechische Märchen in der Odyssee.

**) См. мою статью „Кавказскія сказанія о циклопахъ“ въ Этнограф. Обзорѣніи, кн. IV (1890 г.).

Послѣдовавъ за мингрельскимъ Одноглазомъ, мы значительно переступили предположенныя рамки нашей замѣтки о V-мъ выпускѣ „Сборника“ и не имѣемъ возможности болѣе подробно остановиться на трехъ послѣднихъ однородныхъ статьяхъ, представляющихъ соединенную работу 21 сотрудника: 1) Дѣтскія игры и забавы въ нѣкоторыхъ станицахъ Кубанской и Терской областей, 2) Нѣкоторыя туземныя игры въ г. Ахалцихѣ и 3) Обѣ игрушки, играхъ и разныхъ забавахъ, встрѣчающихся въ Грузіи (всего 143 стр.). При бѣдности назвѣй литературы о дѣтскихъ играхъ, труды кавказцевъ получаютъ особое значеніе. По крайней мѣрѣ, относительно кавказскихъ дѣтскихъ игръ уже не придется жаловаться на бѣдность: въ „Сборникѣ“ описано подробно болѣе 180 игръ! Эти описанія представятъ богатый матеріалъ для того, кто займется специальнымъ изслѣдованіемъ этой мало тронутой области: нѣтъ сомнѣній, что въ нѣкоторыхъ играхъ онъ найдетъ слѣды древнихъ религіозныхъ, символическихъ обрядовъ, въ другихъ—любопытные слѣды бытовой старины, уцѣлѣвшей въ видѣ дѣтской забавы.

В Ы П У С К Ъ VI.

Слѣдя съ постояннымъ интересомъ за этимъ капитальнымъ изданіемъ управленія Кавказскаго учебнаго округа, мы не разъ имѣли случай указывать на то, что до сихъ поръ каждый новый выпускъ представлялъ замѣтное улучшеніе и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Новый, рассматриваемый нами выпускъ, не уступая своимъ предшественникамъ ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи, превосходить ихъ особою чертою: именно разнообразіемъ матеріаловъ. Кромѣ статей статистическо-этнографическаго характера, мы находимъ въ немъ изслѣдованія и матеріалы по зоологической географіи, археологіи и лингвистикѣ. Таковы статьи: А. Ни-

кольскаго — „Городъ Гори въ орнитологическомъ отношеніи“, В. Долбежева — „Объ орнаментахъ и формахъ бронзъ, найденныхъ въ доисторическомъ кладбищѣ, близъ селенія Уолла-Кубань, Терской области“, А. Іоаннимова — „Нѣсколько словъ о нарѣчій трапезондскихъ грековъ съ образцами ихъ пѣсень“, и друг.

Не имѣя возможности въ небольшой замѣткѣ коснуться всѣхъ 14 статей новаго выпуска, мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ, привлечшихъ наше вниманіе тѣми или другими изъ сообщаемыхъ ими фактовъ.

Отмѣтимъ, что въ первомъ отдѣлѣ „Сборника“ особенно посчастливилось Кубанской области: здѣсь мы находимъ обстоятельное описаніе четырехъ ея станицъ: Отрадной (Д. Иванова), Расшеватской (К. Живило), Кубанской (В. Кобеляцкаго) и Бесленеевской (П. Близиюкова). Всѣ эти станицы, какъ извѣстно, основаны сравнительно недавно: старѣйшая изъ нихъ, Расшеватская, ведетъ свое начало съ 1801 года, три же прочія существуютъ на свѣтѣ менѣе трехъ десятилѣтій *), и потому изученіе ихъ экономическаго состоянія и вообще внутренняго быта представляетъ значительный интересъ для исторіи русской колонизаціи. Предлагая подробные отвѣты по всѣмъ рубрикамъ программы, авторы названныхъ статей останавливаются, иногда довольно пространно, на обрядахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ и особенно пѣсняхъ. Последнія находятся въ связи съ разными моментами „свадьбы“ и представляютъ лишь варианты къ многочисленнымъ уже обнародованнымъ великорусскимъ свадебнымъ пѣснямъ. Но это нисколько не лишаетъ ихъ особаго интереса, свидѣтельствуя о замѣчательной устойчивости великорусскихъ свадебныхъ мотивовъ. Любопытно наблюдать, какъ великорусская женщина, уже родившаяся, воспитавшаяся и вышедшая за-

*) Отрадная основана въ 1858 г., Бесленеевская въ 1861 г. Самурская въ 1863 г.

мужъ на Кавказѣ, среди величественной горной природы, снѣговыхъ хребтовъ, быстрыхъ потоковъ и тѣсныхъ ущелій, повторяетъ традиционно старыя пѣсни, сложившіяся за тысячи верстъ отъ Кавказа на плоскости, пѣсни, въ которыхъ упоминаются и „князья бояре, цѣловальнички“, и „высоки терема“, и „лебедушка“, отлетающая отъ стада лебединого къ стаду гусиному, и другія подобныя черты стародавнихъ свадебныхъ пѣсень... Для изслѣдователей русскаго сектантства представляетъ интересъ глава „религіозное движеніе“ въ статьѣ г. Живило о Расшеватской станицѣ. Въ началѣ 50-хъ годовъ здѣсь стала развиваться хлыстовщина подъ вліяніемъ пропаганды изъ села Тамбовскаго Ставропольской губерніи. Въ послѣдніе годы секта дѣлаетъ громадныя успѣхи: собранія хлыстовъ въ 50—70 человѣкъ въ одномъ домѣ не рѣдки, и всѣхъ хлыстовъ въ станицѣ считается уже около 100 человѣкъ. Причина распространенія сектантства здѣсь та же, что и во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи. „Присматриваясь къ жизни хлыстовъ“, говоритъ авторъ (стр. 66),— „и ихъ умственному настроенію, я пришелъ къ тому выводу, что народъ, желая познать Бога и получить спасеніе, внимательно вслушивался въ Св. Писаніе, обращался съ вопросами къ священнику; но, не получая желанныхъ отвѣтовъ и видя своего пастыря постоянно занятаго требами и житейскими заботами, мало по малу углубился въ самого себя; тутъ каждый по своему невѣжеству, сталъ убѣждаться, что искать истину нужно самому, ибо помощи взять не откуда. Такъ зародилось броженіе умовъ, а съ нимъ явились и вожаки, интересующіеся, главнымъ образомъ, даровымъ трудомъ и приношеніями паствы“.

При просмотрѣ многихъ статей, посвященныхъ всестороннему описанію той или другой мѣстности, нерѣдко приходится наталкиваться на рубрику: „минеральныя богатства“. Сколько ни появлялось до сихъ поръ описаній природныхъ

богатствъ Кавказа, они далеко еще не исчерпаны даже поверхностнымъ описаніемъ, не говоря уже о томъ, что разработка ихъ находится въ самомъ примитивномъ состояніи. Такъ, изъ статьи г. Кобеляцкаго мы узнаемъ, напримѣръ, что близъ станицы Самурской, кромѣ залежей охры, алебастра, есть серебряная руда и даже ртуть, называемая туземцами „живою водою“. И все это, конечно, не разрабатывается и ожидаетъ будущихъ изслѣдователей. „Что эта серебряная руда содержитъ очень много серебра, можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ то время, когда на Кавказѣ шла война съ горцами, англичане разрабатывали упомянутый рудникъ: они взяли у черкесовъ въ аренду землю и обязались платить имъ аренду временными ружьями, пашками и не допускать русскія войска къ берегамъ Чернаго моря (sic). Этотъ договоръ былъ заключенъ ими съ Магометъ-Аминомъ, вождемъ черкесовъ западнаго Кавказа. Чтобъ не подвергнуться ограбленію со стороны черкесовъ, жадныхъ до серебра, англичане распустили слухъ, будто бы они хотятъ добывать здѣсь желѣзо, особенно пригодное для подковъ англійской кавалеріи, и устроили заводъ съ такими предосторожностями, что ни одному черкесу не удалось побывать на немъ и видѣть работу.... Въ 1857 году, когда русскія войска сдѣлали усиленный натискъ въ горы, англичане изъ не выбѣленнаго еще серебра надѣлали подобіе подковъ и поспѣшили удалиться съ Кавказа, оставивъ всѣ постройки завода, которыя существовали до 1876 года. Въ 1879 году въ ст. Самурскую пріѣхалъ полякъ со своимъ инженеромъ-французомъ. Узнавъ о существованіи руды близъ станицы, они отправились съ проводникомъ-казакомъ къ руднику, прибили тамъ къ дереву свои карточки и возвратились въ станицу съ обѣщаніемъ скорѣе заняться разработкой дорогъ и добываніемъ руды: при этомъ они сильно выругали англичанъ: они побывали въ бывшемъ заводѣ англичанъ, видѣли выброшенную, уже обработан-

ную руду, и нашли, что англичане добывали серебро самымъ хищническимъ способомъ, такъ какъ выброшенная земля содержала еще много серебра. Изъ станицы Самурской полякъ и инженеръ-французъ поѣхали въ Екатеринодаръ представиться тогдашнему начальнику области г. Кармалину, но больше не возвращались въ Самурскую. Видѣвшіе ихъ потомъ въ Майкопѣ говорятъ, будто начальникъ области сказалъ имъ, что онъ намѣренъ самъ разрабатывать этотъ рудникъ" (стр. 108). Однако уже прошло девять лѣтъ съ тѣхъ поръ, и вопросъ о разработкѣ, по видимому, канулъ въ Лету.

Оставляя въ сторонѣ двѣ описательныя статьи, посвященныя двумъ селамъ Елисаветпольской губерніи (селу Сарову Н. Григорьева и селу Гадреуту И. Давидбекова), переходимъ во II-му отдѣлу разсматриваемаго выпуска.

Онъ открывается интересною статьей А. Іоакимова, редактированную профессоромъ Г. С. Дестунисомъ, подъ заглавіемъ „Нѣсколько словъ о нарѣчій трапезондскихъ грековъ, съ образцами ихъ пѣсенъ". По лингвистическому изученію этого греческаго нарѣчія, въ русской литературѣ до сихъ поръ ничего не сдѣлано, а между тѣмъ, по словамъ автора, нарѣчіе европейскихъ грековъ, такъ долго считавшееся чисто эллинистическимъ, сравнительно съ трапезондскимъ, оказалось гораздо болѣе уклонившимся отъ древне-греческаго. Такимъ образомъ живущіе у насъ на Кавказѣ греки, выходцы изъ Трапезонды, говорятъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, по гречески чище, чѣмъ жители Эллады (стр. 2). Авторъ разсматриваетъ фонетику и морфологию трапезондскаго нарѣчія, дѣлаетъ нѣкоторыя синтаксическія замѣчанія и приводитъ въ текстъ и въ русскомъ переводѣ девять греческихъ пѣсенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ отголоски историческихъ событій (напримѣръ, прекрасный плачъ о паденіи Византіи). Нужно пожелать, чтобы работа Іоакимова попала въ руки нашимъ эллинистамъ.

Въ V-мъ выпускѣ „Сборника" было напечатано сказаніе

о кабардинскомъ богатырѣ Адемирканѣ. Въ новомъ выпускѣ г. Лопатинскій сообщаетъ рядъ другихъ сказаній о томъ же національномъ кабардинскомъ героѣ, записанныхъ имъ со словъ кабардинца Талиба Кашежева. Эти сказанія представляютъ какія-то глухія воспоминанія объ отдаленныхъ временахъ, о столкновеніи кабардинцевъ съ крымскими татарами и послѣдовавшемъ затѣмъ переселеніи всего народа или части его отъ береговъ Чернаго моря на сѣверо-кавказскую плоскость. Конечно, народная фантазія наложила на историческія событія свою печать. Такъ, ребенокъ Адемирканъ, подобно Моисею, Ромулу и Рему, брошенъ въ воду, носится по волнамъ моря и вылавливается купающеюся кабардинскою княгиней, взявшею его затѣмъ на воспитаніе. Прійдя въ возрастъ, онъ переплываетъ Черное море на своемъ чудесномъ конѣ, при помощи котораго онъ вообще совершаетъ всякіе подвиги. Можетъ быть, въ послѣдствіи, когда будутъ собраны и изучены другія кабардинскія сказанія, историческіе отголоски несомнѣнно въ нихъ содержащіеся станутъ яснѣе и прольютъ нѣкоторый свѣтъ на прошлое этихъ „рыцарей Кавказа“, наложившихъ въ значительной степени свою печать на сосѣднія народности.

Въ заслугу слѣдующей, археологической, статьѣ г. Долбежева—„Объ орнаментахъ и формахъ бронзы, находимыхъ въ доисторическомъ кладбищѣ близъ селенія Уолла-Кобанъ, Терской области“—слѣдуетъ поставить уже то, что она не потеряла нѣкотораго интереса даже послѣ появленія капитальнаго труда французскаго ученаго Шантра по археологіи Кавказа *). Г. Долбежевъ основательно изучилъ нынѣ знаменитый въ археологическомъ мірѣ Кобанскій могильникъ, которымъ занимались такіе ученые, какъ Ю. Д. Филимоновъ, графъ А. С. Уваровъ, В. Б. Антоновичъ, проф. Вирховъ и г. Шантръ. По словамъ автора, онъ въ теченіе послѣднихъ

*) Recherches anthropologiques dans le Caucase. 1886—1887. 4 Voll.

15-ти лѣтъ лично производилъ много разъ раскопки въ предѣлахъ этого доисторическаго кладбища, помогаль въ раскопкахъ Вирхову и сообщаетъ наблюденія, сдѣланныя имъ на основаніи изученія болѣе чѣмъ 500 могилъ, вскрытыхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ могильника (стр. 55). Понятно, что такія наблюденія имѣютъ за собою нѣкоторую основательность. Авторъ различаетъ верхніе этажи могилъ отъ нижнихъ такъ: въ двухъ верхнихъ этажахъ замѣченъ, по его наблюденіямъ, хотя слабо, у череповъ типъ плоскоголовый съ уширеніемъ назадъ, между тѣмъ какъ въ самыхъ нижнихъ, и поѣтому древнѣйшихъ этажахъ, встрѣчается исключительно типъ длинноголовой расы; дажѣ костяки нижнихъ двухъ этажей лежатъ на правомъ боку, съ руками, согнутыми къ лицу, лицомъ къ сѣверу, съ подогнутыми слегка голеньми; въ верхнихъ этажахъ положеніе костяковъ иное; въ нижнихъ этажахъ встрѣчаются въ изобиліи бронзовыя издѣлія, — въ верхнихъ бронза попадаетъ рѣже и встрѣчаются остатки желѣзныхъ орудій и т. д. Авторъ подробно характеризуетъ типическіе бронзовые предметы Кубанскаго могильника (топорики, лопатообразныя большія булавки и друг.), рассматриваетъ ихъ орнаментину и приводитъ, въ доказательство мѣстнаго происхожденія этихъ издѣлій, найденныя имъ и г. Кануковымъ глиняныя формы для отливки кинжала, топорика, длинной мужской булавки и друг.“ (стр. 67). Нельзя не замѣтить, что заключенія автора вообще отличаются осторожностью, которая далеко не всегда встрѣчается въ статьяхъ по доисторической археологіи. Такъ, даже найденныя имъ глиняныя формы для издѣлій не вполне убѣждаютъ его въ мѣстномъ изготовленіи бронзы: „Основываться на этихъ немногихъ находкахъ“, говоритъ онъ, — „трудно, и нужно предоставить будущимъ открытіямъ рѣшеніе вопроса, была ли фабрикація бронзы мѣстная, или онѣ доставлялись откуда-нибудь, или же то и другое вмѣстѣ“. Намъ кажется, однако, что съ этою

осторожностью въ выводахъ не совсѣмъ гармонируетъ другое заключеніе автора, что „нельзя не признать за древнимъ Кобанскимъ народомъ оригинальнаго, самобытнаго существованія, свободнаго отъ вліянія какой-либо культуры извнѣ“ (стр. 63). Вопервыхъ, самъ авторъ ниже оставляетъ возможность для предположенія, что бронзы могли быть доставляемы откуда-нибудь со стороны, а вовторыхъ, если въ настоящее время нельзя указать точно какого-нибудь культурнаго вліянія, отразившагося на кобанскихъ бронзовыхъ издѣліяхъ (хотя и есть попытки въ этомъ направленіи), то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что какія-нибудь новыя находки въ сосѣднихъ странахъ обнаружатъ связь кобанской культуры съ какою-нибудь другою.

За статьей г. Долбежева слѣдуетъ небольшой сборникъ народныхъ сказокъ закавказскихъ татаръ, составленный г. Захаровымъ. Сказки разнообразны по содержанію и представляютъ много мотивовъ общихъ со сказками русскими и другими европейскими. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ сказка № 2 „Отъ судьбы не уйдешь“, которую мы считаемъ не лишнимъ передать въ нѣсколькихъ словахъ въ виду того, что она представляетъ любопытную параллель къ одной русской побывальщинѣ. Молодой царевичъ заблудился въ лѣсу на охотѣ, провелъ тамъ ночь и утромъ набрелъ на домикъ, въ которомъ увидѣлъ дряхлаго старика, читавшаго большую книгу и что-то по временамъ записывавшаго въ ней тростниковымъ перомъ. Царевичъ спросилъ у него объясненія его занятія. Тотъ долго отказывался и наконецъ сказалъ, что записываетъ въ книгу судьбу каждого человѣка. „Въ такомъ случаѣ“ попросилъ царевичъ, — „потрудишься узнать въ твоей книгѣ, что опредѣлено мнѣ судьбою“. Старикъ посмотрѣлъ въ книгу и объявилъ, что судьба предназначила царевичу жениться на дочери бѣднаго пастуха, которая давно страдаетъ неизлѣчимою болѣзнію. Царевичъ разсердился на старика, ушелъ изъ его

хижины и побрелъ, куда глаза глядятъ. Идя ночью на свѣтъ огонька, онъ пришелъ въ хижинѣ одного бѣдняка, который предложилъ ему у себя ночевать. „Если не побрезгуешь твоя милость“, сказалъ онъ,—„то я помѣщу тебя въ моей хижинѣ; тамъ спать только моя больная дочь“. „Больная дочь“? спросилъ царевичъ,—„а кто же ты самъ?“ „Я бѣдный пастухъ, твой покорный рабъ, мой милостивый ага“. Царевичъ тотчасъ догадался, что больная дѣвушка—предназначенная ему невѣста, и рѣшился ее погубить. Онъ легъ ночевать въ комнатѣ больной, а пастухъ съ женою спали на дворѣ. Ночью царевичъ, убѣдившись что хозяева спятъ глубокимъ сномъ, подошелъ къ спящей дѣвушкѣ и ударилъ ее кинжаломъ въ животъ. Она громко вскрикнула и замолкла. Думая, что она мертва, царевичъ положилъ около нея мѣшокъ съ червонцами, вышелъ тихонько изъ хижины и исчезъ въ темнотѣ. По уходѣ царевича, когда утромъ отецъ и мать вошли въ хижину, то увидѣли дочь свою совсѣмъ здоровой. Оказалось, что ударъ кинжаломъ исцѣлилъ ее, такъ какъ она страдала водянкой. Обрадованные родители вмѣстѣ съ дочерью переселились въ городъ, гдѣ купили себѣ домъ на деньги, оставленные царевичемъ. Дочь ихъ стала замѣчательною красавицей. Однажды царевичъ увидѣлъ ее у крыльца дома, влюбился въ нее и сталъ умолять отца своего позволить на ней жениться. Царь изъ любви къ сыну соглашается исполнить его просьбу. Однажды молодая царевна съ матерью и сестрами своего мужа пошли въ баню. Онѣ замѣтили у нея глубокой шрамъ и сказали царевичу. Онъ распросилъ жену и убѣдился, что жена его именно та дѣвушка, которую онъ покушался убить.

Приведенная сказка какъ въ цѣломъ, такъ и во многихъ деталяхъ, близко напоминаетъ побывальщину о женитьбѣ богатыря Святогора, записанную Рыбниковымъ (I, стр. 40—41). Желая узнать свою судьбу, Святогоръ, по совѣту Микулы, ѣдетъ къ „Сивернымъ“ горамъ и пріѣзжаетъ къ кузницѣ, гдѣ

кузнецъ куеъ два тонкихъ волоса. „Говорить богатырь таковы слова: А что ты куешь, кузнецъ? Отвѣчаетъ кузнецъ: якую судьбину, кому на комъ жениться.—А мнѣ на комъ жениться?—Твоя невѣста въ царствѣ Поморскомъ, въ престольномъ во городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ. Стоить богатырь, пораздумался: дай-ка я поѣду въ тое царство Поморское и убью тую невѣсту. Приѣхалъ онъ въ царству Поморскому, ко тому ко городу ко престольному, приѣзжалъ къ домишечку убогому, входитъ въ избу: никого нѣтъ дома, одна только дѣвка лежитъ во гноищѣ; тѣло у ней—точно еловая кора.—Вынулъ Святогоръ-богатырь пятьсотъ рублей и положилъ на столъ, и взялъ свой вострый мечъ и билъ ее мечомъ по бѣлой груди, а затѣмъ и уѣхалъ изъ царства Поморскаго. Проснулась дѣвка, смотритъ: съ нея точно еловая кора спала, а на столѣ лежитъ денегъ пятьсотъ рублей; и стала она красавицей: такой на свѣтѣ не видано, на бѣломъ не слышано. На тѣя деньги начала она торговать и нажила безсчетну золоту казну, строила кораблики черленые, нагладала товары драгоцѣнные и поѣхала по славну по синю морю. Приѣхала она ко городу великому на святыхъ горахъ и стала продавать товары драгоцѣнные. Слухъ про ея красоту пошелъ по всему городу и по всему царству. Пришелъ и Святогоръ-богатырь посмотреть на красавицу; полюбилась она ему. Сталъ онъ ю сватать за себя, и она пошла за него замужъ. Какъ поженился на ней и легли спать, увидѣлъ онъ рубчикъ на ея бѣлой груди и спрашивалъ жену: что у тебя за рубецъ на бѣлой груди? Отвѣчала ему жена: въ наше царство Поморское приѣзжалъ не вѣмъ человекъ, оставилъ въ нашей избѣ денегъ пятьсотъ рублей, а я спала крѣпкимъ сномъ. Какъ проснулась, у меня рубецъ на бѣлой груди, и точно еловая кора спала съ бѣла тѣла, а до той поры-времени я лежала во гноищѣ цѣло тридцать лѣтъ. Тутъ Святогоръ-богатырь дозналъ, что отъ судьбины своей никуда не уѣдешь“. Въ виду

смѣшенія въ нашихъ былинахъ личностей Святोगора и Самсона, и послѣднему богатырю приписываетъ одна побывальщина женитьбу въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки Калѣи, которая тридцать лѣтъ лежала на гноищѣ" (Рыбниковъ III, 3).

Разсматривая записанную Рыбниковымъ побывальщину, мы замѣчаемъ, что она сохраняетъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ еще яркіе слѣды своего предшествоващаго состоянія, то-есть, быliny. Таковы: Сиверныя горы, Святныя горы, Поморское царство и друг. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется, что эта былина еще раньше, прежде чѣмъ сложилась въ былинный размѣръ, была сказкой, только случайно прикрѣпившеюся къ личности Святोगора или Самсона. Притомъ нельзя не замѣтить, что эта сказка, перейдя въ быlinу, утратила значительную долю логичности и осмысленности въ деталяхъ, именно вслѣдствіе того, что въ нее вторгнулись некстати реминисценціи изъ другихъ былинъ, связанныхъ съ именемъ Святогора и Самсона. Къ такимъ былиннымъ отголоскамъ, внесшимъ въ сказку запутанность и неосмысленность, нужно отнести, на-примѣръ, кузнеца, кующаго два тонкіе волоса, о которыхъ далѣе въ побывальщинѣ нѣтъ никакого упоминанія *), и Святныя горы, находящіяся въ связи съ именемъ богатыря Святогора. Станнымъ и не мотивированнымъ представляется также оставленіе Святогоромъ 500 рублей у дѣвушки, которую онъ убиваетъ, между тѣмъ какъ тотъ же мотивъ является вполне умѣстнымъ въ татарской сказкѣ, такъ какъ мѣшокъ съ деньгами, оставленный царевичемъ, долженъ служить вознагражденіемъ родителямъ дѣвушки, оказавшимъ царевичу гостепріимство, за которое онъ оплатилъ имъ убійствомъ ихъ больной дочери. Вѣроятно, въ какомъ-нибудь другомъ изводѣ русской побывальщины была подробность болѣе близкая къ татарской

*) Эти два волоса, вѣроятно, реминисценція тѣхъ золотыхъ волосъ, отъ которыхъ зависѣла сила Самсона.

сказкѣ, то-есть, упоминались родители Святогоровой суженой; по крайней мѣрѣ въ побывальщинѣ о женитьбѣ Самсона упоминается отецъ больной дѣвушки какой-то Лука Калѣка, который, вѣроятно, по логикѣ сказки (въ какомъ-нибудь изводѣ) получалъ деньги, оставленные богатыремъ и послужившія затѣмъ къ обогащенію испѣленной дочери.

Наши изслѣдователи былинѣ указали въ нѣкоторыхъ сказкахъ мотивы и отдѣльныя черты, напоминающія побывальщину о женитьбѣ Святогора *). Изъ указанныхъ ими сказокъ только одна дѣйствительно напоминаетъ побывальщину. Это пермская сказка о невѣстѣ-горбунѣ, напечатанная въ Пермскомъ Сборникѣ **). Но эта сказка значительно подновлена въ подробностяхъ и, какъ уже сказалъ г. Ждановъ, въ ней умалчивается о многомъ такомъ, о чемъ рассказываетъ побывальщина: поѣздка куда-то далеко, сонъ суженой, деньги, оставляемые богатыремъ ***). Притомъ, вмѣсто одной встрѣчи, въ сказкѣ упоминаются двѣ встрѣчи юноши съ суженой: въ церкви и въ богадѣльнѣ. Такимъ образомъ пермскую сказку нельзя и сравнивать съ кавказскою по отношенію близости той и другой къ побывальщинѣ о женитьбѣ Святогора-Самсона. Кавказская сказка содержитъ всѣ главныя и существенныя черты побывальщины и притомъ съ болѣе осмысленною мотивировкой.

*) См. *Ор. Миллеръ*. Илья Муромецъ, 239, примѣч. 146. *И. Ждановъ*. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 140 и слѣд.

**) Искать одинъ человекъ себѣ невѣсту. Пришелъ разъ въ церковь. Старикъ одинъ говоритъ ему: чего ты ищешь?—Невѣсту. Взялъ его за руку, подвелъ къ нишнимъ и указалъ на горбатую нишнюю: „вотъ твоя, говорить, судьба: не обидеши, не обидеши“... Постою же, думаетъ мужикъ, а засѣку нишнюю. Ниша эта жила въ богадѣльнѣ; вотъ, онъ ночью пріѣхалъ туда, выдвинулъ горбунью, хватилъ ее тесакомъ и самъ ушелъ скоро. Думаетъ дорогой: засѣкъ теперь нишню, вотъ и судьба моя! Однако горбунья отъ удара тесака не умерла, а стала красивой дѣвкой и поступила въ кухарки къ одному офицеру. Назначенный ей судьбою женихъ встрѣтился съ нею и присватался. Она согласилась. Когда молодые пошли въ баню, мужъ увидѣлъ у нея рубцы, разспросилъ ее и узналъ, что она именно та самая, которую онъ покушался убить. См. *Пермскій Сборникъ*, кн. II, отд. 2, стр. 166.

***) *Ждановъ*, *ор. с.*, 143.

Къ какому же заключенію можно прійти, сравнивая нашу побывальщину съ кавказскою сказкой? Мы склонны думать, что та и другая восходятъ къ одному оригиналу, который возникъ во всякомъ случаѣ не въ Россіи, а зацѣлъ въ нее съ востока, вѣроятно, путемъ Кавказа. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ такой же примѣръ вторженія восточной сказки въ русскую былинку и приуроченія сказочнаго мотива къ имени русскаго богатыря, какой уже давно указанъ въ другомъ разсказѣ о томъ же Сятогорѣ и его невѣрной женѣ, которую онъ носитъ въ хрустальномъ ларцѣ *). Любопытно, что именно на старшаго богатыря, Сятогора, наложены сказочные восточные осадки въ такомъ количествѣ. Позволимъ себѣ по поводу этого сопоставленія побывальщины съ кавказскою сказкой высказать убѣжденіе, что болѣе подробное изученіе кавказскихъ народныхъ сказаній должно уяснить связь послѣднихъ съ русскими, восходящую къ весьма отдаленнымъ временамъ. Уже теперь указаны нѣкоторыя черты сходства между кавказскими нартскими сказаніями и русскими богатырскими. Но такія черты могутъ быть обнаружены въ значительно большемъ количествѣ, и мы предоставляемъ себѣ въ специальномъ изслѣдованіи вернуться къ этому вопросу, съ цѣлію доказать, что Кавказъ воспринималъ въ значительномъ количествѣ восточные (особенно персидскіе) эпические мотивы, перерабатывалъ ихъ и отпускалъ на сѣверо-западъ въ южно-русскія степи **).

Поразительную близость къ русской сказкѣ „Царевичъ-возленичекъ“ представляетъ кавказская „О двухъ сиротахъ“ (№ 5). Братъ съ сестрой, оставшись сиротами, пошли бродить, куда глаза глядятъ. Брата томить жажда, онъ увидѣлъ лужу

*) См. *Ор. Миллеръ*. Илья Муромецъ, стр. 166, примѣч. 5. *Вс. Миллеръ*. Отчетъ Московскаго университета за 1875 г. *А. Н. Веселовскій*. Филологич. записки 1876 г., вып. 6. *Rambaud*. La Russie épique, pp. 49—50.

**) См. мою статью „Кавказско-русскія параллели“ въ *Этнографическомъ Обозрѣніи* 1891 г. книга X и XI-я.

съ водой и хотеть напиться. Сестра (Библи-джанъ) предупреждаетъ его: „Не пей, Аскеръ-джанъ, здѣсь слѣдъ копытъ лошади: выпьешь, обратишься въ лошадь“. То же повторяется у лужи со слѣдами коровьихъ и оленьихъ копытъ. Наконецъ, братъ не выдержалъ, напился воды изъ четвертой лужи и обратился въ красиваго джейдрана. Затѣмъ, такъ же какъ и въ русской сказкѣ, на двѣдѣ женился царь, и она подвергается преслѣдованію черной служанки (въ русской сказкѣ колдуньи), которая привязываетъ ей къ шеѣ тяжелый камень и топитъ ее въ морѣ, а сама принимаетъ ея видъ и становится царицей. Затѣмъ колдунья хотеть извести и джейдрана, притворяется больной и требуетъ отъ царя, чтобъ онъ накормилъ ее для излѣченія мясомъ джейдрана. Джейдранъ, догадываясь объ ожидающей его участи, бѣжитъ къ морю и кричить: „Библи-джанъ, Библи-Джанъ! наточили ножи, нагрѣли воду, меня хотятъ зарѣзать“ *). Сестра изъ-подъ воды говоритъ ему: „Библи да будетъ твоей жертвою, Аскеръ-джанъ! Рыба меня проглотила, тяжелый камень обрѣзалъ мнѣ шею, царскій же младенецъ, бѣлый какъ вата, покоится въ моихъ объятіяхъ“ **). Царь подслушиваетъ разговоръ брата и сестры, закидываетъ сѣти и достаетъ изъ моря свою настоящую жену живую. Затѣмъ черную служанку привязываетъ къ хвосту дикой лошади.

Сравнивая кавказскую сказку съ нашею и нѣмецкою (Brüderchen und Schwesterchen) у Гримма (Kinder und Hausmännchen, ч. I, № 11), мы замѣчаемъ, что послѣдняя значительно расходится въ деталяхъ съ обѣими. Въ нѣмецкой злою силою является мачиха, проклиная источники, вслѣдствіе чего пасынокъ и обращается въ серну, и выдающая

*) Въ нашей сказкѣ козленокъ поетъ: „Аленушка, сестрица моя! Выплыви, выплыви на бережокъ. Огни горятъ горячіе, котлы кипятъ кипучіе, ножи точатъ булатине, хотятъ меня зарѣзать“.

**) Въ нашей сказкѣ сестра говоритъ: „Иванушка-братецъ! Тяжелъ камень ко дну тянетъ, люта змѣя сердце высосала!“

свою дочь за падчерицу, которую мачиха не утопяетъ въ морѣ, а запираетъ въ баню, вслѣдствіе чего вторая половина сказки получаетъ другой видъ. Вообще близость разсмотрѣнной татарской сказки къ русской такова, что и здѣсь „кавказскій путь“ перехода восточныхъ сказокъ на Русь представляется намъ возможнымъ, и мы полагаемъ, что специальное изслѣдованіе кавказскихъ сказокъ, которыхъ теперь издано уже значительное количество, въ связи съ русскими должно привести къ интереснымъ результатамъ.

Не имѣя возможности остановиться на трехъ остальныхъ этнографическихъ статьяхъ этого выпуска *), отмѣтимъ, что новинку въ „Сборникѣ“ представляетъ Приложение, весьма желательное для лингвистовъ и, по словамъ завѣдующаго этимъ отдѣломъ, г. Завадскаго, имѣющее являться и при дальнѣйшихъ выпускахъ. „Въ приложеніи къ „Сборнику“, говоритъ г. Завадскій, — „предположено издавать на туземныхъ языкахъ словесныя произведенія народовъ, живущихъ на Кавказѣ“, при чемъ предлагается нѣсколько совѣтовъ относительно правильной научной передачи звуковъ записываемыхъ туземныхъ текстовъ. Согласно съ этимъ въ VI-мъ выпускѣ мы находимъ абхазскую азбуку барона Услара съ объясненіемъ произношенія буквъ и одну абхазскую сказку, записанную этою азбукой и сопровождаемую двумя переводами — дословнымъ и литературнымъ. Далѣе слѣдуетъ удинская азбука и сказка о Рустамѣ, записанная на ней природнымъ удиномъ изъ Варташена, учителемъ Михаиломъ Бежановымъ. Конечно, дословные переводы даютъ лингвисту нѣкоторую возможность составить себѣ понятіе о синтактическомъ строѣ

*) Священника *Т. Стефанова*: Обряды и обычаи, соблюдаемые жителями города Ейска, Кубанской области, при рожденіи ребенка, бракосочетаніи и погребеніи умершихъ; *Гассанъ-бекъ-Бачинова*: Нѣкоторыя характерныя черты жителей селенія Герай-бой-Ахмодлы Елисаветпольскаго уѣзда и г. *Григорій Горбунова*: Загадки и сказки, записанныя въ селѣ Казгулакѣ, Новогригорьевскаго уѣзда Ставропольской губерніи.

языка, но цѣль грамматическаго изученія достигалась бы удобнѣе, еслибы ~~сверхъ~~ того, текстъ сопровождался разборомъ cadaго слова съ морфологической стороны. Въ заключение замѣтимъ, что удинская сказка о Рустамѣ сама по себѣ полна интереса, такъ какъ свидѣлствуетъ о необыкновенной живучести иранскихъ сказаній на Кавказѣ, на которую намъ уже приходилось указывать.

В Ы П У С К ъ VII.

Давая отчетъ о предшествующихъ выпускахъ „Сборника“, мы имѣли случай отмѣтить отрадный фактъ, что полезное предпріятіе управленія Кавказскаго учебнаго округа нашло цѣлый рядъ дѣятельныхъ участниковъ во всѣхъ кавказскихъ губерніяхъ и областяхъ, главнымъ образомъ въ средѣ учителей народныхъ училищъ. Еще болѣе отрадно отмѣтить, что вслѣдъ за учителями на призывъ редакціи „Сборника“ начинаютъ откликаться и учительницы. Такъ VII-й выпускъ открывается обширною статьей учительницы Бороздинскаго станичнаго училища Е. Бутовой, доставившей въ „Сборникъ“ весьма обстоятельное (въ 156 страницъ) программное описаніе Бороздинской станицы Бизлярскаго округа Терской области, основанной терскими и донскими казаками въ половинѣ XVIII столѣтія. За описаніемъ внѣшняго быта, слѣдуетъ (далеко не привлекательная) характеристика нравственныхъ свойствъ, „свичаевъ и обычаевъ“ населенія станицы, подробное описаніе свадьбы и, что придаетъ наибольшій интересъ очерку, до 105 пѣсенъ, поющихъ бороздинцами, а также нѣсколько сказокъ. Всего обширнѣе, по обыкновенію, отдѣлы свадебныхъ и любовныхъ пѣсенъ, при чемъ репертуаръ бороздинцевъ, также какъ пѣсенный репертуаръ многихъ русскихъ деревень, подвергся уже въ достаточной степени опошляющему вліянію городской культуры. Къ такимъ пошлымъ произведеніямъ трактирнаго пошиба относятся, напримѣръ, слѣдующіе стихи:

„Ты прощай, моя милая,
Радость дорогая! www.dorogaya.com.cn
Я не скоро къ тебѣ буду,—
Тебя позабуду!
— „Запрягай, милый, карету,
Сяду я—поѣду;
Запрягай, милый, другую,—
Сяду я въ любую,—
Запрягай, милый, во (sic) третью,
Сядетъ кучеръ съ плетью (стр. 89).

Или вотъ какъ дѣвица отвергаетъ любовь своего милаго:

„Я умру—жива не буду отъ любви отъ своей:
Отъ этой отъ любви приключилася болѣзнь;
Отъ этой отъ болѣзни излетаетъ злая смерть;
Я на гробѣ распишуся—всѣмъ подружкамъ расскажу:
—Ужъ вы, нянюшки подружки, вы не дѣлайте того,
Вы не дѣлайте того—не любите никого и т. д. (стр. 87).

Но рядомъ съ этими ужасными образцами новѣйшаго творчества въ пѣсняхъ бороздинцевъ продолжаютъ звучать и старые мотивы, переносящіе насъ къ „высокимъ теремамъ“ и „широкимъ дворамъ“, къ зеленымъ дубровушкамъ и бѣлымъ горючимъ камушкамъ. Такъ, въ одной изъ такихъ старинныхъ пѣсенъ находимъ слѣдующую картину:

„Подъ порогомъ бѣль-горючъ камень лежитъ;
Изъ-подъ камушка быстра рѣчка бѣжитъ,
На быстрой рѣчкѣ суденышко лежитъ,
На суденышѣ немножечко людей,
Немножечко людей—всего восемь человѣкъ,
Девятая красная дѣвица,
А десятый—удаль-добрый молодецъ,—
По суденышу похаживаетъ,
Туго лукъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу накладываетъ,

Каленѣ-то стрѣлѣ приказываетъ:

„Полети, моя каленая стрѣла,
Высокомъ-то высокохонько
А далекомъ-то далекохонько;
Ты убей-то, убей, моя каленая стрѣла,
Сѣрюю утушку въ тепломъ гнѣздѣ,
Бѣлую лебедушку на свѣтлой водѣ,
Красную дѣвушку въ высокомъ терему... (стр. 85).

Хотя пѣсня и не вполне выдержана, но все же въ ней чувствуется какъ бы припоминаніе стародавнихъ картинъ и приемовъ. Такимъ же припоминаніемъ чего-то весьма отдаленнаго отзывается пѣсня о Черменѣ-кораблѣ, въ изображеніи котораго проскальзываютъ отдѣльныя черты Сокола-корабля, хорошо извѣстнаго въ былевой поэзіи:

Ужъ не по морю было, по моречку,
Было по морю синему:
Не по синему было—по Хвалынскому,—
Тамъ плыли, всплывали
Они, тридцать кораблей.
Одинъ изъ нихъ—черменѣ-корабль—
Напередъ рѣзво бѣжитъ,
Какъ ясенъ соколъ летитъ,—
Хоботъ-корму держать
Ровно по звѣриному,
Рулемъ править черменѣ-корабль,
Ровно по змѣиному,
Хорошо корабль изукрашенъ,
Бѣлымъ серебромъ корабль изукрашенъ,
Жолтымъ золотомъ корабль изукрашенъ.

Если мы пропустимъ неумѣстно вставленное отрицаніе не, то получимъ зачало былинны о Соколѣ-кораблѣ, на которомъ ѣдетъ Илья Муромецъ. У этого корабля

Бока сведены по звѣриному,
А носъ отъ да корма по змѣиному *).

Но число тридцать кораблей занесено въ кавказскую
пѣсню изъ другой былинны—о Соловьѣ Будимировичѣ, гдѣ Со-
колъ-корабль представленъ во главѣ тридцати другихъ **).

Далѣе въ кавказской пѣснѣ говорится:

На кораблѣхъ бесѣдушка,
Она вновь построена.

Эта бесѣдушка—искаженный отголосокъ одной детали
Сокола-корабля, на которомъ ѣдетъ Соловей Будимировичъ:

На томъ Соколѣ-кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ;
Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ ***).

Если до сихъ поръ въ бороздинской пѣснѣ еще звучатъ
кой-какіе отголоски былинной старины, то дальнѣйшіе стихи
переносятъ насъ съ Сокола-корабля, пожалуй, ужъ на палубу
какого-нибудь каспійскаго парохода:

Во бесѣдушкѣ сидѣли люди вольные,
Люди вольные сидѣли,—купцы торговые,
Армяне, они сидѣли съ кизильбашами (то-есть, пер-
сіянами).

Далѣе мы узнаемъ, что эта корабельная публика играетъ
въ пашечки тувалторовыя, и притомъ, что весьма стран-
но, о своихъ буйныхъ головушкахъ. Наконецъ, пѣсня
совершенно бессмысленно оканчивается слѣдующимъ неожидан-
нымъ событіемъ:

Что на морѣ погодушка, она поднималась,
Бѣлые паруса, погодушка, она сорывала;
Этихъ купчиковъ, купцовъ торговыхъ,
Она потопляла.

*) Киреевскій, I, 22.

**) Киреевскій, VI, стр. 100.

***) Тамъ же.

Въ отдѣлѣ историческихъ пѣсенъ находимъ нѣкоторые ~~отголоски казацкихъ~~ походовъ, при чемъ иногда старыя погудки передѣлываются на новый ладъ. Въ пѣсняхъ упоминаются Салтыковъ князь, Паскевичъ, Долгорукій, Воронцовъ и Прусскій король. Мѣстная природа отразилась, и притомъ очень удачно, въ пѣснѣ о Терекѣ Горыновичѣ, на нашъ взглядъ лучшей во всемъ сборникѣ (стр. 119).

Ужъ ты, батюшка нашъ, батюшка,
Терекъ Горыновичъ!
Про тебя то лежить,
Батюшка, быстрый Терекъ,
Лежить рѣчь хорошая
И славушка добрая:
— „Какъ прорылъ, прокопалъ
Батюшка быстрый Терекъ,
Горы высокія *);
Что устычвомъ впадаетъ
Батюшка, быстрый Терекъ,
Да онъ во сине море;
Что изъ горъ выкопалъ
Батюшка, быстрый Терекъ,
Бѣль-горючій камень“.
Тутъ шли-то, прошли
Кизлярскіе казаки,
Они—со батальицы,
Съ той-то было
Со батальицы со Турецкой;
Не дошедши они,
Кизлярскіе казаки,
До бѣлаго камушка,
Они остановилися;

*) О Днѣпрѣ Словутичю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозь землю Половецкую. Слово о полку Игоревѣ.

Промежду-то себя,
Они задувалили (стали дѣлить добычу):
Доставалось имъ,
Кизлярскимъ казакамъ,
Имъ по пяти сотъ рублей;
Атаману съ есаулушкой—
Имъ по тысячѣ;
Одному-то изъ нихъ
Кизлярскому казаку, —
Красна дѣвица:
Убору-то на ней—
Во пятьсотъ рублей,
Что коса-то руса
У красной у дѣвицы
Стоитъ рублей тысячу;
За умъ ея—разумъ,
Красной дѣвицы—
Ей и смѣты нѣтъ.—

Оставляя въ сторонѣ двѣ слѣдующія статьи I-го отдѣла — П. Федоровскаго — Страничка изъ жизни грузинъ-поселенцевъ въ Малороссіи (составлена по документамъ, извлеченнымъ изъ архива бывшей Малороссійской коллегіи) и В. Иванова — „Городъ Ахалцихъ“, переходимъ ко 2-му этнографическому — отдѣлу, открывающемуся „Сказаніями о нартахъ“ (богатыряхъ), записанными въ русскомъ переводѣ со словъ туземцевъ учителемъ осетинской Георгіевской школы Кубанской области Баталпашинскаго уѣзда А. Кайтмазовымъ.

Въ виду быстрого вымирания сказаній о нартахъ, нѣсколько новыхъ осетинскихъ былинъ представляютъ цѣнный матеріалъ для изученія „кавказскаго“ эпоса. Нѣкоторые мотивы въ сказаніяхъ, записанныхъ г. Кайтмазовымъ, уже извѣстны въ раньше изданныхъ сказаніяхъ, другіе встрѣчаются впервые. Отмѣтимъ, что вліяніе иранскихъ сказаній на кавказскія,

слѣды котораго мы указали въ одной осетинской былинѣ *), становится вполне несомнѣннымъ изъ записаннаго г. Кайтазовымъ сказанія о томъ, „какъ Ростомъ убилъ своего сына Зурапхана“ (стр. 17—20). Необыкновенной свѣжестію и живностью языческихъ представлений отличается любопытное преданіе объ охотникѣ Куси Дзуртовѣ и осетинскомъ богѣ, владѣтелю дикихъ животныхъ, Авсати (стр. 27—30). Ловкій охотникъ Куси сильно досаждастъ богу, убивая безъ его согласія его туровъ. Богъ, не смотря на всѣ свои старанія, ничего не можетъ подѣлать съ охотникомъ и жалуется святому Уастырджи (Георгію), который предоставляетъ себѣ расправиться съ непочтительнымъ звѣробоемъ. Дѣйствительно, Куси заболѣлъ и умеръ. Онъ былъ вынесенъ на „Большой лугъ“ и положенъ на свой халатъ. Со всѣхъ мѣстностей сходилъ народъ, чтобъ отдать покойнику послѣдній долгъ. Въ это время нѣкто Бисолтанъ Кастмазовъ отправился къ Авсати, чтобы первымъ извѣстить его о такой для него радости. Авсати не вѣрить своему счастью, и Бисолтанъ приглашаетъ его посмотреть самому при восходѣ солнца на „Большой лугъ“. Когда утромъ Авсати при помощи подзорной трубы убѣдился въ смерти Куси, онъ желаетъ по обычаю отблагодарить Бисолтана за сообщеніе радостнаго извѣстія и посылаетъ звать его къ себѣ въ гости. На пиру онъ сажаетъ его за одинъ столъ со св. Георгіемъ побѣдоносцемъ и архангеломъ Гавріиломъ и, по просьбѣ Бисолтана, награждаетъ его тѣмъ, что и онъ, и всѣ его потомки будутъ имѣть удачу на охотѣ. „Съ того времени“, заключаетъ сказаніе, — „изъ Кастмазовыхъ, которые почти всѣ занимались охотою, не было ни одного неудачнаго охотника“.

Слѣдующая статья В. К и н а д з е — „Памятники древности Телавскаго уѣзда Тифлисской губерніи“ — представляетъ интересъ въ виду производящихся въ настоящее время археологи-

*) Осетинскіе этюды, I, стр. 11, № XV.

ческихъ изысканій на Кавказѣ. Археологи несомнѣнно будутъ благодарны редакціи „Сборника“ за то, что она начинаетъ отводить мѣсто и для статей археологическаго содержанія. Указанія мѣстныхъ жителей, имѣющихъ возможность собирать археологическія данныя въ предѣлахъ своего района, въ высшей степени цѣнны для пріѣзжихъ изслѣдователей, которые, по порученію ученыхъ археологическихъ учреждений, больше занимаются раскопками и изученіемъ древнихъ памятниковъ, чѣмъ туземцы. Авторъ названной статьи указываетъ развалины городовъ, описываетъ вѣратца древніе монастыри, церкви, замки и гробницы. Въ виду интереса, возбуждаемаго въ настоящее время кавказской „бронзовою могильною культурой“ (могильники: Кобанскій, Казбекскій, Самтаврскій и пр.), любопытно, для опредѣленія района этой культуры, указаніе, что и въ Телавскомъ уѣздѣ, въ Цинандалахъ, при рытьѣ земли для подваловъ, найдены гробницы съ бронзовыми предметами — браслетами, витыми кольцами и кинжалами (стр. 49). Въ другихъ мѣстахъ того же уѣзда (въ сожалѣнію, авторъ не говоритъ, гдѣ именно) при раскопкахъ находили бронзовые топоры, украшенные черточками и фигурами (стр. 50). Это напоминаетъ топоры, найденные въ изобиліи въ знаменитомъ Кобанскомъ могильникѣ въ Осетіи.

Остальная часть разсматриваемаго выпуска состоитъ изъ 14 мелкихъ статей, большею частью не превышающихъ нѣсколькихъ страничекъ, и только послѣдняя, статья 15-я, болѣе обширнаго размѣра. Не имѣя возможности останавливаться на каждой статьѣ, отмѣтимъ только нѣкоторыя изъ нихъ, содержащія въ себѣ что-нибудь болѣе новое и интересное. Такъ статейка М. Погосова — „Тамерланъ, по разсказамъ джаванширскихъ армянъ“ — содержитъ въ себѣ странное преданіе объ армянскомъ происхожденіи этого завоевателя. Оказывается, что онъ былъ сыномъ одного армянскаго священника, жившаго нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ въ селѣ Баллуджѣ

(Шушинскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи). Рожденіе ребенка сопровождалось смертью матери, вслѣдствіе чего отецъ возненавидѣлъ сына. Мальчикъ, окрещенный по обряду армяно-григоріанской церкви, получилъ однако арабское имя Эмиръ. Онъ отличался необыкновенною силой и быстротой ногъ, такъ что однажды загналъ въ домъ отца зайца, принявъ его за агненька. Опасаясь, что сынъ причинитъ много зла, отецъ ночью связываетъ его и вырѣзаетъ ему и кроножныя мышцы, вслѣдствіе чего мальчикъ сталъ хромымъ и получилъ прозвище лангъ-эмиръ (?), которое яко бы значить по арабски хромоу эмиръ. Видя ненависть къ себѣ отца, онъ бѣжалъ въ Дагестанъ, принялъ магометанскую вѣру и, проживъ нѣсколько времени среди лезгинъ, отправился оттуда въ Среднюю Азію. Прошло 20 лѣтъ, и вотъ изъ Средней Азіи двинулся Тамерланъ съ огромнымъ войскомъ турокъ-селджуковъ въ Малую Азію. Отсюда одинъ отрядъ направился по сѣверному Кавказу, другой—по долинѣ рѣки Аракса, а третій, съ самимъ Тамерланомъ во главѣ,—по области Сюникъ (нынѣшніе Зангезурскій, Шушинскій и Джеванширскій уѣзды Елисаветпольской губерніи). Страшный завоеватель опустошаетъ все огнемъ и мечемъ и избиваетъ всѣхъ христіанъ. Онъ самъ нарочно идетъ въ свое родное селеніе Баллуджу, но уже не застаётъ своего отца въ живыхъ. Преданіе оканчивается разсказомъ о разрушеніи знаменитаго армянскаго города Зара-Загара, котораго развалины сохранились и понынѣ на западной границѣ Джеванширскаго уѣзда. Въ этомъ любопытномъ народномъ преданіи донеслось до насъ воспоминаніе объ ужасномъ опустошеніи, постигнувшемъ Сюникъ пять столѣтій тому назадъ. Народная память объ этомъ бѣдствіи поддерживается доселѣ еще не заглаженными его слѣдами—развалинами 27 церквей (стр. 67).

Въ доставленной г. Израеловымъ армянской легендѣ о Евреѣ и серебряѣ находимъ мѣстную версію древ-

ного мотива о перстнѣ, проглоченномъ рыбою (Поликратовъ перстень). Чтобы подвести подъ гнѣвъ царя серебряна, которому царь отдалъ въ починку кольцо, еврей, пользуясь минутнымъ отсутствіемъ хозяина изъ мастерской, похищаетъ кольцо и бросаетъ его въ море. Приславъ долго кольцо понапрасну, серебрякъ по обыкновенію ударилъ три раза молотомъ о наковальню и сказавъ: „велика сила Спасителя!“ пошелъ изъ мастерской въ себя домой. На другой день онъ вышелъ на берегъ моря купить рыбы на обѣдъ, чтобы въ послѣдній разъ пообѣдать съ своимъ семействомъ, будучи увѣренъ, что царь велитъ его казнить за утрату кольца. Но едва распоролъ одну рыбу, какъ изъ нея выпало проглоченное ею кольцо, и серебрякъ былъ спасенъ, а еврей, увѣровавъ въ Спасителя, принялъ св. крещеніе.

Преданіе о св. Симонѣ *), сообщенное Е. Зедгендзе, любопытно наслоеніемъ на имя этого свята одной детали изъ распространенныхъ на Кавказѣ сказаній о поколѣніи великановъ, предшествовавшемъ поколѣнію людей. Старикъ-охотникъ изъ села Рустави (Ахалкалакского уѣзда Тифлисской губерніи), пробродивъ долго понапрасну, случайно открылъ пещеру, изъ которой выпрывался тусклый свѣтъ. Пробравшись далеко вглубь по узкой галлерей, охотникъ увидѣлъ келью и въ ней старика предъ иконой Божьей Матери. Отшельникъ спрашиваетъ пришельца, что дѣлается на землѣ, и какъ живутъ люди. Затѣмъ онъ проситъ показать себя хлѣбъ, употребляемый людьми современными. Охотникъ вынулъ оставшійся у него отъ завтрака хлѣбъ и подаль старику. Тотъ взялъ его въ руи и сжалъ: изъ хлѣба упала капля крови. Старикъ тяжело вздохнулъ и сказалъ: „О, сколько зла творится на землѣ, сколько порочныхъ дѣяній, сколько преступленій!“ Потомъ онъ взялъ свой хлѣбъ, сжалъ его,

*) Церковныя преданія о св. Симонѣ Апостолѣ см. у Brosset, *Histoire de la Géorgie*, 1-е partie, p. 61.

и оттуда упала капля молока; при этомъ старикъ сказалъ: „Вотъ, сынъ мой, прежде мы питались такимъ хлѣбомъ; не знали, что такое зло, что кража, обманъ, и жили въ истинной братской любви“ (стр. 91). Это чудо съ хлѣбомъ, совершенное отшельникомъ, оказавшимся, какъ сообщаетъ преданіе, св. Симономъ, напоминаетъ, напримѣръ, осетинское преданіе о великанѣ, напечатанное въ томъ же выпускѣ „Сборника“ и записанное г. Кайтмазовымъ. „Воскрешенный“ изъ гигантскихъ костей, по молитвѣ Дарезановъ, великанъ требуетъ у нихъ хлѣба, и точно также изъ людского хлѣба подъ давленіемъ его руки потекла кровь. Про свой же хлѣбъ великанъ говоритъ, что въ его время брали горсть земли, выжимали изъ нея сокъ и имъ были сыты (стр. 17). Такимъ образомъ поколѣніе великановъ получало пищу отъ земли безъ всякаго труда, и въ прежнія времена жилось на землѣ легче. Въ сказаніи о св. Симонѣ этотъ мотивъ о хлѣбѣ получилъ уже религіозно-нравственную окраску: поколѣніе людское утратило прежнее нравственное совершенство.

Преданіе о царицѣ Тамарѣ, записанное г. Галаджевымъ въ селеніи Белоканы, Закатальскаго уѣзда, любопытно по перенесенію на царицу Тамару сказочнаго мотива о посѣщеніи переодѣтымъ царемъ красавицы-царицы, мотива извѣстнаго уже изъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. При полномъ отсутствіи хронологическихъ свѣдѣній, свойственномъ народнымъ преданіямъ, современникомъ Тамары (конецъ XII и начало XIII вѣка) является Персидскій шахъ Аббасъ, жившій въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія. Послѣдній, переодѣвшись помощникомъ лудильщика, проникаетъ въ ея замокъ и бросаетъ на царицу страстный взоръ. Тамара, какъ женщина проницательная, догадалась, что передъ нею не простой человѣкъ, и дѣйствительно, на второй день по уходѣ лудильщика, ей донесли, что вмѣстѣ съ нимъ къ ней явился шахъ Аббасъ. Въ началѣ слѣдующаго года Персидскій шахъ

собралъ огромное войско и двинулся на крѣпость Тамары, въ надеждѣ овладѣть царницей. Персіяне одолѣли войско Тамары, но гордая красавица, чтобы живою не попасть въ руки шаха Аббаса, рѣшилась лучше погубить себя: она поднялась на куполь церкви и бросилась внизъ (стр. 97). Для объясненія генезиса этого преданія нужно вспомнить, что съ именемъ царицы Тамары связывается на Кавказѣ представленіе о самомъ счастливомъ и блестящемъ періодѣ исторіи Грузіи, а имена нѣкоторыхъ Персидскихъ шаховъ памятливы по ужаснымъ опустошеніямъ, постигшимъ эту страну отъ персіянъ. И вотъ, народная фантазія, олицетворивъ отношенія Грузіи къ Персіи въ образахъ Тамары и шаха Аббаса, внесла въ эти отношенія романтическую черту о нераздѣляемой любви и самоотверженной смерти *).

Пять татарскихъ сказокъ, записанныхъ г. А. Калашевымъ въ селеніи Сагіянъ, Шемахинскаго уѣзда Бакинской губерніи, отличаются замысловатостью и народнымъ юморомъ, особенно № IV (Абутъ) и № V (Шейдулла). Въ сказкѣ „Ухай“ развивается тотъ же мотивъ, что въ нашей „Хитрая наука“ **) и во многихъ западно-европейскихъ.

Образчики народного юмора, прохаживающагося на счетъ жителей цѣлаго селенія, можно видѣть въ „Анекдотахъ Шемахинскихъ армянъ“, сообщенныхъ также г. А. Калашевымъ. Жители селенія Керкенджъ (не далеко отъ г. Шемахи), по словамъ собирателя, пользовались въ старину репута-

*) Впрочемъ преданіе о сватовствѣ шаха Аббаса, быть можетъ, представляетъ искаженный отголосокъ дѣйствительнаго событія. Въ 1596 году шахъ Аббасъ прислалъ къ грузинскому царю Александру посла своего Бирибелъ, чтобы просить себя въ жены дочь Александра. Послѣдній не могъ исполнить желанія шаха, такъ какъ раньше просваталъ дочь свою за князя Дадіана. Въ слѣдующемъ году шахъ двинулъ войска свои къ границѣ Грузіи и подъ угрозой войны сталъ требовать себя въ жены какую-нибудь другую грузинскую царевну, и Александръ послалъ ему свою племянницу. См. *А. Бюлюкюровъ*, Сношенія Россіи съ Кавказомъ въ Чтеніяхъ въ Моск. Общ. ист. и др. Росс., кн. 146, М. 1889, стр. 310.

**) *Аванасыевъ*, V, № 22 VI № 45.

дией людей глупыхъ, неразвитыхъ, грубыхъ и вполне невежественныхъ. Фантазія народная постоянно выводила ихъ, въ своихъ анекдотахъ, въ роляхъ комическихъ героевъ. Дѣйствительно, пять записанныхъ г. Калашевымъ анекдотовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что керкенджцы, по догадливости, не превышаютъ нѣмецкихъ Lallenbürger'овъ и нашихъ помещенцевъ: одинъ съѣдаетъ лягушку вмѣсто кебаба, другой повѣрилъ тому, что изъ арбуза родятся ослы, другіе разгоняютъ туманъ палками и т. п.

Болѣе крупную статью 2-го отдѣла представляетъ сборникъ армянскихъ сказокъ, записанныхъ г. Н. Калашевымъ въ Шемахинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи. Изъ двѣнадцати довольно пространныхъ и сложныхъ сказокъ нѣкоторыя представляютъ по содержанію сходство со сказками, уже раньше напечатанными въ другихъ выпускахъ „Сборника“. Не смотря на несомнѣнную древность и фантастичность нѣкоторыхъ мотивовъ, кое-гдѣ чувствуется недавняя ретушировка деталей, при чемъ разсказчикъ нерѣдко вводитъ въ содержаніе разсказа современныя черты. Такъ, въ одной сказкѣ герой (Юсуфъ) отправляетъ ящикъ съ своей возлюбленной и сокровищами на пароходѣ (стр. 198); въ другой—нѣкій государь Кули-ханъ, потерявъ сыновей, показываетъ приближеннымъ ихъ фотографическія карточки и т. п. Видно, что на востокѣ фантастическая сказка еще не вполне застыла въ своихъ древнихъ эпическихъ чертахъ и не удалась изъ общества мужчинъ въ дѣтскую и женскую половину дома, какъ чудесная сказка народовъ запада.

Кончая этимъ нашъ бѣглый обзоръ содержанія VII выпуска „Сборника“, мы должны въ заключеніе замѣтить, что участіе редакціи въ этомъ выпускѣ замѣтнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ, быть можетъ, вслѣдствіе раздѣленія труда. Первый отдѣлъ изданъ подъ редакціей г. Черникова, главное же руководство и наблюденіе, по изданію и редакціи, при-

надлежало, какъ и въ прежнихъ выпускахъ, Н. А. Короваяву. Редакторы ~~истарались~~ дать возможность читателю нѣсколько разобратся въ массѣ сырого матеріала по народной словесности, накапливающагося все въ большемъ и большемъ количествѣ съ каждымъ новымъ выпускомъ. При пѣсняхъ, сказкахъ и т. п. указываются въ выноскѣ варианты или сходные мотивы въ матеріалахъ, изданныхъ раньше; кое-гдѣ находимъ объясненія отдѣльныхъ словъ и нѣкоторыя историческія справки. Все это можетъ только возвысить цѣну „Сборника“ для всякаго, интересующагося этнографіей Кавказа.

В Ы П У С К Ъ IX.

Въ 1-мъ отдѣлѣ новаго выпуска этого высокополезнаго изданія Кавказскаго учебнаго округа мы находимъ продолженіе труда преподавателя Тифлисской 1-й гимназіи К. Гана „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“, труда, начатаго въ IV выпускѣ „Сборника“. Напомнимъ, что 1-я часть труда г. Гана обнимала въ хронологическомъ порядкѣ приблизительно пятнадцать столѣтій, начиная со свѣдѣній о Кавказѣ, находящихся у Гомера, и кончая писателями V столѣтія по Р. Х. Въ настоящемъ выпускѣ находимъ переводъ нѣкоторыхъ византійскихъ писателей, сообщающихъ свѣдѣнія объ Иберіи и Лазикѣ. Русскій переводъ сдѣланъ съ латинскихъ переводовъ извѣстнаго ученаго прошлаго вѣка Ф. Штриттера, составителя многотомнаго и нынѣ рѣдкаго сборника свѣдѣній о народахъ, нѣкогда жившихъ по Дунаю и около Чернаго моря, Азовскаго, на Кавказѣ, у Каспійскаго моря и далѣе къ сѣверу, свѣдѣній, заимствованныхъ изъ писателей о византійской исторіи *). Но

*) *Memoriae populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeiorem, Caucasum, Mare Caspium et inde magis ad septentrionem incolentium e scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae a E. G. Strittero.. Petropoli. MDCCCLXXIX.*

переводъ Штриттера провѣренъ и исправленъ по греческимъ источникамъ г. А. Приселковымъ, и дѣйствительно, при чтеніи труда г. Гана читатель нерѣдко находитъ въ сноскахъ слѣды такой провѣрки.

Мы не беремъ на себя оцѣнку точности переводовъ г. Гана, но можемъ заявить, что сдѣланы они хорошимъ литературнымъ языкомъ. Къ сожалѣнію, г. Ганъ отступилъ отъ Штриттера въ томъ, что не указываетъ при каждомъ параграфѣ, на которые разбиты отрывки изъ византійцевъ, изъ какого именно писателя онъ заимствованъ. Такимъ образомъ пользованіе старымъ сборникомъ Штриттера, нынѣ уже трудно доступнымъ, продолжаетъ оставаться необходимымъ для каждаго, кто изучаетъ основательно извѣстія византійскихъ писателей о Кавказѣ. Другой упрекъ, который можно сдѣлать переводчику,—тотъ, что имена нѣкоторыхъ византійскихъ писателей, а также лицъ, народовъ или городовъ, ими упоминаемыхъ, онъ передаетъ по русски въ ихъ латинской, а не греческой звуковой формѣ. Отсюда является та непоследовательность и странность, что рядомъ съ Теофаномъ и Теофилактомъ (а не Теофаномъ и Теофилактомъ) мы находимъ имена: Цедренъ, Синцеллъ, Цекхи (вмѣсто Зихи), Рецивангъ (Ρεκιδανγος), Цетцеумъ (Κεττσειον) и т. под.

Извѣстія объ иберахъ, сопоставленные Штриттеромъ, обнимаютъ періодъ времени въ двѣнадцать столѣтій, впрочемъ, съ пропускомъ нѣсколькихъ вѣковъ, о которыхъ нѣтъ свѣдѣній у византійскихъ писателей. Первое извѣстіе относится къ 65 году до Р. Х., ко времени похода Помпея на Армению и Иберію, а послѣднее—къ 1222 году, ко времени вторженія татаръ въ области Кавказа. Помимо свѣдѣній политическаго характера, освѣщающихъ отношенія иберовъ къ Византіи и Персіи, всякій, интересующійся древнею культурой Кавказа, встрѣтитъ въ извѣстіяхъ византійцевъ объ Иберіи не мало любопытныхъ данныхъ. Отмѣтимъ, напримѣръ, извѣстіе, помѣ-

щенное подъ 452 годомъ по Р. Х., о происхожденіи иберскихъ куропататовъ. Здѣсь сообщается преданіе, существовавшее у нихъ, о ихъ происхожденіи отъ жены Уріи, которую обезчестилъ царь и пророкъ Давидъ: „Такимъ образомъ, они называютъ себя родственниками царя и пророка Давида... Поэтому иберскіе вельможи безпрепятственно женятся на близкихъ родственницахъ, полагая, что этимъ они исполняютъ старый законъ“ (стр. 13). Если, дѣйствительно, у иберскихъ вельможъ въ V вѣкѣ существовалъ этотъ обычай (а въ этомъ нѣтъ основанія сомнѣваться), то намъ представляется возможнымъ предположеніе, что онъ находился въ связи съ сильнымъ вліяніемъ иранской религіи (Зороастра), которое, какъ извѣстно, оставило значительные слѣды въ народныхъ вѣрованіяхъ въ Закавказьѣ. Извѣстно, что бракъ на близкихъ родственницахъ, называемый *hwaetvodafo*, особенно рекомендуется Зендавестой на томъ основаніи, что сохраняетъ чистоту извѣстнаго рода, и многочисленные примѣры персидскихъ браковъ на дочеряхъ, сестрахъ и матеряхъ не ускользнули отъ вниманія греческихъ писателей *).

Гораздо обильнѣе свѣдѣнія византійскихъ писателей о лазахъ, такъ какъ Лазія въ теченіе долгаго времени входила въ составъ византійскихъ владѣній на Кавказѣ, и изъ-за нея велось не мало войнъ съ Сасанидскими царями. Особенно полны, обстоятельны и интересны извѣстія отъ конца V и всего VI столѣтія. Находясь между двумя враждующими государствами, лазы, которыхъ византійцы считаютъ потомками древнихъ колховъ, подчиняются то Византіи, то Персіи и эксплуатируются равно обоими народами. Къ Византіи ихъ влечетъ общность религіи, но ужасныя вымогательства византійскихъ чиновниковъ и солдатъ иногда вынуждаютъ ихъ искать защиты у персидскаго правительства. Вотъ, на примѣръ, какъ характеризуютъ византійскую опеку послы лазовъ, явившіеся къ

*) Диогена Лаертійскаго, Страбона.

Персидскому царю Хосрову съ просьбой о союзѣ: „Слѣдуетъ сказать о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ поступковъ, которые ненавистные римляне позволили себѣ противъ насъ. Оставивъ нашему царю тѣнь верховной власти, они отняли у него всякую свободу дѣйствій, такъ что онъ теперь не что иное, какъ слуга, боящійся полководца, приказывающаго ему. А въ странѣ нашей они поставили массу войска, не для того, чтобъ охранять ее отъ непріятельскаго насилія (потому что насъ никто изъ сосѣдей, за исключеніемъ римлянъ, не обижаетъ), а на самомъ дѣлѣ, это сдѣлано только для того, чтобы, заперевъ насъ какъ въ тюрьмѣ, овладѣть нашимъ имуществомъ. Посмотри, что они придумали сдѣлать съ жизненными припасами, чтобъ ограбить насъ кратчайшимъ путемъ. То, что у нихъ въ издѣлѣ, они навязываютъ лазамъ и заставляютъ ихъ противъ воли покупать; а что наша страна производитъ полезнаго для нихъ, они требуютъ, чтобъ имъ продавалось только для виду, такъ какъ цѣны на всѣ товары назначены произвольно властвующими надъ нами. И такъ они отбираютъ, вмѣстѣ съ нашими запасами, и наше золото, подъ приличнымъ названіемъ торговли, на самомъ же дѣлѣ съ величайшимъ насиліемъ; нашъ начальствующій полководецъ самъ все перекупаетъ и пользуется своею властью только для того, чтобъ изъ нашей нищеты извлечь себѣ выгоду“ (стр. 77). Но не менѣе тягостно было положеніе лазовъ и подъ властью персовъ, когда Хосровъ-Аноширванъ, овладѣвъ византійскимъ городомъ Петрой, вытѣснилъ временно византійцевъ изъ Лавики и прекратилъ подвозъ византійскихъ продуктовъ въ эту страну. Въ извѣстіяхъ отъ этого времени (545—549 гг.) мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о состояніи лазовъ: „Лазы съ неудовольствіемъ сносили персидское владычество. Персы живутъ проще и бѣднѣе всякаго другого народа; нравы у нихъ такіе, что никто не можетъ ихъ переносить. Лазовъ больше всего поражало различіе въ религіи и общественной жизни. Лазы

болѣе другихъ христіане, у персовъ же всѣ черты религіи совершенно другія. Кромѣ того, во всей Лазикѣ нѣтъ соли, тамъ также не произрастаетъ ни пшеницы, ни винограда, ни фруктовъ, а все это привозится къ лазамъ на судахъ прибрежными римлянами; вмѣсто денегъ, лазы платили имъ шкурами, невольниками и всѣмъ, что у нихъ имѣлось въ изобиліи. Понятно, что, будучи лишены этой торговли, они были очень недовольны" (стр. 83).

Въ Лазикѣ, какъ въ странѣ, подверженной влиянію двухъ враждующихъ народовъ, были сторонники и Византіи, и Персіи. Въ горячихъ рѣчахъ, которыя произносились въ ихъ народныхъ собраніяхъ послѣ коварнаго убійства лазскаго царя Губаза римскими чиновниками, раздавались сильные голоса въ пользу союза съ персами и съ византійцами. Такъ, одинъ лазскій вельможа всячески громилъ римлянъ, рисуя въ самыхъ черныхъ краскахъ ихъ коварную политику и восхвалялъ человеколюбіе и великодушіе персовъ (стр. 145). Другой ораторъ, напротивъ, указывалъ на гибельныя послѣдствія, которыхъ можно ожидать отъ союза съ персами: „Самымъ большимъ грѣхомъ“, говорилъ онъ, — „будетъ для насъ — отказать отъ истинной вѣры, отъ Святыхъ Тайнъ и христіанскаго ученія! Какой же иной видъ будетъ имѣть переходъ нашъ въ самымъ сильнымъ врагамъ Всемогущаго? Если они будутъ намъ мѣшать при отправленіи нашихъ религіозныхъ обрядовъ и обратятъ насъ въ свою вѣру, что можетъ случиться! ужасно! этого для живыхъ и мертвыхъ?“ (стр. 149).

Не входя въ подробности по недостатку мѣста, мы должны замѣтить, что византійскія извѣстія о Лазикѣ, особенно отъ VI вѣка, содержатъ не мало цѣннаго и любопытнаго для закавказской археологіи, исторіи культуры и этнографіи. Такъ, по этимъ извѣстіямъ видно, что лазы были народъ сравнительно культурный. Византійцы утверждаютъ, что „они вовсе не варвары и не ведутъ такого образа жизни, какъ послѣдніе.

Вслѣдствіе сношеній съ римлянами, они привыкли къ государственному строю и основанному на законахъ обряду жизни⁴ (стр. 136). Быть можетъ, это извѣстіе имѣетъ значеніе для изслѣдователей кавказскаго обычнаго права, которые, кажется, въ настоящее время отыскиваютъ въ немъ слѣды вліянія римскихъ юридическихъ понятій. Любопытно далѣе указаніе на то, что у лазовъ были письменные документы отъ первыхъ вѣковъ нашей эры. Лазскіе послы въ сороковыхъ годахъ VI вѣка говорили Персидскому царю: „Въ прежніе вѣка, когда волхи были союзниками персовъ, они оказывали персамъ много добра и отъ нихъ получали то же; мы сами имѣемъ много письменныхъ доказательствъ этому, и въ твоёмъ дворцѣ хранятся таковыя же“ (стр. 76). Археологъ съ интересомъ отмѣтитъ свидѣтельство о томъ, что персы проложили дорогу въ нѣкоторыхъ частяхъ Закавказья: „Справедливо можно удивляться старанію и энергіи персовъ, которые изъ Иберіи въ Колхиду чрезъ высокія горы, обросшія кустами, ущелья и густые лѣса, гдѣ прежде едва могъ пройти человѣкъ безъ ноши, построили такую хорошую дорогу, что по ней не только съ легкостью двигалась ихъ конница, но вели, въ случаѣ надобности, на войну также и слоновъ“ (стр. 112). Не менѣе интересно для археолога извѣстіе о развитіи гончарнаго производства въ Закавказьѣ въ VI вѣкѣ. Такъ, не далеко отъ г. Телефиса, былъ извѣстный базаръ, гдѣ продавалась глиняная посуда, откуда эта мѣстность и получила названіе Олларіи (Ollaria) или, по гречески, Хитрополи (Χιτροπόλια) (стр. 127). Для антропологическихъ соображеній, быть можетъ, пригодится извѣстіе о значительной разнородности византійскихъ наемныхъ войскъ, занимавшихъ Лазіку. Здѣсь мы находимъ тцановъ, исаврійскихъ пращниковъ, отряды лонгобардовъ, геруловъ, мавровъ а среди начальниковъ упоминается гуннь Ельмингиръ и славянинъ (Антъ) Дабрагезъ (Доброгость?) (стр. 159).

Въ заключеніе замѣтимъ, что во второй части „Извѣстій древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“ приложенъ указатель именъ, впрочемъ, къ сожалѣнію, далеко не столь обстоятельный и полный, какъ приложенный къ 1-й части.

Второй отдѣлъ разсматриваемаго выпуска, содержащій въ себѣ пятнадцать статей, открывается полезнымъ предисловіемъ, написаннымъ г. А. Словинскимъ. Авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній по поводу каждой статьи, указывая на однородные матеріалы, помѣщенные въ другихъ выпускахъ сборника, отмѣчая параллели въ сказочныхъ сюжетахъ и т. п. Замѣчанія г. Словинскаго помогаютъ читателю до нѣкоторой степени разобраться въ богатомъ этнографическомъ матеріалѣ, доселѣ изданномъ на Кавказѣ. Первые двѣ статьи (Везирова—О татарскихъ школахъ и Захарова—Народное обученіе у закавказскихъ татаръ) въ связи съ раньше напечатанною статьей Амирова—„Среди горцевъ сѣвернаго Дагестана“ (см. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. VII, отд. III) даютъ намъ возможность составить себѣ очень полное понятіе о мусульманскихъ школахъ на Кавказѣ, о ихъ устройствѣ, методѣ преподаванія, обращеніи муллы-педагога съ учениками, объ уровнѣ образованія учителя, о школьныхъ нравахъ и т. п. Оба автора, сами учившіеся въ низшихъ школахъ, рисуютъ намъ грустную и подчасъ омерзительную картину мусульманской системы обученія, которая въ состояніи притупить самыя блестящія способности учениковъ. Отношенія учителя къ ученику напоминаютъ давно прошедшія времена Домостроя: „татаринъ, опредѣляя своего сына въ мектебъ, обыкновенно, даетъ муллѣ полное право бить его сына, такимъ выраженіемъ: „возьми себѣ, ахундъ, его мясо, а мнѣ возврати кожу да кости“ (стр. 3 и 11). О развитіи нравственныхъ понятій у учениковъ нечего и думать; муллы, кромѣ преподаванія, занимаются нерѣдко ворожбой, гаданьемъ,

лѣченіемъ и всячески морочать простодушныхъ согражданъ, особенно женщинъ. Иногда ученики, по приказанію муллы, ходятъ „на добычу“, то-есть, добываютъ всякими путями для него куръ, яйца и т. п. Одинъ мулла заставлялъ учениковъ воровать для него дрова и самъ помогалъ имъ въ этомъ. „Иногда ученики у кочевниковъ уводили для муллы овецъ, барановъ, даже коровъ. Помню“, говоритъ г. Захаровъ,— „разъ одинъ ученикъ привелъ къ муллѣ украденнаго барана; вслѣдъ за нимъ явился и хозяинъ за бараномъ, но ученики ловко сырли барана въ классъ, и хозяинъ не могъ найти его“ (стр. 48). Словомъ, если школа должна давать подготовку для жизни, то мусульманская школа достигла этого вполне и выпускаетъ своихъ питомцевъ во всеоружіи для „борьбы за существованіе“.

Авторъ послѣдней статьи—А. Захаровъ—помѣстилъ въ томъ же выпускѣ 64 анекдота о пресловутомъ муллѣ Насръ-Эддинѣ изъ своего собранія, содержащаго болѣе 200 нумеровъ. На имя Насръ-Эддина, равно популярное среди татаръ, персовъ, турокъ, армянъ и вообще среди населенія передней Азіи, наслонилась масса анекдотовъ, въ которыхъ онъ является то шуткомъ, то дуракомъ, то остроумнымъ философомъ и весьма часто отъявленнымъ циникомъ. Не мало уже издано о немъ анекдотовъ, записанныхъ на Кавказѣ, но запасъ ихъ далеко не исчерпанъ. Вѣроятно, всякому, кто записывалъ народныя сказки среди туземцевъ Кавказа, случалось слышать о какой-нибудь продолжѣ этого восточнаго *Enlenspiegel*'а, но преимущественно о такой, которая, по европейскимъ понятіямъ о пристойности, не можетъ быть напечатана. По такимъ же сообщеніямъ и г. Захаровъ могъ обнародовать только часть своего сборника.

Изъ пяти татарскихъ сказовъ, записанныхъ въ Геокчайскомъ уѣздѣ Бакинскон губерніи и сообщенныхъ г. Н. Казбекомъ, наибольшій интересъ представ-

ляетъ 5-я — „Джейрана“. Это — весьма распространенный сюжетъ о женѣ, оклеветанной предъ мужемъ, изгнанной, странствующей и, въ концѣ концовъ, послѣ пѣлаго ряда похождений, избираемой въ цари у другого народа. Г. Словинскій указалъ подобную сказку, напечатанную въ VII выпускѣ „Сборника матеріаловъ“ и т. д. („Сакха-Юсуфъ“); но можно указать рядъ относящихся къ этому циклу разсказовъ, какъ, напримѣръ: былинѣ о дворянинѣ Безчастномъ (Рыбниковъ, II, № 51), сказку Аванасьева № 179 о царевичѣ Василии, самарскую сказку (Садовниковъ, № 18), тюркскую сказку „Женищина-князь“ въ сборникѣ Радлова *Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens*, т. IV, pp. 141—145), сказку въ Тутти-Намѣ и друг. *).

Въ слѣдующую сказку „Гюль и Сенейвизъ“, относящуюся къ тому же широко распространенному сюжету, какъ наша „Царевна-лягушка“, вставлена другая (стр. 101) о коварной женѣ, обращающей мужа въ животное (осла), напоминающая по сюжету другія кавказскія сказки, напримѣръ, ингушскую о султанѣ (см. Сборн. свѣд. о кавказскихъ горцахъ, IV, отд. II, стр. 21—26) и осетинскую (одно изъ включеній Урызмага — Осет. этюды, I, 57—59). Къ тому же сюжету относится обращеніе Добрыни чародѣйкой Мариной въ тура-золотые рога и множество другихъ европейскихъ сказокъ.

Статья г. Калашева „Бабушкины разсказы“ прекрасно характеризуетъ положеніе населенія Закавказья во времена владычества Персидскихъ хановъ. Бабушка разсказываетъ внукамъ нѣкоторые типическіе случаи произвола хановъ — похищеніе дѣвушекъ, издѣвательство надъ христіанскими святыми и т. п. Характеренъ фактъ, что въ священники армянскаго села былъ назначенъ ханомъ Ширванскимъ одинъ отъ-

*) См. А. Н. Веселовскаго, Южно-русскія былинны, XI. *Rimbaud, La Russie épique*, p. 125.

явленный воръ за услугу, оказанную хану, именно за то, что выкралъ для хана понравившуюся ему лошадь (стр. 117). Можно согласиться съ авторомъ, что записываніе подобныхъ разсказовъ отъ стариковъ, кромѣ историческаго интереса, можетъ имѣть и нравственное значеніе для образованныхъ туземцевъ.

Въ статьѣ „Изъ народной словесности шапсуговъ“ г. Кайтмазовъ сообщаетъ записанное имъ сказаніе объ Адемирканѣ, представляющее нѣкоторыя новыя черты, наслонившіяся въ черкесскомъ эпосѣ на это, по видимому, историческое лицо. Въ доселѣ напечатанныхъ (въ V и VI выпускахъ „Сборника“) кабардинскихъ преданіяхъ объ Адемирканѣ встрѣчаются нѣкоторые историческіе отголоски, восходящіе ко временамъ, когда черкесы много терпѣли отъ крымскихъ хановъ. Такъ, въ сказаніяхъ, сообщенныхъ г. Лопатинскому кабардинцемъ Кашежевымъ, является дѣйствующимъ лицомъ Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, при которомъ бештаускіе (пятигорскіе) черкесы искали покровительства у царя Ивана IV (въ 1555 году). Изданное въ настоящемъ выпускѣ шапсугское сказаніе содержитъ въ себѣ превосходный разсказъ о смерти національнаго черкесскаго героя, представляющій вариантъ кабардинскому разсказу о томъ же трагическомъ событіи (вып. VI, отд. II, стр. 45). Какъ здѣсь, такъ и тамъ, Адемирканъ падаетъ жертвой мести за оскорбленіе, нанесенное имъ кабардинскому князю изъ рода Беслановыхъ. Кабардинскій разсказъ не упоминаетъ имени князя; шапсугскій — называетъ его Пцапцой. Этотъ тучный князь, ѣздившій на охоту не верхомъ, а въ колесницѣ, обидѣлъ Адемиркана, сказавъ, что его лукъ слабъ. За это герой зло подшутилъ надъ княземъ. Когда охотники выгнали на Пцапцу громаднаго кабана, Адемирканъ пустилъ въ него стрѣлу съ такою силой, что, пронзивъ кабана, она пробила ободъ колеса экипажа Пцапцы и ушла въ землю по самыя перья. Эту обиду Адемирканъ

довершаетъ еще тѣмъ, что называетъ князя бабой (въ кабардинскомъ разсказѣ — толстякомъ). Князь рѣшился употребить всѣ средства, чтобы за это погубить Адемиркана. Онъ беретъ съ своего зятя, лучшаго друга Адемирканова, клятву, что онъ исполнитъ его просьбу и, получивъ обѣщаніе, велитъ убить его друга *). Камбоletzъ горюетъ, но долженъ исполнить данную клятву. Онъ приглашаетъ Адемиркана на охоту и уговариваетъ его замѣнить своего дивнаго коня Жеманшарыка другимъ. Въ лѣсу же сидѣли въ засадѣ люди, которые должны были убить Адемиркана. „Когда охотники приблизились къ тому мѣсту“, разсказываютъ шапсуги, — „то Камбоletzъ не выдержалъ, и у него изъ глазъ показались слезы; онъ отеръ глаза рукавомъ. „Что съ тобой?“ спросилъ его Адемирканъ. „Ничего, глаза болятъ отъ вѣтра“. Когда Камбоletzъ вторично сталъ утирать слезы, Адемирканъ недовѣрчиво спросилъ его: „Ты говоришь: отъ вѣтра болятъ у тебя глаза, а вѣтра почти нѣтъ! Ты, кажется, плачешь?... Отчего?... Камбоletzъ ничего не отвѣчалъ, но у него еще сильнѣе покатились слезы, и онъ отвернулся въ другую сторону, чтобы скрыть это. „Не плачь, Камбоletzъ!“ Такъ заговорилъ Адемирканъ, понявъ его измѣну. — „Отъ этого все равно пользы больше не будетъ: ты сдѣлалъ, что сдѣлалъ, и лучше отъѣзжай дальше, чтобы глаза мои не видѣли тебя“. Тутъ онъ повернулъ лошадей въ другую сторону; но въ это время на него бросились спрятавшіеся въ лѣсу люди. Адемирканъ сталъ обороняться. Убійцы его сломали ему издали стрѣлами бедра, и онъ упалъ, но все-таки никого близко къ себѣ не допускалъ. Между тѣмъ Жеманшарыкъ почувала бѣду своего господина и, проломавъ стѣну конюшни, прискакала къ нему, стала около него и начала ржать. Но Адемирканъ встать уже не могъ. Тогда она упала передъ нимъ на колѣна. Адемирканъ все-таки не въ

*) Въ кабардинскомъ разсказѣ убійцей является молочный братъ Адемиркана.

состояніи былъ сѣсть на нее; тутъ онъ обнялъ ее за шею, поцѣловать въ губы, погладилъ и сказалъ: „Отъ меня не жди ужь ничего, я — не твой, ты — не моя, попадись другому, достойному тебя сѣдоку“. Жеманшарикъ вскочила, заржала и скрылась изъ виду. Адемирканъ умеръ“... (стр. 154).

Едва-ли въ черкесскихъ сказаніяхъ найдется рассказъ болѣе трогательный, чѣмъ рассказъ о смерти Адемиркана, и лучше характеризующій понятія черкеса о вѣрности данному слову и его страстную привязанность къ коню. Но эти рассказы, характеризующіе „кавказскихъ рыцарей“, скоро окончательно умолкнутъ на Кавказѣ и оттуда съ рыцарями, не уживающимися среди новыхъ условий культурной жизни, перейдутъ въ Турцію. Особенно слѣдуетъ сѣшнить записывать сказанія у закубанскихъ черкесовъ (къ которымъ принадлежатъ шапсуги), представляющихъ въ настоящее время лишь скудные обломки цѣлаго ряда нѣкогда многочисленныхъ черкесскихъ племенъ. Но и эти обломки неудержимо стремятся въ Турцію, и быть можетъ, скоро отъ шапсуговъ, которыхъ теперь считается уже только нѣсколько сотъ душъ, не останется и слѣда на Кавказѣ.

Въ статьѣ г. Ломинадзе — „Изъ народной словесности имеретинъ“ — наибольшій интересъ представляетъ новый вариантъ широкораспространеннаго на Кавказѣ иранскаго сюжета о боѣ Ростомъ съ сыномъ. Въ моей статьѣ „Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ“ (Этнограф. Обзоръ 1889 г., кн. II), я рассмотрѣлъ нѣсколько вариантовъ этого мотива — сванетскій, пшавскій, два осетинскихъ. Имеретинскій рассказъ оказывается въ ближайшемъ родствѣ съ пшавскимъ. Какъ въ послѣднемъ, такъ и здѣсь, Ростомела случайно видитъ ручей крови. Пойдя по направленію, откуда течетъ кровь, Ростомела увидѣлъ девятиголового драка, опирающаго подбородкомъ на остріе пики и постоянно смотрящаго по одному направленію. Когда же его одолѣваетъ дремота, онъ на-

тыкается на острие, сейчас же просыпается, а из подбородка ручьем течет кровь. (В пшавском рассказе вместо дэви является гигантский черный араб, натыкающийся на кинжал, когда начинает дремать). На вопрос Ростомелы, кого караулит дэви, последний рассказывает, что у него отнял жену 12-головый дэви, который должен пройти мимо его и с которым он хочет биться на смерть. (В пшавском рассказе черный араб поджидает красного, чтобы отбить у него красавицу). Ростомела обещает помочь первому дэви, и когда появился второй, он поборол его, отрезав ему головы и возвратил сопровождавшую его красавицу ее мужу. (В пшавском рассказе Ростом помогает черному арабу только криком, отнявшим бодрость у красного). Затем Ростомела, сам пленившись красавицей, убивает ее мужа и вступает с нею в связь. (В пшавском рассказе Ростом совершает это убийство изподтишка, так как не может справиться с великаном в открытом бою, не может даже поднять его кинжала). Проведя одну ночь с женою дэви, Ростомела на другое утро уходит, велит ей назвать будущего сына Абрамом и, когда он вырастет, нашить ему на плечи две красные ленточки, по которым Ростомела мог бы узнать сына, если с ним впоследствии встретится. Итак, в имеретинской передаче иранское имя сына — Зораб — замѣнено именем Абрамъ, въ которомъ скрывается имя Амиранъ, попавшее и в другихъ кавказскихъ вариантахъ въ сказанія о Ростомѣ чрезъ контаминацію со сказаніями изъ цикла Амира-на Дареджаніани *). Сынъ Ростомелы Абрамела (—ела—суффиксъ, придающій имени уменьшительное значеніе) еще трехлѣтнимъ мальчикомъ отличается непомѣрною силой и вырываетъ съ корнемъ цѣлыя деревья. Діаволъ, въ видѣ женщины, побуждаетъ его сбросить примѣту (ленточки). Неузнаанный отцомъ, онъ вступаетъ съ нимъ въ бой, при чемъ борцы вса-

*) См. Осетинскіе этюды, ч. I, стр. 145—147, сказаніе о Дарезановыхъ.

живають другъ друга въ землю. Отець, всадивъ сына въ землю по самую шею, отрубаетъ ему голову и затѣмъ замѣчаетъ на его плечѣ остатки ленточекъ. Въ отчаяніи онъ посылаетъ за „живою водой“, но діаволъ, въ видѣ женщины, отвлекаетъ его отъ намѣренія оживить сына. Женщина начинаетъ предъ Ростомелой мыть черную шерсть и на его вопросъ, неужели она думаетъ, что шерсть побѣлѣетъ, говоритъ: Она такъ же не побѣлѣетъ, какъ не оживетъ и твой сынъ“. (Въ пшавскомъ разсказѣ сходный мотивъ приуроченъ къ тому моменту, когда Ростомъ по убіеніи сына бросился въ море и не хотѣлъ оттуда выйти на землю). Наконецъ, Ростомела, бросивъ мысль воскресить сына, сломалъ себѣ самъ руку, которою отрубалъ ему голову и выразилъ свое горе въ слѣдующихъ стихахъ: „Ростомъ герой, Ростомъ дэви! Ростомъ страшно ошибся: сына онъ собственнаго убилъ и за то руку себѣ изуродовалъ“ (стр. 170).

Имеретинскій вариантъ бѣднѣ деталями, чѣмъ пшавскій, съ которымъ онъ представляетъ наибольшее сходство, но все же не лишенъ интереса для вопроса о переработкѣ иранскаго сюжета о боѣ Ростомъ съ сыномъ на кавказской почвѣ. Имеретинскій своимъ началомъ (борьба двухъ великановъ изъ-за женщины) подтверждаетъ, что этотъ эпизодъ, неизвѣстный изъ персидской версіи Фирдоуси, былъ прикрѣпленъ къ похождениямъ Ростомъ, повидимому, на Кавказѣ, но, вѣроятно, еще очень давно. Намъ кажется, что мотивъ овладѣнія Ростомомъ женою какого-то великана (дэви или чернаго араба) находится въ какомъ-то отношеніи къ мотиву о связи Ильи-Муромца съ женою великана Святогора. Но разъяснить себѣ это отношеніе мы пока не въ состояніи. Въ виду того, что этотъ мотивъ кавказской „Ростоміады“ принадлежитъ, повидимому, къ циклу сказаній о Дареджанахъ *), есть надежда, что онъ можетъ

*) См. нашу статью — Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ — *Этнограф. Обзор.*, 1889, II, стр. 15.

быть выясненъ, когда эти сказанія будутъ намъ подробнѣе извѣстны. Немалую услугу оказали бы грузинологи изслѣдователямъ народныхъ сказаній, еслибы поторопились перевести на русскій языкъ извѣстные на Кавказѣ списки поэмы о походе Дареджановъ и объ Амиранѣ, не дожидаясь критическаго изданія самаго текста, которое можетъ замедлиться *).

Въ преданіи о Рокани, сообщаемомъ далѣе г. Ломинадзе, (стр. 179) любопытно смѣшеніе этой женской личности съ Амираномъ: „Изображаютъ Рокани имеретинны въ видѣ безобразнѣйшей старухи, съ четырьмя длинными клыками, выдвнутыми впередъ, съ длиннымъ волосатымъ хвостомъ, со впалыми щеками, горящими глазами, костлявыми руками и ногами... Существо это—страшное, злое, и потому оно привязано самимъ Богомъ, посредствомъ толстой желѣзной цѣпи, къ длинному желѣзному шесту, воткнутому въ землю: этотъ шестъ однимъ концомъ доходитъ до самаго центра земли. Рокани старается вырвать изъ земли желѣзный шестъ и уйти; съ этою цѣлью она постоянно колеблетъ его въ землѣ; но, какъ только она доходитъ до цѣли, вдругъ появляется „трясохвостка“ (пташка), садится на шестъ и начинаетъ вертѣть хвостомъ; а Рокани беретъ громаднхъ размѣровъ молотокъ и изо всѣхъ силъ замахивается на пташку, но послѣдняя улетаетъ, и ударъ всею своею тяжестью попадаетъ на шестъ, который снова ух-

*) Кавказскій грузинологъ А. Н. Гренъ придаетъ большое значеніе упомянутымъ грузинскимъ народно-книжнымъ сказаніямъ. Позволю себѣ привести слѣдующія его слова изъ частнаго письма ко мнѣ: „Еслибъ вы могли прочесть этотъ удивительный романъ! Къ сожалѣнію, всѣ имѣющіеся списки его крайне плохи и даже небрежно написаны. Какая великолѣпная картина востока отъ Балха до сердца Йемена (Бадри Яманисдзе значить Бадри, сынъ Йеменца) раскрывается тамъ и въ какомъ удивительномъ конгломератѣ проходятъ предъ читающимъ татары, турки, хазары и др. племена! Въ четвертой главѣ его есть эпизодъ о приключеніи героя Амирана съ циклопами, запирающими его въ глубокую пещеру. Я положительно думаю, что, подобно эпосѣ Нибелунговъ въ Германіи, въ Грузіи есть эпосъ Дареджановъ, и что только отрывками изъ нея являютъ повѣсть объ Амиранѣ и рассказъ о плачевной судьбѣ Нестанъ-Дареджани“.....

дять въ землю до самаго центра ея. Такъ Рокapi мучится изъ года въ годъ, и спасенья ей нѣтъ "...

Въ моей статьѣ „Кавказскія преданія о великанахъ, при-
вованныхъ къ горамъ“ *), я рассмотрѣлъ всѣ извѣстные кав-
казскіе рассказы этого типа, и въ томъ числѣ имеретинское
преданіе о Рокapi, сообщенное мнѣ княземъ В. С. Микелад-
зе. Но въ этомъ преданіи, совпадающемъ почти во всѣхъ де-
таляхъ съ вышеприведеннымъ, Рокapi представляется такимъ
же великаномъ-мужиной, какъ Амиранъ, Артаваздъ и другіе
кавказскіе прометей. Такъ какъ нѣтъ основанія не довѣрять
свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Ломинадзе, слѣдуетъ думать, что
имеретинны кое-гдѣ смѣшиваютъ Рокapi-Амирана съ какою-то
женскою личностью, напоминающею нашу бабу-ягу.

Грузинская сказка о змѣѣ-царѣ, сообщаемая г. Сана-
кеевымъ, относится къ весьма распространенному въ народ-
ныхъ сказкахъ сюжету: змѣѣ, за оказанную ему человѣкомъ
услугу, даетъ ему способность понимать языкъ всѣхъ живот-
ныхъ. Эта способность доставляетъ ему богатство, которое,
какъ и жизнь, онъ рискуетъ потерять, если сообщитъ кому-
нибудь свою тайну. Жена надобдаетъ мужу до такой степени
разспросами о томъ, какъ онъ приобрѣлъ богатство, что онъ
рѣшается рассказать ей все и умереть. Сдѣлавъ приготовления
къ смерти, онъ подслушиваетъ разговоръ домашнихъ живот-
ныхъ, осуждающихъ его за поблажку женѣ, передумываетъ
и, вмѣсто того, чтобъ сообщить ей тайну, наказываетъ ее.
Съ имеретинскою сказкой можно сопоставить русскую „Охот-
никъ и его жена“ (Афанасьевъ, VI, № 47), сербскую „Не-
мушти језик“ (Српске нар. приповијетке, № 3), нѣмецкую „Die
weisse Schlange“ (Grimm, Kinder-und Hausmärchen, t. I,
№ 17), недавно изданную бурятскую „Охотникъ“ (Бурятскія
сказки и повѣрья, собранныя Н. М. Хангаловымъ, О. Н.
Затоплевнымъ и другими. Иркутскъ. 1889) и мног. друг.

*) См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, часть ССХХV, отд. II, стр. 100—116.

Оставляя, по недостатку мѣста, безъ замѣчанія другія народныя сказки, напечатанныя въ рассматриваемомъ выпускѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые указанія на сходные сказочные мотивы уже сдѣланы г. Словинскимъ, отмѣтимъ въ заключение, что въ концѣ выпуска помѣщенъ весьма нелишній для читателя алфавитный указатель нѣкоторыхъ словъ (арабскихъ, татарскихъ, армянскихъ, грузинскихъ и др.), встрѣчающихся въ этнографическомъ и историческомъ матеріалѣ II-го отдѣла.

В Ы П У С К ъ X.

Со времени прекращенія кавказской войны, съ тѣхъ поръ, какъ водвореніе прочнаго гражданскаго порядка дало возможность приступить къ этнографическому изученію многочисленныхъ кавказскихъ народностей, была издана масса этнографическаго матеріала, собраннаго во всѣхъ частяхъ края и ярко иллюстрирующаго народныя вѣрованія, обычаи, преданія, сказанія и т. д. Но за тотъ же періодъ, къ сожалѣнію, еще очень не много сдѣлано русскими изслѣдователями для научной классификаціи и грамматическаго изученія языковъ и нарѣчій многоязычнаго Кавказа. Послѣ непродолжительнаго періода блестящей дѣятельности покойнаго барона Услара, познакомившаго европейскую науку съ грамматическимъ строеніемъ нѣсколькихъ кавказскихъ горскихъ языковъ, наступаетъ періодъ почти полнаго затишья въ области лингвистическаго изученія Кавказа. Время отъ времени, со смерти Услара, появляются панегирики его дѣйствительно важнымъ заслугамъ, заявленія о необходимости продолжать его работы, издать „литографированные“ его труды по кавказскому языковѣдѣнію; но этимъ дѣло и ограничивается. Настоящаго продолжателя своихъ работъ покойный языковѣдъ не нашелъ до сихъ поръ. Если въ 70-хъ и 80-хъ годахъ и появлялись отдѣльныя лингвистическія работы по тому или другому кавказскому языку, то все же ни одинъ лингвистъ не посвящалъ

себя всецѣло изслѣдованію кавказскихъ языковъ, не предавая ихъ изученію съ такимъ рвеніемъ, съ такою беззапятною энергіею, какъ покойный Усларъ. Только въ концѣ 80-хъ годовъ появляются нѣкоторые благопріятные признаки движенія въ кавказскомъ языковѣдѣніи. Благодаря энергіи управленія Кавказскаго учебнаго округа, мысль о необходимости изданія „литографированныхъ“ лингвистическихъ трудовъ барона Услара, наконецъ, приводится въ исполненіе. Въ теченіе трехъ лѣтъ *) изданы уже его труды по языкамъ абхазскому, чеченскому и аварскому, и замѣтки по языкамъ черкесскому, убыхскому и сванетскому. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ выпускахъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ появляются время отъ времени тексты на томъ или другомъ изъ кавказскихъ языковъ, дающіе возможность изученія ихъ грамматической стороны. Наконецъ, рассматриваемый нами X-й выпускъ „Сборника“ главнымъ образомъ посвященъ лингвистикѣ и представляетъ богатый матеріалъ для изученія иберійской семьи кавказскихъ языковъ. Конечно, это, большей частью, сырой матеріалъ—тексты на языкахъ сванетскомъ и мингрельскомъ, близкіе, иногда дословные, русскіе переводы, глоссарій къ текстамъ; но тутъ же мы замѣчаемъ два весьма важныя и утѣшительныя явленія. Во-первыхъ, тексты изданы точною транскрипціей, рекомендованною Академіей Наукъ, что даетъ лингвисту возможность составить себѣ ясное понятіе о звуковой системѣ сванетскаго и мингрельскаго языковъ; во-вторыхъ, издатели нѣкоторыхъ текстовъ, какъ мы увидимъ ниже, старались извлечь изъ нихъ грамматическій матеріалъ въ видѣ парадигмовъ склоненій и спряженій и такимъ образомъ сдѣлали лингвистическую работу, облегчающую въ высшей степени работу будущихъ изслѣдователей.

Но прежде, чѣмъ подробнѣе остановиться на II отдѣлѣ

*) Въ годахъ 1887, 1888 и 1889.

X выпуска, составляющимъ его главную часть (333 страницы) и содержащемъ богатый лингвистическій матеріалъ, скажемъ нѣсколько словъ объ отдѣлѣ I, заключающемъ нѣсколько небольшихъ статей по географіи, статистикѣ и этнографіи Сванетіи.

Первая статья „Сванетія“, по словамъ автора (В. Я. Тепцова), составлена имъ на основаніи личныхъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ во время путешествія по Сванетіи и по истокамъ Кубани, Терекъ и Ріона лѣтомъ 1887 года. Наблюденія эти были потомъ провѣрены и отчасти дополнены по описаніямъ другихъ путешественниковъ. Хотя авторъ скромно называетъ свой трудъ только географическимъ очеркомъ, но даетъ читателямъ гораздо болѣе того, что обѣщаетъ заглавіе. Не говоря уже о подробномъ описаніи Сванетіи орографическомъ и гидрографическомъ, авторъ даетъ свѣдѣнія о почвѣ страны, о растительномъ и животномъ царствахъ, сообщаетъ свѣдѣнія объ урожаяхъ, о количествѣ домашняго скота, о распредѣленіи населенія по обществамъ, о сванетскихъ типахъ, о сословіяхъ, о продолжительности жизни, о постройкахъ, устройствѣ домовъ, одеждѣ, пищѣ, занятіяхъ, нѣкоторыхъ обычаяхъ и обрядахъ,—словомъ, о цѣломъ рядѣ вопросовъ, представляющихъ этнографическій интересъ. За достовѣрность многочисленныхъ статистическихъ таблицъ, помѣщенныхъ въ очеркѣ г. Тепцова, ручается то, что онѣ составлены на основаніи данныхъ, имѣющихся въ Кутаисскомъ статистическомъ комитетѣ. Къ числу наиболѣе интересныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ, принадлежатъ его замѣчанія о типѣ сванетовъ, основанныя на личномъ наблюденіи. „Каждое общество,—говоритъ онъ *),—налагаетъ на своихъ членовъ особый типическій отпечатокъ: побывшій въ Сванетіи безъ труда можетъ отличить, напримѣръ, ушкульца отъ мулаха, лахмульда отъ местійца и т. д. Ушкулецъ—брюнетъ, тонокъ,

*) Стр. 42.

строенъ, ловокъ и поэтъ душою. Местіецъ—настоящій уроженецъ Ярославской губерніи, съ тою же русою бородою лопатой, вѣчно бѣгающими и смѣющимися глазками. Мулахъ—чистѣйшій малороссъ не только по виду, но по характеру и образу жизни; тѣ же запорожскіе усы, люлька, та же тяжелая, развалистая походка, угрюмость и проч. Лахмульдцы—еврейскаго типа; ихъ и сванеты считаютъ евреями и подсмѣиваются надъ ихъ происхожденіемъ. Несомнѣнные евреи—они только сохранили типъ этой націи, во всемъ же остальномъ они такіе же земледѣльцы, какъ и прочіе сванеты. Чубухевцы—частью цыганскаго, частью монгольскаго типа. Затѣмъ эцерцы сохранили черты грузинскаго типа. Такимъ образомъ, особый, оригинальный типъ сванета—мнѣ; это ясно для каждаго, побывавшаго въ Сванетіи. Весьма трудно разобраться въ этомъ разнообразіи типовъ и выдѣлить изъ него типичнаго настоящаго сванета. А что настоящіе сванеты когда-то были, въ этомъ нѣтъ сомнѣній. Были же предки, оставившіе особый сванетскій языкъ, оригинальные обычаи, преданья старины глубокой. Разнообразіе типа, конечно, объясняется географическими условіями: дикія, трудно доступныя ущелья Сванетіи служили безопаснымъ убѣжищемъ, куда скрывались отъ гоненій и притѣсненій и отдѣльныя семьи, и отдѣльныя группы разныхъ національностей. Такая вѣковая иммиграція разнообразныхъ этническихъ элементовъ, ассимилируясь съ туземцами въ языкѣ, образѣ жизни и обычаяхъ, должна была отложить свои слѣды на типъ того или другого сванетскаго общества. Въмѣстѣ съ разноименными пришельцами появлялись на почвѣ Сванетіи и ихъ вѣрованія,—напримѣръ, мусульманскія, еврейскія. Слѣды этого замѣтны, напримѣръ, въ томъ обычай, въ силу котораго въ маѣ и іюнѣ, въ самое рабочее время, а иногда и цѣлый годъ, сванеты празднуютъ, кромѣ воскресенья, еще пятницу (по обычаю мусульманскому) и субботу (еврейскому). Неисполненія этого обычая, по ихъ по-

нтіямъ, строго поддерживаемымъ стариками, повлечетъ за собою разныя бѣдстія *). Вообще природа страны еще до сихъ поддерживаетъ въ сванетахъ необыкновенную „примитивность“, столь любопытную для этнографа. До сихъ поръ лѣтомъ и зимою единственнымъ экипажемъ служатъ сани, такъ какъ, за отсутствіемъ колесныхъ дорогъ, въ Сванетіи нѣтъ ни одного колеснаго экипажа **). Въ статистическихъ таблицахъ отсутствуютъ графы школъ, торговопромышленныхъ заведеній, духовныхъ и общественныхъ зданій, такъ какъ ничего подобнаго въ Сванетіи еще не существуетъ ***). Нѣтъ и специальныхъ торговцевъ и разнощиковъ товаровъ: каждый самъ ѣздитъ за покупками на сторону и торговля еще продолжаетъ быть мѣнливой, особенно внутри Сванетіи. Грамотныхъ на грузинскомъ языкѣ во всей горной Сванетіи только 41 человекъ на слишкомъ 9 тысячъ населенія; богослуженіе совершается на грузинскомъ языкѣ, котораго сванеты не понимаютъ, и благодаря этому продолжаютъ сходиться тайно для богослуженія по своимъ старымъ обрядамъ, совершаемымъ папами, непопавшими священниками ****). Съ другой стороны однако, при первобытной простотѣ жизни, сванеты сохраняютъ такіа добродѣтели, которыя не вездѣ встрѣчаются у болѣе культурныхъ народовъ. Почитаніе старшихъ возведено у нихъ на степенъ закона. Ушкулъцы къ этому присоединяютъ еще особую вѣжливость во взаимныхъ отношеніяхъ между членами общества. Сванетскій лексиконъ, въ чести сванетовъ, страдаетъ отсутствіемъ бранныхъ словъ. Самое сильное ругательство — дуракъ. Самолюбіе сванета не можетъ вынести и этого слова: часто изъ-за него возникаетъ вражда и даже кровная месть *****). Точно также таблицы судимости показываютъ на общее число

*) Стр. 59.

**) Стр. 37.

***) Стр. 45.

****) Стр. 61.

*****) Стр. 53.

душъ 9.533 только 73 преступника или 0,7%, что во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о сравнительно высокомъ уровнѣ нравственности сванетовъ вообще. Уголовныя преступленія—разбой, поджоги, убійства въ ссорѣ или съ цѣлью грабежа и т. п.—все это или вовсе не встрѣчается въ Сванетіи или составляетъ весьма рѣдкое исключеніе. Путешественникъ,—говоритъ авторъ,—можетъ спокойно проѣхать всю Сванетію, не заботясь объ огражденіи своей личности *). Кривая месть, процвѣтающая, не смотря на запрещеніе, еще до сихъ поръ и представляющая небольшое пятнышко на общемъ нравственномъ строѣ сванета, не мѣшаетъ ему слыть за человѣка честнаго, гостепріимнаго и добросердечнаго **).

Дальнѣйшія и, по нѣкоторымъ вопросамъ, болѣе подробныя данныя о бытѣ сванетовъ находимъ въ двухъ слѣдующихъ статьяхъ—Д. Маргіани (Сванеты—нѣкоторыя черты быта) и священника О. Гулбіани (Краткій очеркъ религіозно-нравственнаго состоянія сванетовъ). Авторъ первой статьи описываетъ занятія сванетовъ, ихъ домашнюю обстановку и останавливается болѣе подробно на обрядахъ свадебныхъ, похоронныхъ, повѣрьяхъ и праздникахъ. Вниманія заслуживаетъ существующій у сванетовъ-охотниковъ культъ богини охоты „Дал“, которую они представляютъ себѣ женщиною, одаренною удивительной красотою и живущей на вершинахъ горъ. Она пасетъ туровъ и дикихъ козъ, и безъ ея воли никакой охотникъ не можетъ убить дичь ***). Почему у сванетовъ божествомъ охоты является женщина, напоминающая классическую Артемиду, а не мужской патронъ, какъ у другихъ кавказскихъ народовъ (осетинъ, абхазцевъ), было бы интересно разъяснить. Любопытно также строгія понятія сванетовъ о нечистотѣ женщины въ извѣстныхъ обстоя-

*) Стр. 63.

**) Тамъ же.

***) Стр. 71.

ствахъ и во время родовъ, совпадающія съ понятіями ишавовъ, хевсуровъ, тушиновъ и, быть можетъ, объясняющіяся древнимъ вліяніемъ парсизма. Родильницъ сванеты водворяютъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ по причинѣ холода и сырости новорожденные дѣти простуживаются и часто или тамъ же умираютъ, или же выходятъ глухими и нѣмыми *).

Изъ семейныхъ отношеній отмѣтимъ, что въ Сванетіи сохранилась еще живая память объ обычаяхъ умерщвленія новорожденныхъ дѣвочекъ. Сванетки вѣрили, что за умерщвление дѣвочекъ онѣ вознаграждались рожденіемъ дѣтей мужскаго пола, которыхъ желали и просили у Бога, такъ какъ въ прежнее время сила и самая участь семьи зависѣла отъ числа мужчинъ въ ней. Отъ послѣдствій прежняго обычая досихъ поръ страдаетъ Сванетія: мужское населеніе значительно преобладаетъ числомъ надъ женскимъ, и сванету пріобрѣсти себѣ жену иногда довольно трудно (стр. 75). Похоронные обряды любопытны тѣмъ, что свидѣтельствуютъ о разнообразіи типовъ. Такъ, въ большинствѣ случаевъ хоронятъ покойниковъ въ гробахъ, представляющихъ двѣ половинки выдолбленныхъ колодъ, но въ нѣкоторыхъ обществахъ (напримѣръ, въ ушкулскомъ) гробовъ не употребляютъ, а покойниковъ спускаютъ въ могилу завернутыми въ холстъ **). О. Гулбіани, въ своей статьѣ, указываетъ на „двоевѣріе“ сванетовъ и на особенный культъ нѣкоторыхъ святыхъ и архангеловъ, которымъ сванеты, по его словамъ, приписываютъ даже большую силу, чѣмъ Богу ***). Слѣды культа свѣтилъ и стихій повторяются доселѣ въ клятвахъ солнцемъ и огнемъ, которыя о. Гулбіани часто приходилось слышать ****). Любопытно и суевѣріе, связанное съ кошками. Убивать ихъ счи-

*) Стр. 70.

**) Стр. 78.

***) Стр. 99.

****) Стр. 90.

тается великимъ грѣхомъ. „При продолжительной засухѣ, иногда, и то тайкомъ, кто нибудь рѣшается поймать кошку, увести ее въ старую церковь, стоящую въ лѣсу или на горахъ, и тамъ рѣжетъ ее и кровью мажетъ наружныя стѣны церкви, а трупъ ея бросаетъ куда нибудь, думая, что этимъ можно вызвать дождь“ *).

Послѣдняя статья I отдѣла—Краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сенакскаго уѣзда Кутаисской губерніи—содержитъ нѣсколько программныхъ описаній, доставленныхъ разными лицами: С. Санеблидзе (Сенакское сельское общество), В. Гагуа (Селеніе Носпри) и А. Дгебуадзе (Общество Абедатское). Во всѣхъ трехъ замѣткахъ можно найти нѣкоторые интересныя бытовыя черты.

Второй отдѣлъ разсматриваемаго выпуска открывается небольшимъ сборникомъ сванетскихъ пословицъ, загадокъ и пѣсенъ, записанныхъ въ текстѣ и переведенныхъ Виссаріономъ Нижерадзе, природнымъ сванетомъ. Къ текстамъ приложены глоссаріи. За матеріалами В. Нижерадзе слѣдуютъ 8 сванетскихъ пѣсенъ въ текстѣ, но безъ перевода, сообщенныхъ А. И. Стояновымъ. Какъ извѣстно, г. Стояновъ совершилъ экскурсію въ Сванетію въ 1872 году въ сопровожденіи князя Константина Дадишвилиани, который и записалъ съ устъ народа пять издаваемыхъ г. Стояновымъ сванетскихъ пѣсенъ. Кѣмъ записаны остальные три,—остается неизвѣстнымъ. Издатель снабдилъ тексты глоссаріемъ, но оставилъ ихъ безъ перевода, съ одной стороны потому, что нѣкоторые слова ему остались неизвѣстны, съ другой—„съ цѣлью не стѣснять изслѣдователя и не навязывать ему своего перевода“ (стр. 17). Дѣйствительно, первое соображеніе вполне основательно: если переводъ не основанъ на точномъ грамматическомъ анализѣ каждой формы, если онъ только гадателенъ, то онъ не можетъ годиться для лингвистической цѣли. Для

*) Стр. 91.

доказательства того, что онъ могъ бы перевести нѣкоторые стихи, г. Стояновъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ, дѣйствительно, видно, что его переводъ не могъ бы быть точенъ. Такъ стихъ: ჟღაღგვინე დაშნას მჭა—онъ переводитъ: вынимаетъ пашку свою, но съ оговоркой, что не знаетъ ни времени, ни наклоненія формы глагола—ღგვინე. Вѣроятно, не ясно и лицо, такъ какъ въ 1876 году въ „Путешествіи по Сванетіи“ тотъ же стихъ переведенъ г. Стояновымъ: я вынимаю свою пашку (стр. 226). Быть можетъ, не совсѣмъ точно и значеніе глагола: въ глоссаріи г. Стоянова дано глаголу ღგვინე значеніе „вынимать“ (стр. 54), а въ сванетско-русскомъ глоссаріи, составленномъ г. Завадскимъ и просмотрѣннымъ природнымъ сванетомъ Ив. Нижерадзе, тому же глаголу (ღგვინე) дано значеніе „намачивать“ (стр. LXV). Но если переводъ, не основанный на точномъ грамматическомъ анализѣ формъ, можетъ ввести въ заблужденіе читателя и потому скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ, то и глоссарій, не основанный на такомъ анализѣ, можетъ ввести читателя въ заблужденіе. Такъ, напримѣръ, сравнивая одни и тѣ же, повидимому, слова въ глоссаріи г. Стоянова и г. Завадскаго, читатель иногда недоумѣваетъ и относительно формы слова, и относительно значенія. У г. Стоянова ღმარг значить храбрость (стр. 49), у г. Завадскаго—годиться (а мужество—ღმარ); у перваго ღიხანე—нюхать, у втораго ღიხანი; у перваго показаны 2 глагола: ღიხდех—приносить и ღიხთე—приводить, у втораго одинъ глаголъ ღიხდე съ обоими значеніями; у перваго ღიხთხე—источать, у втораго—истощать, у перваго მადმა—не, нѣтъ, у втораго ничего, у перваго თანას—часть тѣла, у втораго თანი—тѣло, у перваго ღამშა—сила, у втораго ღამშა—сила и т. п.

Слѣдующая статья В. Я. Тепцова, ѣздившаго въ Сванетію въ 1887 году, даетъ текстъ, переводъ и комментарий.

сванетской пѣсни о Капсавѣ Кипіани, героѣ стараго бурнаго времени въ жизни сванетовъ. Пѣсня содержитъ любопытную характеристику нѣсколькихъ сванетскихъ обществъ. Но главную цѣну замѣтки г. Тепцова представляютъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія о пѣніи сванетъ и 10 №№ сванетскихъ пѣсенныхъ мотивовъ. Кавказскіе мотивы до сихъ поръ мало разработаны, а сванетскіе, кажется, являются впервые въ нотной записи. Мы знаемъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ сванетскіе мотивы были записаны профессоромъ Московской консерваторіи С. И. Танѣевымъ во время его путешествія по Кавказу, но они остаются до сихъ поръ не изданными.

Слѣдующая статья представляетъ солидную работу основательнаго знатока иверійскихъ языковъ А. Н. Грена. Авторъ, вполне владѣющій лингвистическимъ методомъ, записалъ академическою транскрипціей въ разныхъ обществахъ Цхенись-цкальской и Ингурской Сванетіи цѣлый рядъ текстовъ (сказокъ, пѣсенъ, духовныхъ стиховъ, заклинаній, пословицъ), снабдилъ ихъ близкимъ, иногда дословнымъ переводомъ, сването-русскимъ словаремъ съ указаніемъ родства сванетскихъ словъ съ грузинскими и мингрельскими и, наконецъ, что особенно важно, прибавилъ къ этимъ матеріаламъ рядъ въ высшей степени цѣнныхъ грамматическихъ замѣтокъ. Такъ, на примѣръ, авторъ даетъ точное число сванетскихъ звуковъ, описываетъ ихъ произношеніе, отмѣчаетъ соединенія звуковъ, префиксы и суффиксы, назализацію, смягченіе согласныхъ, вставку и выпаденіе гласныхъ, переходы звуковъ и заключаетъ фонетическую часть замѣчаніями о соотвѣтствіи сванетскихъ звуковъ мингрельскимъ и грузинскимъ. Въ ученіи о формахъ авторъ обратилъ вниманіе на глаголъ, его виды и времена (стр. 154—158), указывая при этомъ на сходство сванетскаго спряженія съ грузинскимъ и мингрельскимъ. Далѣе онъ сравниваетъ между собою падежные суффиксы всѣхъ трехъ языковъ и ихъ имена числительныя. Словомъ, можно сказать,

что г. Гренъ сдѣлалъ первую вполнѣ научную работу по сванетскому языку, такъ какъ грамматическій очеркъ сванетскаго языка, составленный въ 1847 году Георгомъ Розеномъ, не имѣетъ научнаго значенія, а такой же очеркъ, составленный покойнымъ барономъ Усларомъ *), по его собственному признанію, страдаетъ неполнотою. О другой не менѣ полезной работѣ по сванетскому языку, принадлежащей г. Завадскому, скажемъ ниже. Грамматическимъ замѣткамъ г. Грена предшествуютъ 118 сванетскихъ разговорныхъ фразъ, составленныхъ помощникомъ Грена, сванетомъ княземъ Гардапхадзе, а другой его помощникъ, сванетъ Ив. Ни жерадзе, доставилъ въ тотъ же выпускъ „Сборника“ 3 большія сказки съ русскимъ переводомъ (стр. 162—195) и словарь (195—241). Не говоря уже о томъ, что сказки представляютъ значительный сванетскій текстъ, могущій служить матеріаломъ для грамматическаго анализа, онѣ интересны и по содержанию, особенно вторая „Три брата“, содержащая тотъ же мотивъ о покровительствѣ святаго Георгія одному изъ трехъ братьевъ, какъ одна осетинская сказка, помѣщенная мною въ I части Осетинскихъ этюдовъ **).

Послѣдніе матеріалы для изученія сванетскаго языка, помѣщенные во II отдѣлѣ „Сборника“, принадлежатъ Д. Маргіани изъ с. Мулахъ. Здѣсь мы находимъ, въ текстѣ и переводѣ, историческую пѣсню о нападеніи сванетовъ на абхазцевъ и двѣ легенды—о Самоэлѣ (Сатанѣ) и о сотвореніи міра. Послѣдними легендами, представляющими интересъ для вопроса о дуалистическихъ космогоніяхъ, уже воспользовался академикъ А. Н. Веселовскій въ статьѣ, помѣщенной имъ въ *Этнографическомъ Обзорѣ* ***). По поводу встрѣ-

*) См. приложение 6-е къ I тому трудовъ Услара: *Этнографія Кавказа. Языковедіе. Абхазскій языкъ*. Тифлисъ. 1887.

**) О. Э., I, стр. 156 и слѣд.

***) Къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ. *Этнограф. Обзор.*, Кн. V, 1890, стр. 88 и слѣд.

чающейся въ сванетской легендѣ черты, что архангелы Михаилъ и Гавріилъ произошли изъ слезъ, выроненныхъ Господомъ, можно замѣтить, что та же черта встрѣчается въ осетинскихъ сказаніяхъ. Такъ, въ сказаніи о смерти нарта Батраза рассказывается, что Богъ выронилъ на его тѣло три слезы, изъ которыхъ первая стала святыней Таранджелось, вторая—Мыкалыгабыртэ (Михаилъ и Гавріилъ), а третья—святыней Рекомъ, главнымъ святымъ мѣстомъ (дзуаромъ) Осетии *). Любопытно, что осетины ввели эту легенду въ свой богатырский эпосъ.

За матеріалами по сванетскому языку идутъ въ томъ же отдѣлѣ матеріалы по мингрельскому языку, значительно богѣе изслѣдованному, чѣмъ сванетскій, благодаря работамъ проф. Цагарели **). Мингрельскіе тексты, записанные и переведенные на русскій языкъ подъ наблюденіемъ И. Е. Петрова, содержатъ нѣсколько пословицъ и загадокъ, три пѣсни, двѣ сказки и снабжены словаремъ. Пять слѣдующихъ затѣмъ мингрельскихъ сказокъ записаны и переведены учителями начальныхъ училищъ ***). Отмѣтимъ, что сказка „Катеръ и волшебникъ“ представляетъ варіантъ русской сказки „Хитрая наука“, а слѣдующая сказка „О красивой рыбѣ“ содержитъ широко распространенный мотивъ о благодарныхъ животныхъ. Изученіе мингрельскаго текста въ матеріалахъ, доставленныхъ гг. учителями, значительно облегчено двумя переводами—подстрочнымъ, дающимъ возможность судить о мингрельскомъ синтаксисѣ, и литературнымъ, впрочемъ, также очень близкимъ.

Въ заключеніе обзора содержанія II отдѣла намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о грамматической работѣ редактора X выпуска „Сборника“ М. Р. Завадскаго (стр. VII—LXXIV). Прочитавъ вмѣстѣ съ Ив. Нижерадзе записан-

*) См. Осет. этюды, I, стр. 27.

**) Мингрельскіе этюды.

***) Господами А. Дгебуадзе, И. Цхакаіа и В. Гагуа.

ныя имъ сванетскія сказки, г. Завадскій разобралъ весь этотъ матеріалъ съ грамматической стороны и составилъ цѣнный замѣтки, служащія дополненіемъ къ грамматическому очерку барона Услара. Замѣчанія покойнаго языковѣда относительно произношенія нѣкоторыхъ сванетскихъ звуковъ г. Завадскій дополняетъ своими наблюденіями, сдѣланными имъ надъ ушкульскимъ говоромъ Ивана Нижерадзе. Не сомнѣваясь въ точности наблюденій, позволяю себѣ отмѣтить только нѣкоторую неточность въ выраженіяхъ. Такъ, напримѣръ, г. Завадскій употребляетъ терминъ йотированный гласный не въ его обычномъ значеніи, когда говорить, что „і часто слышится, какъ йотированный“ и приводитъ въ примѣръ слово *lijri* (стр. VIII). Едва ли также можно себѣ составить понятіе о произношеніи сванетскаго *v* „съ сухимъ отрѣзомъ“ по русскому сочетанію *кѣ* или, въ которомъ *к* только графически отдѣленъ отъ слѣдующаго звука (читай *кѣ* или) и не сопровождается, какъ сванетскій *к*, твердою рекурсіей или отрѣзомъ. Но отмѣчая эти фонетическія неточности, мы нисколько не умаляемъ значенія работы г. Завадскаго. Провѣряя парадигмы сванетскаго спряженія барона Услара, онъ значительно дополнилъ формы глагола (IX—XXXI), составилъ двѣ весьма полныя таблицы спряженія, собралъ значительный матеріалъ для уясненія склоненія именъ и мѣстоименій, отмѣтилъ много нарѣчій, предлоговъ и постпозицій и т. д. Хотя авторъ самъ придаетъ лишь весьма скромное значеніе своей работѣ и издаетъ свои грамматическія замѣтки „единственно въ надеждѣ, что другіе займутся дѣйствительнымъ изученіемъ сванетскаго языка“, но тѣмъ не менѣе мы увѣрены, что будущимъ изслѣдователямъ г. Завадскій оказалъ значительную услугу своею добросовѣстной подготовительной работой. Не менѣе полезенъ для изученія сванетскаго языка и общій сването-русскій словарь, составленный г. Завадскимъ изъ всѣхъ сванетскихъ текстовъ, помѣщенныхъ въ X выпускѣ.

Такимъ образомъ, II отдѣлъ и введеніе X выпуска даютъ весьма значительный матеріалъ для изученія иберійской группы кавказскихъ языковъ. Можно надѣяться, что въ дальнѣйшихъ выпускахъ кавказское языковѣдѣніе обогатится новымъ матеріаломъ по другимъ языкамъ, такъ какъ въ редакціи скопилось уже не мало текстовъ на языкахъ: кабардинскомъ, хурвиллинскомъ, кюринскомъ, карачаевскомъ, курдскомъ и друг. *).

Переходя къ III отдѣлу выпуска, содержащему матеріалы по народной словесности сванетовъ, мингрельцевъ и грузинъ (стр. 1—80), мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями, въ виду того, что редакторъ „Сборника“ уже указалъ въ предисловіи параллели нѣкоторымъ сказочнымъ сюжетамъ.

Г. Маргіани, учитель сельской школы въ Мулахъ, сообщаетъ содержаніе нѣсколькихъ сванетскихъ пѣсенъ и сказокъ. Первые представляютъ нѣкоторый историческій интересъ, такъ какъ характеризуютъ отношенія сванетовъ къ ихъ сосѣдямъ. „Во всѣхъ почти сванетскихъ пѣсняхъ“, говоритъ г. Маргіани, „героями являются тѣ лица, которые показали храбрость въ столкновеніи съ горцами и абхазцами.... Особенно часты были столкновенія съ кабардинцами и карачаевцами. Сванеты говорятъ, что тамъ, гдѣ нынѣ живутъ названные племена, нѣкогда обитали христіане, народъ греческаго происхожденія, и что съ нимъ они жили дружно: но съ востока на этотъ народъ напали горцы, всѣхъ перебили, „уничтожили цѣркви, которыхъ развалины существуютъ и понынѣ. Съ этихъ поръ начинается непрерывная борьба сванетовъ съ горцами изъ-за-пастбищъ“ **). Это глухое преданіе сванетовъ о ихъ сѣверныхъ сосѣдяхъ относится къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда на верховьяхъ Кубани (въ ны-

*) Стр. V.

**) Стр. 3.

нѣшнемъ Карачаѣ) и въ ущельяхъ Баксана, Чегема, Черема—мѣстахъ, занятыхъ въ настоящее время горскими татарами,—жили, какъ свидѣлствуютъ топографическія названія, оссы (аланы), исповѣдовавшіе христіанство по греческому обряду. Это подтверждается византійскими свѣдѣніями объ Аланской епархіи и значительнымъ количествомъ могильныхъ крестовъ, нерѣдко снабженныхъ греческими надписями, сохранившихся до сихъ поръ въ названныхъ мѣстахъ. Съ верховья Зеленчука былъ намъ доставленъ недавно снимокъ съ осетинскаго памятнаго столба, съ изображеніемъ креста и надписью, сдѣланной на осетинскомъ языкѣ греческими буквами. Въ ней три раза явственно читается осетинское слово фурт—сынъ и два собственныхъ имени (Анбалъ и Бакатаръ). Къ сожалѣнію, обозначеніе года памятника слишкомъ неясно.

Объ пѣсни, сообщенныя г. Маргіани, разсказываютъ о нѣкоторыхъ памятныхъ эпизодахъ въ столкновеніяхъ сванетовъ съ кабардинцами. Слѣдующая сказка „Амиранъ, Висибъ и Бадри“ содержитъ нѣсколько эпизодовъ изъ широко извѣстныхъ на Кавказѣ сказаній о Дареджанахъ. Въ сванетское сказаніе вставленъ сюжетъ о великанѣ людоедѣ (Полифемѣ), отличающійся, впрочемъ, отъ другихъ кавказскихъ сказаній этого типа *) тѣмъ, что великанъ не представленъ одноклазымъ и героя сказки выручаетъ не его находчивость, а помощь сестры великана. Кавказскія сказанія о великанахъ находятъ себѣ пополненіе и въ мингрельской сказкѣ „Сильнѣе сильнаго всегда можно найти“, сообщенной г. И. Цхакаіа (стр. 32—35). Въ ней между другими великанами, встрѣчается великанъ-пахарь, напоминающій былиннаго Микулу Селяниновича. Онъ пахетъ землю, запрягши въ плугъ нѣсколько десятковъ паръ быковъ, и прядетъ въ своей сумѣ другаго великана, преслѣдуемаго врагомъ. Такъ въ нашемъ эпосѣ Святоторъ сажаетъ

*) См. мою статью: Кавказскія сказанія о циклопахъ. въ *Этнограф. Обозрѣніи*, кн. IV, стр. 25—44.

въ карманъ Илью Муромца, а Микула Селяниновичъ носить въ сумкѣ „тягу земную“. Въ мингрельское сказаніе о Тамарѣ (стр. 35) вошелъ тотъ же мотивъ, что въ грузинское объ Александрѣ Македонскомъ (стр. 10),—яркій примѣръ того, какъ мало для народа значать историческія имена. „Вскорѣ по вступленіи на престолъ“, рассказываютъ мингрельцы, „Тамара завоевала цѣлый міръ, кромѣ Каспійскаго моря. Она приказала своимъ войнамъ покрыть поверхность моря хворостомъ и, обливши его нефтью, зажечь. Приказаніе царицы исполнили, море изъявило ей покорность и заплатило огромную дань, состоящую изъ золота, жемчуга, серебра, янтаря и буйволовъ“. Подобно этому, въ грузинскомъ сказаніи объ Александрѣ разсказывается, что онъ, желая взять дань съ моря, приказалъ вылить въ него нѣсколько сотъ бочекъ нефти, а сверху наложить сѣна и все это зажечь. Два дня поверхность моря пылала, на третій день изъ моря вышелъ морской человекъ и вынесъ Александру вмѣсто дани 3 чудесныхъ зерна, изъ которыхъ одно возвращало молодость, другое давало умѣнье различать лѣкарственные растенія, а третье—мудрость и знаніе будущаго (стр. 41). Въ грузинскомъ разсказѣ о Петрѣ Великомъ на имя этого государя наслонился сказочный мотивъ о чудѣ, указывающемъ на лицо, достойное стать царемъ. Грузины рассказываютъ, что до Петра Великаго въ Россіи не было царей. Одинъ кучеръ, по имени Петръ, человекъ умный, религіозный и трудолюбивый, посовѣтовалъ согражданамъ выбрать царя, по примѣру другихъ народовъ. Русскіе, какъ народъ религіозный, рѣшили прибѣгнуть къ Божьей помощи. Они собрались въ соборѣ, поставили свѣчу передъ иконой и рѣшили, что тотъ будетъ царемъ, при приближеніи котораго къ иконѣ свѣча загорится сама собою. Это чудо совершилось, когда у иконы молился кучеръ Петръ. Не полагаясь на первое указаніе, вельможи еще два дня приводили Петра къ иконѣ, и каждый разъ чудо повторялось. Та-

кимъ образомъ, по божьему указанію, Петръ былъ избранъ царемъ (стр. 47). Та же черта—избранія въ цари посредствомъ самовозжигающейся въ церкви свѣчи—встрѣчается, такъ извѣстно, въ нашей побывальщинѣ о дворянинѣ безчастномъ молодцѣ (см. Рыбник. II, № 51, стр. 267—276), въ которой жена безчастнаго молодца, переодѣтая мужчиной, становится царемъ въ иноземномъ государствѣ въ силу такого же чуда.

Слѣдующая грузинская сказка объ Амиранѣ (записанная г. Гассіевымъ) представляетъ вариантъ къ другимъ уже извѣстнымъ кавказскимъ сказаніямъ объ этомъ великанѣ, прикованномъ цѣпью къ скалѣ (стр. 48). Въ грузинской сказкѣ „Счастье“ это отвлеченное понятіе представляется какимъ-то живымъ существомъ, двойникомъ человека (стр. 49—51), что напоминаетъ славянскія представленія о долѣ, судьбѣ и т. п. *).

Изъ остальныхъ грузинскихъ сказокъ заслуживаетъ по своей идеѣ вниманія сказка, озаглавленная „Земля свое возьметъ“. Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе этой поэтической сказки. Сынъ бѣдной вдовы, узнавъ, что его отецъ умеръ и что смерти никто не избѣгнетъ, отправляется искать такую страну, гдѣ нѣтъ смерти. Послѣ разныхъ встрѣчъ онъ приходитъ на берегъ моря и видитъ стеклянный дворецъ. Во дворцѣ онъ находитъ необыкновенную красавицу, лѣтъ пятнадцати на видъ, которая спрашиваетъ его, чего онъ ищетъ. „Не знаешь ли ты такой страны, гдѣ бы не было смерти?“ говоритъ юноша. „Такой страны нѣтъ“, отвѣчала красавица, — „да ты и не достоинъ безсмертія. Скажи, сколько мнѣ лѣтъ, если можешь?“ — „Тебѣ не болѣе пятнадцати лѣтъ“, сказалъ юноша, смотря на нее влюбленными глазами. — „Нѣтъ, я въ

*) См. статью А. А. Потебни — „О Долѣ и сродныхъ съ нею представленіяхъ“, а также статьи А. Н. Веселовскаго (Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, вып. V, стр. 173—260) и М. К. Васильева въ *Этнограф. Обзорн.*, кн. IV, стр. 87 и слѣд.

первый день творенія создана и до сихъ поръ такою и остаюсь. ~~Меня зовутъ~~ красотою: я вѣчно буду такою и никогда не умру! Ты бы могъ остаться со мною, но тебѣ надобѣсть вѣчная жизнь!" Юноша далъ обѣщанье вѣчно оставаться съ нею. Летѣли года за годами, прошла тысяча лѣтъ, но красавица не увядала, и юноша не замѣчалъ теченія времени. Наконецъ, онъ соскучился по матери и просилъ красавицу отпустить его къ ней, не повѣривъ ея словамъ, что и костей его матери уже не существуетъ. Красавица отпустили его и дала ему три яблока. Прибывъ на родину, юноша оказался среди чужихъ и на мѣстѣ родного дома увидѣлъ развалины, поросшія мохомъ и крапивою. Въ сильномъ горѣ сѣлъ данное красавицею яблоко и тотчасъ же сѣдая борода покрыла его грудь; сѣлъ второе—колѣна ослабѣли, силы пропали и сдѣлался онъ разслабленнымъ. Стыдась самого себя, онъ попросилъ проходившаго мимо мальчика подойти къ нему, достать изъ кармана послѣднее яблоко и подать ему. Мальчикъ исполнилъ его просьбу; разслабленный сѣлъ третье яблоко и тотчасъ испустилъ духъ (стр. 54).

Трудно сказать, насколько народно представленіе о вѣчности одной красоты, вложенное въ грузинскую сказку, сюжетъ которой извѣстенъ и у другихъ народовъ. Интересно, что въ нѣкоторыхъ деталяхъ она сближается съ японской сказкой объ Урашимѣ, помѣщенной въ трудѣ фонъ-Лангегга (Japanische Thee-Geschichten Fu-sô-châwa). Какъ грузинскій юноша, такъ и герой японской сказки встрѣчаетъ на берегу моря красавицу Сень-нинъ. Это была фея, дочь царя духовъ (ри-ши). Она, полюбивъ Урашиму, переноситъ его на островъ безсмертія, и, живя съ нею, юноша забылъ родителей, родину и не замѣчалъ теченія времени. Прошло, какъ ему казалось, три года, и онъ пожелалъ провѣдать своихъ, чтобъ затѣмъ снова вернуться къ Сень-нинѣ. Отпуская его съ тоскою, она на прощаньи дала ему ящичекъ со словами: „Никогда не

разставайся съ нимъ, но знай: если ты дѣйствительно надѣешься вернуться ~~во мнѣ~~, то держи ящикъ запертымъ, бойся его открыть". Очутившись на родинѣ, Урашима замѣтилъ удивительную перемѣну и въ странѣ, и въ жителяхъ, которые его не узнавали. Оказалось, что онъ прожилъ на островѣ безсмертія триста лѣтъ, а не три года. Отыскавъ на кладбищѣ могилу родителей, онъ упалъ на нее въ отчаяніи. Вспомнивъ затѣмъ объ ящикѣ, данномъ ему Сень-ниной, онъ подумалъ: „О, еслибъ здѣсь найти средство воскресить старое". Забывъ предостереженіе, онъ тихо открылъ крышку: изъ ящика поднялось легкое серебристое облачко и улетѣло къ вѣчно-зеленому острову. Въ тотъ же мигъ Урашима преобразился: волосы его побѣлѣли, глаза потухли, глубокія морщины изобразили лицо, зубы выпали; онъ весь согнулся, задрожалъ; дыханіе становилось слабѣй, сердце перестало биться. Онъ покачнулся и трупомъ упалъ на могилу родителей. Въ ящикѣ была жизненная сила, которая даетъ вѣчную молодость *). Какими путями и откуда распространился первоначальный рассказъ, потомки котораго оказываются на Кавказѣ и въ Японіи, это—вопросъ, на который, вѣроятно, не скоро будетъ полученъ отвѣтъ. Намъ приходится большей частью лишь отмѣчать подобныя совпаденія, какъ матеріалъ для будущихъ изслѣдователей.

В Ы П У С К Ъ XII.

Весь обширный XII-й выпускъ названнаго изданія содержитъ этнографическіе и лингвистическіе матеріалы по одной народности Кавказа, именно, по кабардинцамъ, собранные и обработанные г. Л. Г. Лопатинскимъ. Здѣсь мы находимъ послѣ вступительной замѣтки „О народѣ Адыге вообще и о кабардинцахъ въ частности", до 20 №№ кабардинскихъ преда-

*) Мы пользовались волевымъ переводомъ г. Крона. Японскія сказки. М. 1889, стр. 21—30).

ний и сказокъ, записанныхъ порусски, шесть кабардинскихъ текстовъ съ переводомъ, объясненіями и грамматическимъ разборомъ, замѣтку о *кяхскомъ* нарѣчій адыгскаго языка, краткую кабардинскую грамматику и довольно полный русско-кабардинскій словарь съ обратнымъ указателемъ. Такимъ образомъ, уже одинъ перечень содержанія книги показываетъ, какой богатый и многосторонній матеріалъ она содержитъ для изученія кабардинской народности. Г. Лопатинскій былъ поставленъ по мѣсту служенія въ весьма благопріятныя условія для предпринятой имъ работы: онъ имѣлъ возможность лично записывать кабардинскія преданія и сказанія, провѣрять записанное, пользоваться помощью и объясненіями нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ туземцевъ, и поэтому этнографы и лингвисты въ правѣ ожидать многого и цѣннаго отъ его продолжительныхъ занятій кабардинскимъ языкомъ и фольклоромъ. И нельзя не сознаться, что эти ожиданія онъ вполне оправдалъ: преданія и сказки, записанныя имъ по-русски, снабжены пояснительными замѣтками съ указаніями другихъ параллельныхъ сюжетовъ, тексты изданы научной азбукой, рекомендованный Академіей Наукъ, и тщательно провѣрены туземцами; что же касается словаря, содержащаго болѣе семи тысячъ словъ, то оцѣнить вполне трудъ, положенный на него составителемъ, можетъ только тотъ, кто самъ занимался подобной кропотливой и утомительной работой.

Во вступительной замѣткѣ г. Лопатинскій рассматриваетъ, подъ какими названіями адыге были извѣстны греческимъ и римскимъ писателямъ и въ какихъ предѣлахъ они нѣкогда жили сплошными массами, перечисляетъ разныя адыгскія племена и указываетъ мѣсто ихъ прежняго поселенія, раньше ихъ выселенія въ Турцію въ 1864 году. Извѣстно, что, по окончаніи Кавказской войны на такъ называемомъ правомъ флангѣ, русская власть предложила непокорнымъ прежде черкесамъ или выселиться на плоскость, или уйти

въ Турцію. Большинство черкесовъ, говоритъ авторъ, предпочло послѣднее. ~~Вслѣдствіе этого въ~~ Турцію выселилось, по officialнымъ даннымъ, отъ 1-го января до 10-го іюня 1864 года, 258.068 человекъ, но съ ушедшими раньше и позже этого срока наберется больше полумилліона переселенцевъ. Такимъ образомъ, отъ стройнаго прежде и цѣльнаго народа остались небольшіе клочки, въ видѣ этнографическихъ островковъ и полосокъ по Кубани, Зеленчуку и другимъ впадающимъ въ Кубань рѣкамъ. Остатки эти своимъ числомъ не превышаютъ 51.000 (абазеховъ около 16.000, бжедуховъ 12.000, бесленеевцевъ 6.000, шапсуговъ 2.500 и въ Черноморскомъ округѣ 1.200 чел.).... Одна только кабардинская вѣтвь адыге сохранила, на сколько это было возможно, за собою свои владѣнія (стр. 5). Указавъ далѣе на дѣленіе Кабарды (на большую и малую), авторъ вкратцѣ упоминаетъ объ историческихъ преданіяхъ кабардинцевъ и ихъ собирателѣ, просвѣщенномъ кабардинцѣ Шора-Бекмурзинѣ-Ногмовѣ, составившемъ еще въ 1843 году (несомнѣнно подъ вліяніемъ чтенія Карамзина) *исторію* адыгскаго народа (весьма сомнительнаго достоинства), изданную въ 1861 году въ Тифлисѣ. Кое что въ *исторіи* (sit venia verbi) Ногмова, быть можетъ, дѣйствительно взято имъ изъ народныхъ преданій, но за точность его изложенія весьма мало ручается его патріотическое увлеченіе и научная неподготовленность къ предпринятому имъ дѣлу. Такъ, напримѣръ, Ногмовъ сообщаетъ любопытное адыгское преданіе (?) о единоборствѣ ихъ великана Редеди съ Тамтаракайскимъ (Тмутараканскимъ) княземъ (очевидно, Мстиславомъ), при чемъ Редедя говоритъ ему почти тѣ же слова, что въ лѣтописи: зачѣмъ теряемъ съ обѣихъ сторонъ войско? (въ лѣтописи: что ради губивъ дружину межъ собою?) и, побѣжденный въ борьбѣ, падаетъ подъ ножомъ князя. По словамъ Ногмова, современники прославили Редедию пѣснью: Редедя, многосчастливый Редедя! (оу Рідаде махо оредя). Послѣ

убіенія Редеди адыгейцы собрали значительное войско съ на-
мѣреніемъ отомстить за его смерть и завоевать Тамтаракай.
Война продолжалась нѣсколько лѣтъ; наконецъ, адыгейцы по-
бѣдили своихъ враговъ и разорили всю область Тамтаракай-
скую. „Исторія, говоритъ г. Лопатинскій, — упоминаетъ о еди-
ноборствѣ Мстислава съ Редедю, но въ русскихъ лѣтописяхъ
вовсе не упоминается о войнѣ, бывшей причиною паденія
Тмутаракани; память же о тмутараканскомъ удѣлѣ исчезаетъ
съ XII столѣтія. Не дополняетъ ли это (кабардинское) преда-
ніе утерянную страницу изъ русской исторіи?“ (стр. 9).

Намъ кажется, что едва-ли можно возлагать такую на-
дежду на подозрительное преданіе, сообщаемое кабардинскимъ
историкомъ, которымъ, быть можетъ, руководило желаніе ви-
дѣть *историческое* преданіе въ томъ, въ чемъ, пожалуй, его и
не было. Онъ говоритъ о пѣснѣ, сложенной въ честь Редеди,
но приводитъ только запѣвъ (*многосчастливый* Редедя), который
при томъ плохо вяжется съ далеко не счастливой судьбой
Редеди. Странно далѣе то, что тѣ же слова — оу Рѣдаде ма-
хо! — употребляются какъ припѣвъ къ свадебной пѣснѣ (стр.
10), гдѣ, казалось бы, упоминаніе великана Редеди, зарѣзан-
наго Мстиславомъ, едва-ли уместно. Въ кабардинской сказкѣ,
напечатанной въ кабардинскихъ текстахъ того же выпуска
(стр. 60—71), рассказывается о богатырѣ, побѣдившей бор-
ца одного напавшаго на кабардинцевъ хаѣ, при чемъ послѣ
побѣды народъ съ торжествомъ везъ богатырку по дорогѣ и
кричалъ: „оу Рѣдаде махо“! (то-есть, счастливая Рѣдаде!).
Такъ какъ въ сказкѣ не говорится, чтобы *Рѣдаде* было *име-
немъ* богатырки, и такъ какъ въ свадебномъ припѣвѣ слово
Рѣдаде также, повидимому, не имѣетъ этого значенія, то яв-
ляется вопросъ, вполнѣ ли точенъ смыслъ припѣва *) и въ

*) Говорю это потому, что по словарю г. Лопатинскаго *махо* значить *день*,
а русскому прилагательному *счастливей* соответствуютъ кабардинскія слова со-
вершенно другого корня.

какомъ отношеніи находится послѣдній къ собственному имени восоужскаго героя, занесенному въ нашу лѣтопись. Все это нуждается въ разъясненіи, а пока можно отмѣтить только любопытный фактъ звукового сходства имени Редеди съ кабардинскимъ свадебнымъ припѣвомъ и воздержаться отъ дальнѣйшихъ заключеній.

Переходя къ кабардинскимъ преданіямъ, сказаніямъ и сказкамъ, записаннымъ по-русски (стр. 12—144), отмѣтимъ то, что представляется наиболѣе интереснымъ. Такъ, въ quasi историческомъ преданіи о переселеніи Тамбіева встрѣчаются два сказочные мотива о приобрѣтеніи земли посредствомъ уступки жены и посредствомъ разрыванной на ремни коровьей шкуры. Тамбіевъ, *тлякотлешъ* (дворянинъ) князя Болотокова, ушелъ отъ него, опасаясь за свою красавицу-жену, и поселился на лѣвой сторонѣ рѣки Малки, напротивъ того мѣста, гдѣ нынѣ находится станица Прохладная. Оказалось, что эти мѣста заняты кочевьями сильнаго калмыцкаго хана. Послѣднему приглянулась жена Тамбіева, и онъ настаиваетъ, чтобы тотъ ее ему продать или подарилъ. Тамбіевъ сообщаетъ женѣ о требованіи хана, и она совѣтуетъ ему поставить условіемъ, чтобы ханъ, получивъ ее, перекочевалъ со всей ордой въ другія мѣста и предоставилъ взаменъ ея всю землю уступившему ее мужу. Ханъ принялъ это условіе и съ тѣхъ поръ калмыки исчезли съ тѣхъ мѣстъ. То же самое преданіе, также приуроченное къ калмыкамъ и съ такой же *исторической* окраской, находимъ мы у чеченцевъ, при чемъ преданіе знаетъ даже собственное имя калмыцкаго хана. Ханъ Сурготъ *), славившійся своимъ могуществомъ, говоритъ преданіе, и наводившій страхъ даже на горныхъ жителей, подружился съ чеченскимъ богатыремъ Дзарикомъ, сыномъ Гардана, который однажды пригласилъ хана къ себѣ въ гости (какъ кабардинецъ Тамбіевъ калмыцкаго хана). Ханъ, пируя у Дзарика, увидѣлъ же-

*) Не есть ли это видоизмѣненное названіе калмыковъ—*Тургутъ*?

ну его — красавицу и прельстился ею. Послѣ долгихъ настойчивыхъ просьбъ хана Дзарикъ уступилъ ему свою жену съ ея же согласіемъ, но при этомъ поставилъ въ условіе, что ханъ переселится съ рѣки Сунжи за Терекъ и все пространство отъ Сунжи до Терека подарить ему. Ханъ принялъ эти условія, и калмыки перекочевали за Терекъ. Часть чеченцевъ — ичкеринцы, — прибавляетъ Головинскій, — относятъ это преданіе къ своему богатырю Тинавинъ-Вису *). Такимъ образомъ у кабардинцевъ и чеченцевъ одинъ и тотъ же бродячій сказочный мотивъ былъ приуроченъ, какъ объясненіе къ историческому факту, именно къ откочевкѣ калмыковъ изъ тѣхъ мѣстъ сѣвернаго Кавказа, гдѣ они раньше жили въ XVII вѣкѣ. Другой сказочный мотивъ, также получившій у кабардинцевъ окраску историческаго преданія, пользуется чуть ли не всемірною извѣстностью. Зять Тамбіева, Куденетъ, родомъ еврей, далъ своей женѣ, поѣхавшей къ своему отцу, такой совѣтъ: „Попроси у отца (Тамбіева) столько земли, сколько можно захватить воловьею шкурою“. Молодая женщина такъ и сдѣлала. Получивъ согласіе, зять (Куденетъ) при свидѣтеляхъ, зарѣзалъ быка, снялъ съ него шкуру и, разрѣзавъ ее на тоненькіе ремешки, отправился къ Тамбіеву. Затѣмъ, растянувъ свои ремни, начиная отъ кургана Фендуко, онъ захватилъ ими огромное пространство земли, которое и было уступлено ему тестемъ по условію. Здѣсь онъ основалъ аулъ, называемый и нынѣ Куденетовымъ (стр. 119). Указывая въ замѣткѣ на сходство этого преданія съ древнимъ преданіемъ о Дидонѣ, основательницѣ Карфагена, г. Лопатинскій подчеркиваетъ, что Куденетъ былъ *еврей*, такъ же какъ Дидона была семитка, и замѣчаетъ далѣе: „Общность этого преданія расширяетъ еще кругъ сопоставленій между мифами народовъ бассейна Средиземнаго моря и кавказскими сказаніями“ (стр. 20). Кажется,

*) См. сборн. свѣдѣній о Терской области. Вып. I, 1878 г., стр. 246 (изъ записокъ П. И. Головинскаго).

что семитизмъ Дидоны и Куденета здѣсь не при чемъ, такъ какъ разсмотрѣнный сказочный мотивъ равно встрѣчается у народовъ индо-европейскихъ и урало-алтайскихъ и едва ли имѣетъ миеологическую подкладку. Интересъ его скорѣе культурно-историческій: онъ указываетъ на тотъ отдаленный періодъ, когда самымъ раннимъ орудіемъ для измѣренія земли былъ ремень, вырѣзанный изъ шкуры, подобно тому какъ ремешки же были самыми примитивными нитями для сшиванія одеждъ изъ шкуръ. Шкура, разрѣзанная на ремни, могла обнять, обмѣрить значительное пространство земли и это, конечно, весьма рано было утилизировано народнымъ остроуміемъ, какъ замысловатая загадка. Такъ, у древнихъ индійцевъ *gosa-gama*, то есть, коровья (*go*) шкура (*sama*) обозначаетъ извѣстное пространство земли, на которомъ могутъ стоять 100 коровъ, то есть, первоначально пространство, обтягиваемое разрѣзанною на ремни коровьей шкурой *). И дѣйствительно, существованіе преданія о коровьей шкурѣ въ Индіи засвидѣтельствовано Тоддомъ (*Annals and antiquities of Rajasthan*, 1832, Vol. II, p. 235), приводящимъ мѣстный разказъ объ одномъ князѣ племени бгатовъ, выстроившемъ городъ (Калькутту) на пространствѣ, обтянутомъ коровьей шкурой. Подобное же преданіе приурочено къ предводителю англо-саксовъ Генгисту (*Hengist*), къ скандинавскому Ивару, во французскомъ романѣ о Мелюзинѣ къ Раймонду, къ нормандскому Вильгельму Завоевателю (*Hude park* въ Лондонѣ), при чемъ къ обману служить то бычья, то конская, то оленья шкура **). Извѣстный путешественникъ XV вѣка Клавихо ***), сообщаетъ слышанное имъ въ Константинополѣ преданіе, будто городъ Перу (европейскую часть Константинополя) генуезцы получили

*) *Böhtlingk u. Roth*, Sanskrit Wörterbuch, а. v.

**) См. *Grimm*, *Rechtsalterth.*, стр. 90 и 939; *Köhler*, *Sagen von Länderwerbung durch zerschnittene Häute* (*Orient und Occident*, III, стр. 185).

***). Изд. въ *Сборн. Отдѣл. русск. языка и словесности* Имп. А. К. Наукъ, т. 28, стр. 91 (Жизнь и дѣянія Тамерлана, соч. Клавихо).

слѣдующимъ образомъ: „они купили у одного императора это мѣсто и землю, столько, сколько обхватитъ бычья кожа, изрѣзанная на ремни“. Наконецъ, одна зырянская сказка, сообщаемая академикомъ Шёгреномъ (Gesam. Schriften, I), приурочиваетъ тотъ же мотивъ къ основанію Москвы. Зыряне рассказываютъ, будто русскіе, придя въ мѣста, населенныя зырянами, купили у ихъ князя столько земли, сколько можно покрыть коровьей шкурой, а затѣмъ, разрѣзавъ ее на ремни, обвели ими значительное пространство, гдѣ и выстроили городъ Москву, коего названіе объясняется изъ зырянскаго языка (Мѣску значитъ „коровья шкура“). Примѣры подобной же покупки земли можно найти и въ Новомъ Свѣтѣ, у американскихъ краснокожихъ *).

Разставаясь съ преданіемъ о переселеніи Тамбіева, дающимъ весьма мало для исторіи кабардинцевъ, но содержащимъ любопытный матеріалъ для исторіи распространенія сказочныхъ мотивовъ, считаю не лишнимъ высказать слѣдующее недоумѣніе: „По преданію, говоритъ г. Лопатинскій (стр. 13), кабардинцы населяли прежде сѣверо-западный Кавказъ, занимающая всю береговую полосу Чернаго моря, и *назывались косогами*“; интересно знать, дѣйствительно ли кабардинскому простонародью памятно древнее названіе, подъ которымъ адыге были извѣстны русскимъ и осетинамъ, или это мнѣніе возникло литературнымъ путемъ у *просвѣщенныхъ* кабардинцевъ (напримѣръ, у Талѣба Капешева)? Въ преданіи о Тамбіевѣ, упоминающемъ о калмыкахъ и, слѣдовательно, относящемся къ довольно позднему времени (XVII вѣкъ), Тамбіевъ называетъ себя *косоюмъ* и свои обычаи *косожскими*. Это свидѣтельствовало бы о томъ, что древнее названіе адыгейцевъ *косоги* еще не такъ давно было среди кабардинцевъ въ употребленіи. А между тѣмъ, г. Лопатинскій во *вступительной замѣткѣ* нигдѣ не говоритъ, чтобы названіе *косоги* было когда

*) См. Orient et Occid, III, p. 187, замѣтку Кёлера

нибудь даваемо адыгами самимъ себѣ. Это обстоятельство, на нашъ взглядъ, также нуждается въ разъясненіи.

Изъ числа другихъ кабардинскихъ сказаній разсматриваемого выпуска можно отмѣтить пространную сказку „Красавица-Елена и богатырь-женщина“ (стр. 51—70), рядъ преданій о горахъ (Эльбрусъ, Машукъ, Бештау), новый вариантъ о великанѣ-одноглазѣ (81—86) и нѣсколько вариантовъ уже извѣстныхъ сказочныхъ сюжетовъ. Къ сказкѣ „Чья заслуга больше?“ (стр. 89—91) можно, сверхъ указаннаго г. Лопатинскимъ сванетскаго варианта, прибавить нѣсколько другихъ, напримѣръ, чеченскій, записанный Н. Н. Харузинымъ въ аулѣ Цори *), индійскій, входящій въ составъ извѣстнаго сказочнаго сборника „25 разказовъ Веталы“ **) и другіе восточные, восходящіе къ индійскому. Въ сказкѣ „Одинъ догадливіе другого“ (стр. 96—101) на долю собственно кабардинскаго остроумія не приходится ровно ничего. Въ сказкѣ разсказывается о томъ, какъ три брата, у которыхъ ночью воръ увелъ лошадь, догадались о примѣтахъ вора и пошли его разыскивать. По нѣкоторымъ примѣтамъ, видѣннымъ ими по дорогѣ, они узнали, что по ней недавно проходилъ верблюдъ кривой, хромой, навьюченный двумя бурдюками (съ молокомъ и медомъ). Вскорѣ имъ попался на встрѣчу и погонщикъ, разыскивавшій верблюда. Они такъ точно сообщили ему примѣты его верблюда, что онъ заподозрилъ ихъ въ его угонѣ и повелъ ихъ къ хану на судъ. Ханъ спрашиваетъ, какъ они, не видавъ верблюда, могли такъ точно его описать. „Очень просто“ — отвѣтилъ первый братъ, „слѣдъ верблюжій всегда замѣтенъ; а что онъ былъ слѣпъ на одинъ глазъ, то это легко можно было узнать: верблюдъ шелъ своей дорогой и щипалъ просо

*) См. Сборн. матер. по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ, вып. III, стр. 153.

**) Санскритскій текстъ въ *Anthologia sanscritica Lassen'a*, изд. 1865 г., р. 13.

только съ одной стороны,—съ той, гдѣ глазъ былъ цѣлъ“.— „А что верблюды были хромы“, сказалъ второй братъ: „то нѣтъ ничего легче, какъ объ этомъ догадаться: всякое животное приподнимаетъ здоровую ногу выше хромой, а хромую волочить за собою; оттого и слѣдъ другой: идетъ какъ бы бороздой“.— „А что на верблюдахъ лежали два бурдюка: одинъ съ молокомъ, а другой съ медомъ“, сказалъ третій: „то и это можно было легко замѣтить: по правую сторону отъ дороги сидѣли на просѣ мухи, которыя лакомятся молокомъ: стало быть, бурдюкъ съ молокомъ висѣлъ съ правой; а что бурдюкъ съ медомъ висѣлъ съ лѣвой,—это видно было изъ того, что лакомившіяся медомъ пчелы сидѣли на просѣ съ лѣвой стороны“. Удивившись догадливости братьевъ, ханъ еще разъ ихъ испытываетъ: онъ отправляется въ садъ и, вернувшись, спрашиваетъ ихъ, что у него въ кулакахъ. Одинъ говоритъ, что это—предметъ *круглый*, другой,—что это—предметъ *твердый*, а третій угадываетъ, что это *орехъ*. Затѣмъ ханъ угощаетъ братьевъ ужиномъ и, когда они расположились спать въ кунацкой, подслушиваетъ ихъ разговоръ. Онъ слышитъ увѣреніе одного брата, что каша отзывается мертвечиной, другаго—что баранина отзывается псиной и третьяго, что самъ ханъ, вѣроятно, человѣкъ низкаго происхожденія. Ханъ идетъ къ матери своей и, допросивъ ее, узнаетъ, что дѣйствительно онъ сынъ рабыни, подмѣненный на ханскаго сына; отъ управителя онъ узнаетъ, что просо, изъ котораго была изготовлена каша, было скошено на могилѣ, и отъ пастуха, что поданный на столъ барашекъ былъ вскормленъ сукой, такъ какъ матеу зарѣзалъ волка. На другое утро братья узнали въ собранномъ ханомъ народѣ человѣка, укравшаго ихъ коня, и ханъ отпустилъ ихъ съ богатыми дарами.

Почти всѣ детали этой кабардинской сказки встрѣчаются въ персидской, изложенной Гаммеромъ: здѣсь также три

умныхъ брата встрѣчаютъ погонщика, ищущаго верблюда, и разказываютъ ему его примѣты (кривой, хромой, со сломаннымъ зубомъ), даѣе идетъ допросъ у хана, угощеніе и подслушиваніе, посредствомъ котораго ханъ узнаетъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ въ своемъ хозяйствѣ и о своемъ происхожденіи (вино отзывается падалю, ягненокъ—псиною, самъ ханъ оказывается сыномъ повара) *). Извѣстны и арабская сказка того же сюжета **), и киргизская ***), и греческая ****), и индійская *****), въ которыхъ встрѣчаются либо всѣ, либо нѣкоторые эпизоды разсмотрѣнной кабардинской сказки.

Оставляя въ сторонѣ прочія *сказки* этого выпуска, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя параллели къ нимъ уже приведены г. Лопатинскимъ, отмѣтимъ лишь „Эпизодъ изъ сказаній о Сосруко“ (стр. 143 и слѣд.), интересный въ томъ отношеніи, что въ немъ извѣстный сказочный сюжетъ прикрѣпленъ къ имени эпического лица, *Нарта*, то-есть, богатыря. Сосруко, герой нартскихъ сказаній, кабардинскихъ, татарско-горскихъ и осетинскихъ, былъ влюбленъ въ одну дѣвушку, по имени Нартъ-жанъ. Однажды Сосруко передъ отъѣздомъ на нартовыя игры заѣхалъ проститься къ ней. Они дали другъ другу клятву, что одинъ по смерти другого жить не будетъ. Сосруко уѣхалъ. Когда же онъ, спустя три дня, возвратился, то

*) См. Hammer, Geschichte der schönen Redekünste Persiens стр. 307—310.

**) См. Quatremère въ Journal Asiatique 1838, V, p. 243; Caussin de Perseval, Histoire des Arabes, I, 189; Benfey, Ein alter christlich persischer Roman—die Reisen der drei Söhne des Königs von Serendippo (Orient u. Occident, III, 264 слѣд., гдѣ приведена литература этого сюжета); Dunlop's Geschichte der Prosa-dichtungen, aus dem Englischen übertragen von Felix Liebrecht, p. 212.

***) Radloff, Proben der Volkslitteratur der Nördlichen Türkischen Stämme III, 392.

****) См. E. Legrand, Recueil de chansons populaires grecques, 1873, p. 269 и слѣд., пѣсня ο σοφός πρῶβότης; А. Н. Веселовскій, Южно-русскія былины, III—XI, стр. 55, гдѣ приведена дальнѣйшая литература.

*****) См. Schiefner, Mahākātjajana und König Tshanda-pradjota, ein Cyclus Buddhistischer Erzählungen, 1875. Разказъ II, стр. 7.

узналъ, что безцѣнная его Жанъ умерла и уже похоронена. Онъ отправился на ея могилу и сталъ вынимать изъ глубокой ямы камни, которые складывали цѣлый день *нарты*. Когда онъ достигъ дна могилы и, вскрывъ гробъ, увидѣлъ бездыханное тѣло дорогой Жанъ, то бросился на грудь къ ней и сталъ рыдать безутѣшно. По истеченіи нѣсколькихъ минутъ, изъ норы на днѣ могилы выползли двѣ змѣи, которыя напали другъ на друга и одна убила другую. Оставшаяся въ живыхъ куда то исчезла, а затѣмъ вернулась съ зеленымъ листомъ, которымъ потерла мертвую змѣю. Она ожила, послѣ чего обѣ змѣи скрылись. Тогда Сосруко взялъ листъ и сталъ имъ тереть мертвую жену. Едва онъ успѣлъ вытереть ея тѣло, какъ она воскресла. Впослѣдствіи Сосруко женился на этой дѣвушкѣ (стр. 143).

Кромѣ осетинскаго варианта этого сюжета, уже указанного г. Лопатинскимъ *), извѣстны на Кавказѣ варианты: ингушскій **), весьма близкій къ кабардинскому, но перешедшій, какъ и другіе мотивы изъ нартскаго эпоса, къ ингушамъ отъ ихъ ближайшихъ сосѣдей осетинъ, и грузинскій ***). Тотъ же мотивъ встрѣчается въ арабскихъ сказкахъ „Тысяча и одна ночь“ (II, 137), въ нѣмецкихъ ****) и литовскихъ, такъ что принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ. Но кавказскіе пересказы представляютъ особый интересъ по отношенію къ нашему эпосу, въ которомъ такъ же, какъ и на

*) См. Осет. Этюдъ I, стр. 5.

**) См. Чаха Ахриева, Ингуши (ихъ преданія, вѣрованія и повѣрья) въ XIII Вып. Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, Отд. I, стр. 34. Ингушскій Орамъ, которому приписывается воскрешеніе жены, соответствуетъ осетинскому Храммагу.

***) См. Книгу мудрости и лжи, — грузинскія басни и сказки XVII—XVIII в. Сочин. Сулхана Орбелиани. Перев. А. Цагарели. С.-Пб. 1878, № 111.

****) Grimm, Kinder-und Hausmärchen I, № 16. Указанія на сходные сюжеты см. также у О. Миллера, Илья Муромецъ стр. 388; А. А. Потебни, Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень II, стр. 287, и у Liebig'sche, Zur Volkskunde, 1879, стр. 380 и слѣд.

Кавказѣ, этотъ сказочный мотивъ приерѣпленъ въ имени эпического богатыря — **Потыка Михайловича**. Я уже имѣлъ случай указывать на нѣкоторыя близкія параллели между кавказскими нартскими сказаніями и русскими былинами, но за послѣднее время такихъ параллелей накапливается весьма значительное число, и болѣе подробное разсмотрѣніе ихъ могло бы быть сюжетомъ интереснаго этюда *).

Нѣсколько другихъ эпизодовъ изъ сказаній о нартѣ Со-сруево изданы г. Лопатинскимъ въ кабардинскомъ текстѣ съ переводомъ и примѣчаніями (стр. 3—20), въ которыхъ указаны и осетинскія параллели тѣхъ же сюжетовъ. Два дальнѣйшія нартскія сказанія о Пипибадиного и Ашемезѣ уже были напечатаны въ русскомъ пересказѣ г. К. Атажукинымъ (въ V выпускѣ Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горахъ за 1871 г.), но въ разсматриваемомъ изданіи являются впервые въ *текстѣ* и дословномъ переводѣ. Для знакомства съ кабардинскими хвалебными пѣснями, прославляющими храбрецовъ, служатъ: пѣсня о двухъ братьяхъ Ешанокowychъ и пѣсня о Бзіекской битвѣ, происходившей между бжедухами и шапсугами въ 1795 году. Последняя пѣсня сложена на кяхскомъ нарѣчій адыгскаго языка и была записана до выселенія горцевъ. Г. Лопатинскій, найдя списокъ ея въ бумагахъ покойнаго барона Услара, разобралъ его при помощи В. Х. Кусикова, знатока кяхскаго нарѣчія, и составилъ на основаніи этого разбора замѣтку объ особенностяхъ бжедухскаго говора кяхскаго нарѣчія (стр. 105).

Весь II отдѣлъ Выпуска носятъ лингвистическій характеръ. Онъ заключаетъ въ себѣ: обзоръ нарѣчій адыгскаго или черкесскаго языка (въ Предисловіи), краткую кабардинскую грамматику (стр. 1—46), русско-кабардинскій словарь (стр. 1—185) и обратный указатель (185—299). Несомнѣнно, что

*) См. мою статью „*Кавказско-русскія параллели*“ въ *Этнограф. Обзорніи* лн. X и XI (1891 г.).

своимъ трудомъ г. Лопатинскій выполнилъ существенный про-
бѣлъ въ лингвистической литературѣ, такъ какъ до послѣдня-
го времени черкесскія (адыгскія) нарѣчія были почти *terra*
incognita. Правда, еще въ 1846 г. въ Одессѣ г. Люлье из-
далъ краткую черкесскую грамматику и словарь (собственно
кяхскаго нарѣчія, которое онъ называлъ общечеркесскимъ), но
его работа не соотвѣтствовала даже тогдашнему уровню линг-
вистическихъ требованій. Что же касается собственно кабар-
динскаго языка, то первую попытку къ печатанію на немъ,
по иниціативѣ покойнаго Услара, сдѣлалъ просвѣщенный ка-
бардинецъ Кази Атажукинъ, выпустившій въ 1864 г. отрыв-
ки изъ поэмы *Сосруко*, въ 1865 г. *Кабардинскую азбуку* и
въ 1867 г. популярную статью *О воздухѣ и водѣ* *); но ни
грамматики, ни русско-кабардинскаго словаря до труда г. Лопа-
тинскаго не существовало. Конечно, и грамматика г. Лопа-
тинскаго не претендуетъ на полноту; это скорѣе грамматиче-
скій очеркъ, но такой, который соотвѣтствуетъ современнымъ
требованіямъ лингвистовъ и даетъ весьма ясное понятіе о
структурѣ кабардинскаго языка. Главное достоинство работы
то, что составитель грамматики постарался дать себѣ точный
отчетъ въ фонетикѣ языка, примѣнилъ къ выраженію его зву-
ковъ общелингвистическую азбуку, составленную при импера-
торской академіи наукъ, и *по возможности* точно описываетъ
артикуляцію звуковъ. Конечно, и его описанія не всегда до-
стигаютъ цѣли; но артикуляція нѣкоторыхъ кавказскихъ со-
гласныхъ на столько необычна намъ индоевропейцамъ, что
усвоеніе ея возможно только посредствомъ личной практики.
Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе лингвистической ра-
боты г. Лопатинскаго, сдѣлаю только нѣкоторыя замѣчанія.

Въ главѣ о гласныхъ звукахъ мнѣ не ясно, почему г.
Лопатинскій сближаетъ произношеніе кабардинскаго е съ гре-

*) По слѣдамъ Кази Атажукина пошелъ Шардаговъ, напечатавшій въ 1864
г. *Правила мусульманской грамматики*.

ческимъ *е*, а не съ *е* какихъ-нибудь *живыхъ*, языковъ, такъ какъ древнегреческое *ε* для насъ не звукъ, а только буква; не ясенъ мотивъ, по которому для выраженія полугласнаго *i*, какъ второй части двугласныхъ (*ai*, *oi*, *ei*) авторъ употребляетъ букву *j* (*aj*, *oj*, *ej*), которою вообще принято выражать согласный спирантъ *iotz*, существующій, повидимому, и въ кабардинскомъ, такъ какъ онъ помѣщенъ авторомъ въ таблицѣ согласныхъ въ § 17. Въ § 14 говорится, что арабскій звукъ *айнъ* встрѣчается только въ словахъ, позаимствованныхъ изъ арабскаго языка: но интересно бы знать, усвоили ли кабардинцы себѣ¹ вполне арабскій *айнъ* съ его скрипящимъ шумомъ или измѣнили его въ выговорѣ по свѣду, такъ что, быть можетъ, арабскій звукъ и кабардинскій не вполне тождественны. То же недоумѣніе возможно относительно полного отождествленія арабскаго и кабардинскаго звука (гортаннаго шума), сдѣланнаго въ § 13. Объясненіе такъ-называемой *отсѣченной отдачи* или *твердой рекурсии* согласныхъ (въ § 19), предложенное авторомъ и основанное на продолжительномъ наблюденіи, меня не вполне удовлетворяетъ, особенно относительно звуковъ *ф* и *с*, то-есть, спирантовъ, при артикуляціи которыхъ не происходитъ смыканія, и сравненіе со *spiritus lenis* и церковно-славянскимъ *ъ*-омъ едва ли уясняетъ характеръ кабардинской артикуляціи. Но эти и нѣкоторыя другія замѣчанія, которыя можно было бы сдѣлать, нисколько не умаляютъ высокой полезности грамматической работы г. Лопатинскаго.

Что касается русско-кабардинскаго словаря, то составитель постарался указать слова, вошедшія въ кабардинскій языкъ изъ турецко-татарскаго, арабскаго и персидскаго, при чемъ въ этой работѣ, по его словамъ, неоцѣнимую услугу ему оказалъ проф. О. Е. Коршъ (стр. 3). Конечно, при внимательномъ просмотрѣ и въ кабардинскомъ языкѣ окажется больше иностранныхъ словъ, чѣмъ сколько отмѣтилъ ихъ со-

ставитель; такъ напริมѣръ: названіе *бани* (хаме) слово арабское, *тавга* (демыга) татарское, *шахматовъ* (сентреш) персидское *сатренджъ* (изъ санскритскаго); слово *сырыху*—русскій—можетъ быть осетинское *сырх* (красный и рыжій) и т. п. Сопоставленіе нѣкоторыхъ кабардинскихъ словъ съ греческими по чисто случайному сходству (напрімѣръ *братъ*—дѣлху—ср. греч. ἀδελφός, *разъѣтъ*—нар, срави. греч. ἀρα) можно было бы не приводить безъ всякаго ущерба для словаря. Такое же лишь случайное сходство представляетъ кабардинское названіе *фунта* „геронке“ (персидскаго происхожденія) съ русск. „гривенка“, которое, какъ извѣстно происходитъ отъ слова *грива* въ его древнемъ значеніи *шеи* (срав. гривна).

Оканчивая этимъ обзоръ содержанія обширнаго труда г. Лопатинскаго по кабардинскому языку, позволю себѣ высказать надежду, что онъ не ограничитъ разсмотрѣннымъ Выпускомъ свои занятія кабардинцами и будетъ продолжать столь удачно начатое имъ изученіе языка и фольклора этой интересной народности.

В Ы П У С К Ъ XIII и XIV.

Оба новые выпуска названнаго изданія управленія Кавказскаго учебнаго округа отличаются не меньшимъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія, чѣмъ предшествующіе. Особенность выпуска XIII составляетъ та новинка, что почти весь I-й его отдѣлъ посвященъ кавказской археологіи. Замѣтно, что составленная Московскимъ археологическимъ обществомъ специальная программа для описанія вещественныхъ памятниковъ древности на Кавказѣ начинаетъ приносить плоды. Въ редакціи „Сборника“ скопилось уже немало археологическихъ описаній изъ разныхъ мѣстъ Кавказа, и 11 такихъ очерковъ, иногда сопровождаемыхъ рисунками, нашли себѣ мѣсто въ разсматриваемомъ выпускѣ.

Нельзя въ достаточной степени оцѣнить значеніе архе-

ологіи для уясненія древняго быта многочисленныхъ народовъ Кавказа, не имѣвшихъ письменной исторіи. Могилы разнообразныхъ типовъ съ ихъ погребальною обстановкой—оружіемъ, украшеніями, сосудами, представляютъ для многихъ мѣстныхъ Кавказа единственный источникъ для изученія культуры его древняго населенія. Но и для тѣхъ народовъ, которые, какъ армяне и грузины, имѣютъ историческую литературу, археологія является немалымъ подспорьемъ. Древнія развалины церквей съ надписями нерѣдко восполняютъ лѣтописныя извѣстія, знакомя насъ съ религіозной стороною жизни обоихъ народовъ въ отдаленные вѣка. Особенно важно для археологіи Кавказа участіе мѣстныхъ дѣятелей въ описаніи его памятниковъ. При отдаленности Кавказа отъ столицъ, археологическія экспедиціи, посылаемыя оттуда, сопровождаются значительными матеріальными затратами и ограничиваются обыкновенно лѣтними (вакаціонными) мѣсяцами. При такихъ условіяхъ понятно, что археологическое изслѣдованіе Кавказа подвигалось до сихъ поръ довольно медленно впередъ, и что нѣкоторыя мѣста, интересныя въ археологическомъ отношеніи, остаются до сихъ поръ почти нетронутыми, такъ какъ въ нихъ не заглядывали члены археологическихъ экспедицій за краткостью времени, трудностью пути и другими обстоятельствами. Конечно, такіе пробѣлы, которыхъ окажется немало, съ наибольшимъ удобствомъ могутъ восполнить мѣстные любители, руководясь археологической программой и добросовѣстно описывая, измѣряя и срисовывая тѣ древніе памятники, которые находятся въ ихъ окрестностяхъ. Такія описанія отдѣльныхъ памятниковъ, конечно, подъ условіемъ полноты и точности, дадутъ въ послѣдствіи богатый матеріалъ для исторіи прошлаго всего Кавказскаго края.

Археологическіе матеріалы, вошедшіе въ XIII выпускъ, довольно разнообразны: мы знакомимся здѣсь съ замѣчательными ольменами (станции Даховской Майкопскаго отдѣла Кубанской

области), называемыми мѣстнымъ населеніемъ „богатырскими хатками“: съ гробницами на рѣкѣ Индышѣ, притокѣ Кубани въ ея верхнемъ теченіи; съ христіанскими древностями—монастырями и церквами—ущелья р. Квирилы, населеннаго грузинами, и армянскаго села Касапетъ (Джеванширскаго уѣзда Елисаветпольской губерніи); съ памятниками древности города Самшвилде, котораго развалины находятся на юго-западѣ отъ Тифлиса; съ пещерой св. Оганеса (Іоанна), принадлежащей къ числу наиболѣе чтимыхъ святынь жителей г. Новобаязета, и съ неменѣе интересными пещерами, находящимися у селенія Токъ-Самсаръ (въ 20 верстахъ отъ города Ахалкалаки) и служившими жилищами древнему христіанскому населенію, что можно заключить изъ существованія въ нихъ двухъ церквей; съ могильникомъ, повидимому осетинскимъ, Челишъ-кивъ, находящимся въ Джераховскомъ ущельѣ верстахъ въ 25-ти на юго-востокъ отъ Владикавказа, и съ нѣкоторыми другими памятниками Кавказской старины. Описанія иллюстрируются 13-ю рисунками и одной таблицей, содержащей грузинскую надпись.

Любопытно, что между памятниками есть такіе, которые народное преданіе связываетъ съ животными. Въ окрестностяхъ села Татевъ (Зангезурскаго уѣзда Елисаветпольской губ.) недалеко отъ Татевскаго монастыря существуетъ такъ называемый крестъ *вороны*. Народное преданіе рассказываетъ, что крестьяне, работавшіе для монастыря, когда-то расположились на землѣ, вокругъ большихъ котловъ съ кушаньями, и собирались обѣдать, какъ вдругъ ихъ вниманіе обратила на себя выходящая надъ котлами ворона. Не смотря на крики рабочихъ и брошенные ими въ ворону камни, она неотвязчиво продолжала кружиться надъ котлами и, улучивъ удобную минуту, мигомъ бросилась въ котелъ и, конечно, сварилась. Одни думали, что ворона хотѣла вытащить изъ котла кусокъ мяса, другіе, напротивъ того, въ поступкѣ этой птицы видѣ-

ли персть Божій, какъ это и подтвердилось на дѣлѣ: когда тушанье, въ ~~которомъ~~ ~~сварилась~~ ворона, вылили, то всѣ были поражены при видѣ огромной змѣи, находившейся въ котлѣ вмѣстѣ съ мясомъ. Сейчасъ же порѣшили въ память этого замѣчательнаго событія воздвигнуть памятникъ воронѣ, спасшей рабочихъ отъ неминуемой смерти, которая, по мнѣнію простонародія, произошла бы отъ змѣйнаго мяса. Памятникъ состоитъ изъ большой каменной глыбы, въ ростъ человѣка, съ высѣченнымъ на ней крестомъ; подѣ камнемъ, по преданію, погребена ворона (стр. 67). Что въ данномъ случаѣ къ вещественному памятнику прикрѣпился сказочный мотивъ о спасеніи человѣка животнымъ, видно изъ того, что подобное же преданіе (какъ уже отмѣчено редакціей „Сборника“) связано съ развалинами Квависъ-сакдари (вороньей церкви), находящимися близъ города Гори. Другой памятникъ животному находится близъ того же Татевскаго монастыря, называется по-татарски Окюзъ-заратъ (святыня быка) и представляетъ простую кучу камней, увеличивающуюся съ каждымъ днемъ, такъ какъ всякій прохожій считаетъ своей обязанностью взять съ дороги камень и бросить его въ общую кучу. По преданію, подѣ камнями погребенъ быкъ, который безъ помощи человѣка, одинъ, на своей спинѣ перетащилъ изъ окрестностей предметы, необходимые для закладки Татевскаго монастыря (68). Отмѣчу, что легенды о быкахъ, содѣйствовавшихъ построению святыни, извѣстны и въ другихъ мѣстахъ Кавказа. Такъ, относительно построения деревянной церкви св. Георгія близъ Цейскаго ледника (въ Осетіи), извѣстной подѣ названіемъ Рекомскаго дзуара (святыни), мнѣ лично мѣстные жители рассказывали въ 1880 году подобное же преданіе. „Въ древнія времена св. Георгій (поосетински Уастырджи) рѣшилъ выстроить для осетинъ святилище изъ бревенъ, которыя никогда не подвергались гніенію. Такимъ свойствомъ отличались деревья въ лѣсу по ту сторону горъ.

Уастырджи приказалъ своимъ воламъ перевозить оттуда бревна черезъ гору, противъ Рекама, гдѣ нынѣ ледникъ. Арбы нагружались сами собою, и волы шли безъ проводника по назначенному пути. Сложивъ лѣсъ, волы вернулись къ Уастырджи, а изъ бревенъ выстроился храмъ самъ собою, безъ помощи человѣческихъ рукъ* *).

По обилію интересныхъ этнографическихъ данныхъ выдѣляется въ I-мъ отдѣлѣ обстоятельная статья г. Н. Григорова о селѣ Татевъ (стр. 59—125). Здѣсь особенно обращаютъ на себя вниманіе свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о бродячихъ пѣвцахъ и музыкантахъ, ашикахъ, которыхъ роль въ распространеніи въ народѣ восточныхъ сказокъ и пѣсенъ, по видимому, очень значительна, по крайней мѣрѣ, въ губерніяхъ Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской. Главные ашики, разъѣзжая по селеніямъ, останавливаются у зажиточныхъ хозяевъ и въ праздничные дни, когда крестьяне свободны отъ полевыхъ работъ, на сельской площади даютъ свои представленія изъ жизни сказочныхъ героев: Керъ-оглы, Шахъ-Исмаила, Ашикъ-Кериба, Кярама, Новруза и т. под. Выборъ той или другой сказки зависитъ отъ желанія влиятельныхъ лицъ общества. Одинъ изъ ашиковъ беретъ роль героя сказки, другой входитъ въ роль его врага, и начинаютъ они ходить по площади, играя на балалайкѣ и распѣвая пѣсни, изъ которыхъ одинъ представляютъ вопросы, а другіе—отвѣты на нихъ. Ашики своими остротами и колкими выраженіями стараются превзойти одинъ другого; два ашика рѣдко разойдутся, не вступивъ въ состязаніе другъ съ другомъ; побѣда одного надъ другимъ выражается отнятіемъ у послѣдняго балалайки, которая, по обычаю ашиковъ, должна поступить въ собственность побѣдителя. При этомъ, одинъ въ пѣсняхъ съ извѣстными приемами задаетъ другому рядъ вопро-

*) См. статью „Въ горахъ Осетіи“, *Русская Мысль*, 1881, сентябрь стр. 108.

совѣ, другой долженъ разрѣшить вопросы перваго въ пѣснѣ же, оканчивая стихи тѣми рѣшимами, какими оканчиваются вопросы, а затѣмъ второй ашикеъ предлагаетъ первому свои вопросы (стр. 110).

Помимо сказочныхъ сюжетовъ, ашики распространяють въ народѣ и апокрифическія сказанія, которыми, какъ извѣстно, изобилуетъ кавказскій фольклоръ. По словамъ г. Григорова, они передаютъ въ пѣсняхъ о сотвореніи міра, о созданіи человѣка, о Моисей и другихъ пророкахъ, и сельское населеніе къ ихъ словамъ питаетъ полное довѣріе. Въ числѣ рассказовъ, ходящихъ среди татевскихъ жителей, авторъ приводитъ легенду объ Александрѣ Македонскомъ (стр. 121), любопытную тѣмъ, что къ имени Александра прикрѣпился извѣстный бродячій сказочный сюжетъ о царѣ съ какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ, который онъ скрываетъ. Эпитетъ „восточнаго“ Искандера (Александра) „Дзулькарнейнъ“ (рогатый) былъ осмысленъ такъ, что будто у царя былъ на головѣ рогъ. Желая скрыть это отъ людей, Искандеръ отсѣкалъ голову каждому цирюльнику, когда онъ оканчивалъ стрижку его волосъ, чтобы тотъ не проболтался въ народѣ о его недостаткѣ. Одинъ цирюльникъ вымолилъ себѣ пощаду, поклявшись, что сохранить тайну царя; но тайна стала такъ тяготить его, что онъ, найдя въ полѣ колодезь, нагнулся надъ нимъ и прошепталъ: „у Искандера на головѣ рогъ“. Черезъ нѣсколько дней изъ колодца выросъ тростникъ; одинъ пастухъ случайно сдѣлалъ себѣ изъ него дудку, которая и выдала тайну царя. Этотъ сюжетъ имѣлъ, повидимому, особенную способность прикрѣпляться къ историческимъ именамъ. Въ классическомъ мірѣ онъ рассказывался о царѣ Мидасѣ, у южныхъ славянъ о царѣ Троянѣ. Примѣровъ же прикрѣпленія сказки къ безыменнымъ царямъ извѣстно немало: она рассказывается въ Уэльсѣ, Ирландіи, Британіи, на греческихъ островахъ, у монголовъ и въ другихъ мѣстахъ. Од-

нако, какъ и для множества другихъ сказочныхъ сюжетовъ, хоть распространенія этого разсказа еще не выясненъ въ достаточной степени: Бенфей полагалъ, что онъ перешелъ съ запада на востокъ, Либрехтъ склоненъ выводить сказку изъ Индіи *).

Въ статьѣ г. В. Ломинадзе „Встрѣча новаго года у имеретинъ“ находимъ рядъ любопытныхъ бытовыхъ подробностей объ этомъ праздествѣ, при которомъ символика играетъ важнѣйшую роль въ обрядахъ. Такъ, съ вечера, предъ новымъ годомъ, хозяйка печетъ множество пироговъ разнообразныхъ формъ — круглыхъ, мѣшковидныхъ, продолговатыхъ и т. п., изъ которыхъ каждая имѣетъ свое назначеніе. Цилиндрическіе предназначены для поздравленія животныхъ: хозяинъ дома, поднося ихъ быкамъ, коровамъ, лошадямъ, говоритъ: „поздравляю васъ съ новымъ годомъ, будьте полны, какъ вотъ эти пироги!“ Мѣшковидные пироги онъ несетъ къ виннымъ погребамъ и, поздравивъ ихъ съ новымъ годомъ, говоритъ: „наполняйтесь, какъ эти пироги“ (пироги начинены сыромъ и яйцами). Круглые пироги служатъ для поздравленія членовъ семьи (стр. 5). Нѣкоторые имеретинскіе обряды, имѣющіе цѣлью испрошеніе у божества счастья и преуспѣянія въ новомъ году, сходны съ приуроченными къ тому же періоду обрядами другихъ кавказскихъ народовъ (напримѣр, осетинъ **), а также южныхъ славянъ, нѣмцевъ и проч. Въ статьѣ г. III. Ломинадзе „Поѣздка въ Рачу“ сообщаются, между прочимъ,

*) По литературѣ сказки о Мидасѣ и проч. см.: статью *Томашека*—въ *Zeitschr. für Oesterr. Gymn.* 1877, p. 679; *А. Н. Веселовскаго*—въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1880 г., ч. ССХ, стр. 96; *Köhler'a*—въ *Jenaer Literaturzeit.* 1878, 298; *Bernhard Schmidt* *Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder*, 1877, p. 70; *Bensfey*, *Pantschatantra*, предисловіе, p. XXII, примѣч.; *Jülg*, *Mongolische Märchen*, 1868, p. 46; *Liebrecht*—въ *Ebert's Jahrbuch*, В. III, p. 86; *О. И. Буслаева*, *Историч. очерки русск. народ. словесности*, I, стр. 386; *Всес. Миллеръ*—въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. СС, отд. 2, стр. 246 и слѣд.

**) Ср. *Осетинскіе Этюды*, II, стр. 286.

народные анекдоты, осмѣивающіе неразвитость окрибцевъ, жителей бѣднѣйшаго участка Кутаисскаго уѣзда, извѣстнаго подѣ названіемъ Окриби. Окрибцы представляются столь же недалекими, какъ наши пошехонцы и нѣмецкіе Lallenbürger'ы. Но любопытно, что анекдоты, характеризующіе ихъ недалекость, представляютъ бродячій матеріалъ, прикрѣпляющійся къ тѣмъ или другимъ народнымъ именамъ. И въ этомъ отношеніи изобрѣтательность народа по части новыхъ сюжетовъ крайне ограничена. То же, что здѣсь рассказывается объ окрибцахъ, можно найти, въ латышскихъ сказкахъ Трейланда (Бривземніакса). Г. Ш. Ломинадзе сообщилъ и три рачинскія сказки. Отмѣтимъ, что первая „Старикъ нищій и три брата“ представляетъ довольно близкій вариантъ осетинской легенды о св. Георгіи, изданной мною въ русскомъ переводѣ *). Многочисленные кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ, пополняются въ матеріалахъ, доставленныхъ г. В. Гарцкѣй, еще однимъ абхазскимъ, въ которомъ великанъ носитъ имя Абрскила (стр. 34—38). Собаку, лижущую цѣпи прикованнаго великана въ грузинскомъ преданіи, замѣняетъ конь Абрскила *арашъ*. Въ числѣ матеріаловъ по грузинской народной словесности, доставленныхъ разными лицами, можно отмѣтить еще одно преданіе о Тamarѣ, которыхъ уже не мало появлялось на страницахъ „Сборника“. Здѣсь рассказывается, что Тамара поймала утреннюю звѣзду и посадила ее въ девять ящиковъ, вложенныхъ одинъ въ другой: отъ этой звѣзды зависѣли снѣгъ и хорошая погода, и такимъ образомъ царица избавила свою страну отъ сильныхъ морозовъ. Разъ, отправляясь осматривать царство, она поручила ящики слуганкѣ, предупредивъ ее, что жестоко ее накажетъ, если она его откроетъ. Однако мучимая любопытствомъ слуганка не вытерпѣла и открыла ящикъ. Изъ него вылетѣла утренняя звѣзда и сейчасъ же послала на землю небывалый снѣгъ. Та-

*) „Осетинскіе этюды“, I, 156.

мара догадалась о случившемся и поспѣшила домой. Много мученій перенесла она, чтобы добраться до своего дворца, такъ какъ ей мѣшала глубокая снѣгъ. Затѣмъ она проклала служанку, вслѣдствіе чего та обратилась въ духа и приняла видъ серебрянаго шарика, висѣщаго будто бы у дверей церкви, находящейся, по преданію, на вершинѣ горы Брутъ-сабдзели, рядомъ съ дворцомъ Тамары (стр. 44—45). Преданіе записано г. Д. Хахановымъ въ селѣ Цхинвалѣ Горійскаго уѣзда. Почти въ тѣхъ же мѣстахъ въ аулѣ Джавѣ я записалъ въ 1883 г. *осетинскій* вариантъ того же преданія, любопытный тѣмъ, что нѣкоторыми подробностями его овладѣла такъ называемая народная этимологія. Такъ же, какъ въ грузинскомъ преданіи, Тамара, увидя снѣгъ, догадалась объ освобожденіи утренней звѣзды и поспѣшила домой. Когда она доѣхала до мѣста Они (по-осетински Уони), то снѣгъ доходилъ ея коню до лопатокъ (по-осетински уонъ), поэтому и мѣсто назвалось Уони (нынѣ городъ Они). Отсюда она пріѣхала въ Кударъ, и здѣсь издохъ ея конь. Поэтому это мѣсто и зовется Кударъ (куда — по-грузински *покойники*). Наконецъ она пріѣхала домой и наказала строго служанку. Грузинское преданіе дополняетъ, въ чемъ состояло это наказаніе.

Сказка „Объ юношѣ и дѣвицѣ“ интересна по вплетенію библейскихъ, иногда апокрифическихъ мотивовъ въ связочный сюжетъ. Юноша и царевна состязаются въ мудрости, при чемъ предлагаютъ другъ другу тѣ столь любимыя въ средневѣковой литературѣ *хитрые* вопросы, матеріалъ для которыхъ, какъ въ нашемъ стихѣ о Голубиной книгѣ, почерпался изъ Библии и апокрифовъ, дополняясь и другими книжными источниками, попадавшими отъ книжныхъ людей въ неграмотную массу. Вотъ образчики такихъ вопросовъ: „Какіе это три существа, которыя отъ матери не рождались“? Отвѣтъ: „Двое изъ нихъ — Адамъ и Ева, а третье — агненокъ, который былъ посланъ съ неба Аврааму, для принесенія въ жертву вмѣсто Исаака“.

Вопросъ: „На землѣ были два существа: они пили, ѣли, а не умерли. Кто они?“ Отвѣтъ: „Это Энохъ и Илья пророкъ: они не умрутъ, пока не придетъ антихристъ“. Вопросъ: „Была могила, которая двигалась и ходила; что это за могила?“ Отвѣтъ: „Это—вѣтъ, который, проглотивъ Іону, плавалъ въ морѣ“. Вопросъ: „Кому-то поднесли пищу, онъ же, вмѣсто пищи, съѣлъ того, кто поднесъ ему пищу... Кто онъ?“ Отвѣтъ: „Это былъ пророкъ Даніилъ, котораго поднесли орлу, но орелъ, вмѣсто него, съѣлъ того, кто поднесъ ему Даніила“. Вопросъ: „Кто былъ тотъ, котораго Богъ послалъ на землю, но посланный былъ не изъ ангеловъ, не изъ людей и не изъ дьяволовъ?“ Отвѣтъ: „Это—ворона, прилетѣвшая къ Адаму, когда Каинъ убилъ Авеля: Адамъ не зналъ, что сдѣлать съ трупомъ Авеля; тогда прилетѣли двѣ вороны; одна изъ нихъ заклывала другую и закопала ее въ землю; Адамъ увидѣлъ это и поступилъ по примѣру вороны: выкопалъ яму и похоронилъ Авеля“, и т. п.

Въ армянской сказкѣ „Царь пастухъ“ (стр. 78—82) пастуху, избранному царемъ товарищами, приписываются такія же мудрыя судебныя рѣшенія, какія въ другихъ сказаніяхъ прикрѣплены къ имени Соломона. Слѣдующая также армянская сказка „Неблагодарность“ (стр. 82—85), въ которой обезьяна, тигръ и змѣя, вытащенные изъ ямы, изображаются болѣе благодарными избавителю, чѣмъ человѣкъ, представляетъ интересъ для исторіи распространенія индійскихъ сказокъ Пандитантры, такъ какъ армянская сказка не что иное, какъ довольно близкая передача одной главы (о пилигримѣ и золотыхъ дѣлѣ мастерѣ) арабской передѣлки индійскаго сборника, известной книги Калила и Димна *). Сказка „Цвѣтокъ Адама“ (93—99) представляетъ оригинальное вплетеніе апокри-

*) См. Книга Калила и Димна, сборникъ басенъ, неизвестныхъ подъ именемъ басенъ Виднаа, переводъ съ арабскаго М. Аттал и М. Рабинина, Москва, 1889, стр. 198—201.

фических мотивовъ въ фантастическій сюжетъ объ унесенной чудовищемъ дѣвушкѣ. Здѣсь на ряду съ сказочными героями являются Гавріиль Архангелъ и апостолъ Петръ. Цвѣтокъ Адама, растущій въ раю,—отголосокъ сказанія о вѣтви райскаго древа, за которою въ извѣстномъ апокрифѣ Адамъ посылалъ Сіеа въ земной рай. Не менѣе интересны для вопроса о распространеніи апокрифовъ на Кавказѣ бакинскія легенды „о праотцѣ Авраамѣ и „о Соломонѣ мудромъ“ (стр. 156—158). Въ первой мы находимъ въ мусульманской окраскѣ талмудическое сказаніе о поступкѣ Авраама съ идолами, во второй разсказъ о разговорѣ Соломона съ муравьями. Обѣ бакинскія легенды представляютъ варианты къ однороднымъ, приводимымъ Вейлемъ въ его извѣстной книгѣ *). Въ бакинскомъ преданіи о Петрѣ Великомъ (159—161) русскій царь представляется въ очень симпатичномъ видѣ, какъ возстановитель спокойствія, прекратившій страшную рѣзню, свирѣпствовавшую между шіитами и суннитами въ Кубѣ, и посадившій на ханскій престолъ въ послѣднемъ городѣ сына незаконно свергнутаго хана Ахмеда. Преданіе о Шахъ-Аббасѣ (161—166) прославляетъ его вѣротерпимость, заботы объ устройствѣ каравансараевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прицѣпляетъ къ его имени бродячую сказку о мудрой и вѣрной женѣ, умѣвшей остроумною параболой сдержать любовный пылъ властителя, влюбившагося въ нее. Красавица, жена кузнеца, проситъ у пришедшаго къ ней въ отсутствіе мужа шаха позволеніе очистить для него окрашенное яйцо, и затѣмъ, когда шахъ его скушалъ, спрашиваетъ, какой оно имѣло вкусъ. „Обыкновенный“,—отвѣтилъ шахъ. Красавица дала ему другое очищенное яйцо, окрашенное въ другую краску, и спросила, когда и его съѣлъ шахъ, какой вкусъ оно имѣло. „Точно такой же, какой и первое яйцо“,—сказалъ шахъ въ недоумѣніи. Затѣмъ

*) G. Weil, Biblische Legenden der Muselmänner, 1845 г., стр. 71 и слѣд.; 238 и слѣд.

она подала ему еще нѣсколько яицъ разной окраски и каждый разъ повторяла тотъ же вопросъ. Наконецъ, раздраженный шахъ говорить: „Что ты спрашиваешь меня объ одномъ и томъ же? Конечно, яйцо должно имѣть вкусъ яйца, а не другой“. — „Я радуюсь, что великій шахъ знаетъ это!“ — отвѣтила молодая женщина: — „какъ вкусъ двѣнадцати разноцвѣтныхъ яицъ совершенно одинаковъ, такъ и женщины различаются другъ отъ друга лишь по внѣшности, удовольствіе же, которое онѣ доставляютъ мужчинамъ, одинаково“. Шахъ, пораженный этимъ сравненіемъ, далъ красивѣй кошелькъ золота и ушелъ, оставивъ свои покушенія на нее. Какъ въ Баку эта сказка связана съ именемъ историческаго лица, такъ у насъ, какъ извѣстно, она прикрѣплена, между прочимъ, къ княгинѣ Ольгѣ, когда она, по одному преданію, была еще перевозчицей. Заглядывавшемуся на нее женатому князю она предложила выпить воды, зачерпнувъ сначала съ правой, а затѣмъ съ лѣвой стороны лодки, и предложила ему тотъ же вопросъ, какой жена кузнеца поставила Шахъ-Аббасу. На его отвѣтъ, что вода одинакова по вкусу, мудрая Ольга сказала: „таково же и естество женское“.

Наибольшій интересъ во всемъ XIII выпускѣ представляетъ татарская обширная сказка „Ашикъ-Керибъ“, записанная со словъ *ашика* Оруджа, жителя селенія Тирджанъ, Шемахинскаго уѣзда, Бакинской губерніи. Въ сказку введенъ цѣлый репертуаръ пѣсенъ ашиковъ (87 №№), къ которымъ приложенъ татарскій текстъ, записанный г. Махмудбековымъ. Авторъ предисловія къ XIII выпуску „Сборника“ г. Богоявленскій уже сдѣлалъ по поводу Ашикъ-Кериба нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній (стр. XXII—XXVI), въ которыхъ, между прочимъ, онъ отмѣчаетъ матеріалы, характеризующіе *ашикство* на Кавказѣ, напечатанные въ рассматриваемомъ и прежнихъ выпускахъ „Сборника“. „По смыслу сказокъ, ашикство есть явленіе, возникшее не на Кавказѣ, а принесенное сюда съ

магометанскаго востока. Слово „ашикъ“ (влюбленный, поэтъ) арабскаго происхожденія (отъ арабскаго „эшкъ“ — любовь); языкъ, на которомъ поются пѣсни ашиковъ, — татарскій: име-
на героевъ, упоминаемыхъ въ сказкахъ объ ашикахъ, также татарскія. Но на Кавказѣ это явленіе, можно сказать, акклиматизировалось: статья г. Григорова указываетъ въ Елисаветпольской губерніи цѣлыя деревни, гдѣ жители сдѣлали ашичество своей спеціальною (XXIV). Пользуясь высокимъ уваженіемъ въ народѣ, талантливые ашики, пѣвцы-импровизаторы, воспитываютъ въ немъ эстетическія наклонности и своими пѣснями и сказками разносятъ фантастическіе и бытовые сказочные сюжеты, столь обильные на всемъ мусульманскомъ востокѣ и часто восходящіе къ индійскимъ.

Ашики почерпаютъ матеріалъ для своего репертуара и изъ библейскихъ сказаній, конечно, всего болѣе изъ апокрифовъ. Въ сказкѣ о Кешинъ-оглы (стр. 89) говорится, что этотъ ашикъ зналъ наизусть всю Библію, и что каждый воскресный день къ нему собиралась толпа народа, чтобы слушать изъ устъ его *священныя пѣсни*. Вообще для исторіи распространенія сказочныхъ сюжетовъ было бы весьма важно болѣе подробное изученіе кавказскаго ашичества въ связи съ однороднымъ явленіемъ, наблюдаемымъ у другихъ народностей Кавказа и Средней Азіи, каковъ, напримѣръ, *ичуако* у кабардинцевъ, *ойлянчи*, пѣвцы-поэты, у киргизовъ и т. п. Чѣмъ больше изучается народный эпосъ востока и запада, древній и современный, тѣмъ тверже складывается убѣжденіе, что въ его поэтической обработкѣ и распространеніи капитальная роль принадлежала *профессіональнымъ* пѣвцамъ и рассказчикамъ, которые хранили народныя традиціи и путемъ *обученія* передавали свой пѣсенный репертуаръ ученикамъ.

Помимо этого болѣе широкаго интереса татарская сказка объ Ашикъ-Керибѣ представляетъ другой, болѣе спеціаль-
ный. Она не что иное, какъ варіантъ сказки, пересказанной

Лермонтовымъ подѣ тѣмъ же заглавіемъ, и показываетъ, что въ передачѣ восточнаго сюжета Лермонтовъ держался близко слышанной имъ версіи и ограничился лишь стилистическими подправками. Для второй части сказки, описывающей возвращеніе Ашикъ-Кериба домой, редакция сочла возможнымъ прямо перепечатать пересказъ Лермонтова, такъ какъ онъ вполне тождественъ въ этомъ мѣстѣ съ версіей ашика Оруджа (стр. 206—207). Въ своей замѣткѣ о сюжетѣ нашей былины о выходѣ замужъ жены Добрыни, во время его отсутствія, за Алешу Поповича *), я обратилъ вниманіе на детальную близость содержанія этой былины къ сюжету кавказской сказки въ Лермонтовскомъ пересказѣ. Новый вариантъ, подтверждая это наблюденіе, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какой широкой популярностью пользовался этотъ сюжетъ на Кавказѣ и въ какой тѣсной связи онъ находится съ мѣстнымъ бытовымъ явленіемъ, *ашикствомъ*. Описывая похождения главнаго дѣйствующаго лица Расула, посвященнаго въ ашики пророкомъ Хидиръ-Ильясомъ и прославившагося подѣ именемъ Ашикъ-Кериба (поэта-странника), сказка, прицѣпляясь къ деталямъ сюжета, вводитъ самыя пѣсни Ашика, которыя онъ импровизируетъ, напримѣръ, при прощаньи съ матерью, при вѣздѣ въ Тифлисъ, при встрѣчѣ съ будущей возлюбленною Шахъ-Санамъ и т. д. Мать, сестра, возлюбленная и другія лица также на пѣсни Ашика отвѣчаютъ пѣснями, такъ что эпическій разсказъ безпрестанно прерывается лирическими вставками въ персидскомъ вкусѣ съ *розами, соловьями, луннымъ сіяніемъ* и тому подобными аксессуарами восточной лирики. Не отсутствуютъ и популярныя въ персидской поэзіи имена Зудейхи, которая была первымъ *ашикомъ*, влюбившись въ Іосифа (стр. 195), и Рус-тема, извѣстнаго персидскаго богатыря. Отмѣтимъ для исторіи одной детали въ русской былинѣ, что въ Лермонтовскомъ

*) См. „Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ“, I, въ *Этнографическомъ Обзорѣ*, кн. V, стр. 110—115.

пересказъ не было одной подробности, находимой въ нашей былинѣ—именно *узнанія* посредствомъ опущеннаго въ кубокъ кольца. Эта деталь оказывается въ новомъ кавказскомъ вариантѣ, хотя опять не совсѣмъ такою, какъ въ былинѣ. Въ послѣдней Добрыня, переодѣтый гусяромъ-скоморохомъ, на пиру у Владимира опускаетъ свое кольцо въ чашу жены: въ татарской сказкѣ невѣста отсутствующаго Кериба, съ намѣреніемъ разыскать его и вернуть домой, отдаетъ полученное ею отъ него при разставаньи кольцо одному купцу и говоритъ: „куда ни прѣдешь, опусти кольцо въ чашу и раздавай въ ней шербеть: кто назоветъ себя хозяиномъ кольца, тотъ—Керибъ“ (стр. 202). Купецъ дѣйствительно такимъ приемомъ сообщилъ Керибу о положеніи его невѣсты и побудилъ его поѣхать домой. Такимъ образомъ въ нашу былинѣ и *кольцо, опускаемое въ чашу*, могло зайти изъ какого нибудь *восточнаго* извода популярнаго сюжета о выходѣ жены замужъ въ отсутствіе мужа. Указываемъ на это потому, что, по мнѣнію г. Дашкевича, матеріаломъ для былинъ о женитьбѣ Алеши послужили какіе нибудь нѣмецкіе изводы основной темы, такъ какъ наша былина представляетъ черты сходства въ мелкихъ частностяхъ (между прочимъ, и въ *узнаніи* посредствомъ кольца) съ нѣкоторыми изъ средневѣковыхъ нѣмецкихъ обработокъ этой саги *). Въ своей замѣткѣ я показалъ, что число совпадающихъ *мелкихъ частныхъ* былины съ Лермонтовскою сказкою объ Ашикѣ-Керибѣ указываетъ скорѣе на восточное, чѣмъ на западное происхожденіе былинной редакціи этого сюжета, и новый татарскій вариантъ, на нашъ взглядъ, не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія.

Репертуаръ пѣсенъ ашиковъ, вошедшихъ въ сказку объ Ашикѣ-Керибѣ, дополняется нѣсколькими не менѣе интересными татарскими пѣснями, записанными въ Джеванширскомъ

*) См. „Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ“. 1883 г., стр. 47.

уѣздѣ Елисаветпольской губерніи отъ ашиковъ (стр. 230—237). Предметомъ одной пѣсни служитъ споръ гористаго мѣста (ейлаха) съ низменностью, другой—споръ земли съ небомъ, третьей—дѣятельность пчелы. Оставляя въ сторонѣ обстоятельную программную статью г. Калашева о селеніи Ивановкѣ Геокчайскаго уѣзда Бакинской губерніи (стр. 238—288), представляющую интересъ для характеристики быта нашихъ сектантовъ, водворенныхъ среди инородческаго и иновѣрскаго населенія, отмѣтимъ въ разсматриваемомъ выпускѣ *Татарскія сказки и преданія*, записанныя въ Елисаветпольской губерніи г. Сарксянцемъ (295—322). Сказка о трусѣ, прослывшемъ за знахаря вслѣдствіе нѣсколькихъ счастливыхъ для него случайностей, представляетъ новый варіантъ этого широкоизвѣстнаго сюжета *). Нѣкоторыя параллели къ 6 прочимъ сказкамъ указаны въ предисловіи къ выпуску г. Богоявленскимъ, съ которымъ, впрочемъ, я позволю себѣ не согласиться въ томъ, что въ сказкѣ о Меликѣ-Мамедѣ этотъ царевичъ „совершенно опредѣленно рисуется, какъ богъ-громовникъ, ведущій побѣдоносную борьбу съ божествами мрака и свѣта“ (XXXV).

Сложенная изъ разныхъ мотивовъ армянская сказка о семи братьяхъ (323—329) содержитъ, между прочимъ, мотивъ чудеснаго *приманія* или сдѣвленія людей съ предметами и людей между собою, встрѣчающійся въ разныхъ комбинаціяхъ во многихъ другихъ сказкахъ, напримѣръ, осетинской (о сынѣ старшины, прозванномъ Мышиное ухо) **), греческой ***), сербской ****).

Послѣдняя статья г. Паскалова, озаглавленная „Килить“,

*) См. мою статью: Восточные и западные родичи одной русской сказки, напечатана въ *Трудахъ Этнографическаго Отдѣла Московскаго Общества Люб. Ест. Антр. и Этнографии*, книга IV, 1877.

**) См. Осетинскіе тексты *Шиффера*, стр. 99, 104.

***) *Hahn. Griechische Märchen*, № 110.

****) См. *Jagic, Archiv für slavische Philologie*, I, p. 288.

содержитъ описаніе его поѣздки въ эту глухую деревушку, представляющую одну изъ многочисленныхъ этнографическихъ загадокъ многоплеменнаго Кавказа. Килить находится на самой нашей границѣ съ Персіей въ 18 верстахъ отъ города Ордубада Эриванской губерніи и содержитъ 32 двора съ наибѣднѣйшимъ мусульманскимъ населеніемъ. Кромѣ мѣстнаго языка, татарскаго, килитцы говорятъ, или точнѣе, прежде говорили на другомъ языкѣ, который ихъ предки вынесли изъ Персіи. Въ настоящее время они увѣряютъ, что не знаютъ никакого другого языка, кромѣ мѣстнаго, но въ ихъ разговорѣ проскальзываютъ слова и фразы, непонятныя мѣстному населенію и, повидимому, принадлежащія одному изъ персидскихъ діалектовъ. Г. Пасхаловъ записалъ нѣсколько такихъ словъ, добывъ ихъ съ большимъ трудомъ. Нѣкоторыя слова, какъ уже отмѣтилъ сопровождавшій г. Пасхалова мулла Самандаровъ, напоминаютъ персидскія. Съ своей стороны отмѣтимъ еще слѣдующія: *тіанча*—*котелъ*, ново-перс. *тіан* съ уменьшительнымъ суффиксомъ *чэ*; *дыгѣвъ*—*пара быковъ*, перс. *ду-гав* (2 быка); *гарибани*—*чужестранецъ*, перс. (араб.) *гаріб* съ суфф. *ани*; *шумы*—*пойдемъ*, перс. *шевім*; *кязымъ*, *дрова*—перс. *хізум*. Самое названіе трудно доступной, лежащей высоко въ горахъ, деревни Килить—персидское: *кілід* значитъ замѣкъ, ключъ. Въ языкѣ кавказскихъ евреевъ горцевъ, говорящихъ на поднарѣчьи татскаго языка, это слово звучитъ *кіліт*.

Не имѣя возможности по размѣрамъ нашей замѣтки останавливаться подробно на содержаніи слѣдующаго XIV выпуска „Сборника“, отмѣтимъ лишь самое главное. Наибольшій интересъ сосредоточивается на 2-мъ отдѣлѣ, дающемъ новые и цѣнные матеріалы для кавказской лингвистики. Здѣсь помѣщены тексты абхазскіе (сообщенные г. Мачаваріани), цудахарскіе (сообщенные г. Б. Далгатомъ), аварскіе (сообщенные г. Біакай Абдулаевымъ) и кюринскіе (сообщенные кн. Ліониде и г. Б. Султановымъ).

Всѣ тексты, переданные тщательной научной транскрипціей, сопровождаются дословнымъ и литературнымъ переводомъ. Сверхъ того, редакторъ, г. М. Завадскій не мало потрудился, чтобъ облегчить будущимъ изслѣдователямъ кавказскихъ языковъ пользованіе издаваемыми текстами. Въ виду того, что рукописная кюринская грамматика, оставшаяся послѣ покойнаго кавказскаго языковѣда барона Услара, еще не издана, г. Завадскій разобралъ грамматически часть кюринскихъ текстовъ и составилъ очеркъ главныхъ формъ, пользуясь грамматикой Услара, указаніями кн. Ліонидзе и двухъ природныхъ кюринцевъ, при чемъ ему приходилось не разъ дополнять и исправлять наблюденія Услара. Грамматическій разборъ, сдѣланный при содѣйствіи г. Аджамова, приложенъ г. Завадскимъ и къ тексту абхазской сказки, при чемъ и фонетическія наблюденія Услара проверены личнымъ опытомъ. Такого рода работы русскихъ, вполне подготовленныхъ къ дѣлу, изслѣдователей при помощи туземцевъ, эмпирически знающихъ родной языкъ, представляютъ за послѣдніе годы отрадное явленіе въ дѣлѣ научнаго изученія кавказскихъ языковъ, и „Сборникъ“, помѣщая такія работы (гг. Завадскаго, Лопатинскаго, Грена и друг.), приобретаетъ капитальное значеніе въ нашей еще далеко не богатой лингвистической литературѣ. Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ нѣтъ ученыхъ-спеціалистовъ, посвящающихъ себя *исключительно* изученію той или другой группы кавказскихъ языковъ, такъ что надѣяться на быстрые успѣхи въ этомъ дѣлѣ нѣтъ возможности. Тѣмъ болѣе нужно цѣнить работы названныхъ изслѣдователей, которые, среди множества другихъ обязательныхъ занятій, находятъ возможность удѣлять нѣкоторое время прилежному изученію труднѣйшей фонетики и морфологіи кавказскихъ языковъ и ведутъ дальше дѣло, начатое покойнымъ Усларомъ.

Независимо отъ лингвистическаго, изданные въ XIV выпускѣ матеріалы представляютъ и этнографическій интересъ.

Цудахарскія пѣсни (цудахарцы живутъ недалеко отъ Гуниба, смежно съ аварцами) характеризуютъ прекрасно воинственный духъ дагестанцевъ, отношеніе къ любимой женщинѣ, идеализируютъ народныхъ героевъ, изображаютъ борьбу съ русскими и грузинами и т. п. Сложная аварская сказка, содержащая рядъ извѣстныхъ сказочныхъ мотивовъ, любопытна тѣмъ, что въ ней оказывается, между прочимъ, одинъ мотивъ изъ восточной версіи Александрии. Герой среди темной ночи замѣтилъ на полянѣ нѣчто необыкновенно сіяющее. Погналъ онъ туда, смотреть: лежитъ золотой пухъ. „Взять мнѣ это—или нѣтъ?“ спросилъ онъ коня. „Не возьмешь—пожалѣешь, возьмешь—будешь каяться!“—сказалъ конь (стр. 97). Нѣчто подобное разказывается о воинахъ Александра, бродившихъ съ нимъ въ странѣ мрака и захватившихъ съ собою оттуда камни и комки земли, которые оказались чистымъ золотомъ, такъ что тѣ, которые не захватили ничего, жалѣли объ этомъ, а взявшіе также жалѣли, что не захватили болѣе. Другая аварская сказка про богатыря Медвѣжье-ухо, сына женщины и медвѣдя, живо напоминаетъ русскія сказки о Медвѣдѣ или Иванкѣ-Медвѣдкѣ (*Аванасьева*, вып. VI, № 11, и VIII, № 6). Кюринская сказка о царѣ грушъ (стр. 164—177) представляетъ новый вариантъ извѣстнаго восточнаго разказа о томъ, какъ лисица или котъ устраиваетъ судьбу человѣка. Сюда относятся, напримѣръ, аварская сказка о Бухучи-ханѣ (*Schiefner*, *Awarische Texte*, № VI), русская о Бухтанѣ (*Аванасьева*, IV, № 10) или о Степанѣ Богатомъ (*Худяковъ*, 3-й вып., № 98), а также сказки: греческая, сербская, болгарская, сибирская, финская, сицилійская, норвежская, шведская, нѣмецкая и друг. *).

*) См. *Radloff*, *Proben der Volksliteratur der nördlichen Türkischen Stämme*, I, 272, IV, 359, и литературу, указанную Калеромъ въ Предисловіи къ аварскимъ текстамъ *Шифнера* (стр. 16), и въ *Архивъ славянской филологии*, *Язича*, I, 286.

Въ 1-мъ Отдѣлѣ того же выпуска находимъ „Очеркъ быта кавказскихъ горцевъ“ г. А. Лилова, представляющій литературно написанный сводъ свѣдѣній объ общественномъ устройствѣ и общественныхъ отношеніяхъ горцевъ. Авторъ пользовался матеріалами, помѣщенными въ прежнемъ „Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горахъ“, въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ и нѣкоторыми оффиціальными кавказскими изданіями. Къ сожалѣнію, авторъ почему-то оставилъ въ сторонѣ оба наиболѣе важные труда М. Ковалевскаго по обычному праву и общественному устройству кавказскихъ горцевъ *). Думаю, что изученіе этихъ капитальныхъ трудовъ могло бы возвысить научное значеніе очерковъ г. Лилова. Статья г. Тепцова „По истокамъ Кубани и Терека“ представляетъ обстоятельное описаніе его поѣздки въ Карачай, къ верховьямъ Баксана и Чегема, а также въ Безинги и Болкаръ. Авторъ удачно характеризуетъ бытъ мѣстнаго населенія, приводитъ нѣкоторыя мѣстные преданія, отмѣчаетъ встрѣченныя имъ на пути древнія сооруженія и могильники и указываетъ на прискорбный фактъ хищническаго ограбленія старинныхъ могилъ мѣстными жителями (стр. 147). Последняя статья „Краткія свѣдѣнія о селѣ Варташенѣ и его жителяхъ“ г. М. Бежанова содержитъ очеркъ быта удиновъ, малочисленнаго народца, живущаго въ настоящее время только въ двухъ-трехъ селеніяхъ Елисаветпольской губерніи и принадлежащаго къ южно-дагестанской группѣ. Удины—последніе потомки нѣкогда болѣе многочисленнаго племени, входившаго въ составъ древнихъ кавказскихъ албанцевъ, агвановъ армянскихъ историковъ. Бытъ ихъ сохраняетъ доселѣ многія архаическія черты, на что, по поводу статьи Бежанова, уже было указано въ предисловіи къ выпуску г. Завадскимъ.

*) Современный обычай и древній законъ“, Москва, 1886, и „Законъ и обычай на Кавказѣ“, Москва, 1890.

OL 46005.1

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

1880
Palmerston and Schlessel

25^d 3419.6

www.libtool.com.cn

О СБОРНИКѢ МАТЕРІАЛОВЪ
ДЛЯ ОПИСАНІЯ МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА,
ИЗДАВАЕМОМЪ
УПРАВЛЕНІЕМЪ КАВКАЗСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

~~~~~
XV, XVI, XVII

Отзѣмы профессора Вс. Миллера, напечатанные въ Журналѣ Министерства На-
роднаго Просвѣщенія.

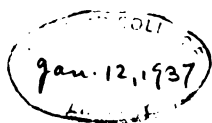
ТИФЛИСЪ.

Типографія канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ,
Лорисъ-Меликовская улица, д. каз.

1894.

Printed by ...

www.libtool.com.cn

Перепечатано изъ Циркуляра по управленію Кавказскимъ Учебнымъ
Округомъ за 1894 годъ, № 5.

О „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, издаваемомъ управленіемъ Кавказскаго Учебнаго Округа.

(Отзывы профессора В. Ө. Миллера).

Выпуски XV, XVI и XVII *).

Если мы сравнимъ небольшую первую книжку „Сборника“, вышедшую въ 1881 году, съ тремя объемистыми книгами, содержащими болѣе 100 печатныхъ листовъ, выпущенными управленіемъ Кавказскаго учебнаго округа въ 1893 году, то наглядно убѣдимся, какіе блестящіе результаты достигнуты Округомъ въ дѣлѣ научнаго описанія и изслѣдованія мѣстностей и племенъ Кавказа. Можно положительно сказать, что ни въ одной области Россіи этнографическое изученіе не ведется такъ плодотворно и съ такой неутомимой энергіей, какъ на Кавказѣ.

Если лѣтъ 10—12 тому назадъ можно было говорить, что Кавказъ въ этнографическомъ отношеніи представляется еще terra incognita, если можно было жаловаться, что мѣстные дѣятели мало дѣлають для изученія края, то въ настоящее время такіа жалобы неумѣстны. Сотрудники „Сборника“, большею частью учителя и учительницы, изъ всѣхъ захолустій обширнаго края въ изобиліи присылають въ редакцію этнографическіе и статистическіе матеріалы въ такомъ количествѣ, что управленіе Округа должно постоянно увеличивать число листовъ своего изданія и вмѣсто одной книжки почти одновре-

---

*) Отзывы профессора Миллера о первыхъ 14 выпускахъ этого изданія напечатаны въ приложеніи къ Циркуляру за 1893 годъ, № 4.

менно выпускать двѣ или три. Спѣшу сейчасъ же замѣтить, что быстрота, съ которой слѣдуютъ выпуски другъ за другомъ, и количество печатныхъ листовъ ни въ какомъ отношеніи не вліяютъ неблагопріятно на качества изданія. Напротивъ, участіе редакціи становится все замѣтнѣе: матеріалы классифицируются по содержанію, снабжаются поясненіями, указываются однородные или сходные, напечатанные раньше, словомъ, дѣлается все, что можетъ изслѣдователямъ этнографіи и спеціально фольклора Кавказа облегчить ихъ работу.

Помимо высокаго научнаго интереса предпріятіе управленія учебнаго округа приноситъ неоцѣнимую нравственную пользу въ той средѣ, которая поставляетъ сотрудниковъ „Сборника“. Какой-нибудь скромный учитель, преподающій въ аульной или станичной начальной школѣ, знакомясь съ программой, разосланной Округомъ, приходитъ къ убѣжденію, что и онъ, въ своемъ захолустьѣ, можетъ сдѣлать нѣчто полезное для науки, что населеніе, которое онъ ежедневно видитъ вокругъ себя, его обычаи, пѣсни, повѣрья, наконецъ, весь несложный строй его жизни могутъ быть предметомъ наблюденія и научнаго описанія. Заинтересованный новымъ дѣломъ, онъ принимается за работу, наблюдаетъ внимательно то, мимо чего прежде проходилъ равнодушно, выспрашиваетъ, записываетъ, узнаетъ ближе своихъ учениковъ и ихъ родителей, — словомъ, въ его однообразное существованіе, въ его рутинныя занятія проникаетъ лучъ свѣта, вносится живое дѣло, столь же интересное для него, какъ для его учениковъ и односельчанъ. А какой подъемъ духа долженъ испытывать скромный труженникъ, когда увидитъ свою работу въ печати, когда убѣдится, что работалъ не бесплатно, а внесъ свою лепту въ дѣло научнаго изученія родного края! Думаю, что для многихъ изъ этихъ сотрудниковъ „Сборника“ появленіе ихъ труда на его страницахъ составитъ лучшее воспоминаніе въ ихъ однообразной, трудовой жизни....

Матеріалы, вошедшіе въ XV выпускъ „Сборника“, отличаются однороднымъ содержаніемъ: это данныя изъ исторіи, быта, нравовъ и воззрѣній великорусскаго и малорусскаго населенія Сѣвернаго Кавказа, главнымъ образомъ, казаксвъ Терской области. Передъ нами проходитъ рядъ станицъ этой области (Прохладная, Слѣпцовская, Наурская, Ищерская, Бороздинская, Терская, Умаханъ-юртовская), при чемъ авторы статей сообщаютъ историческія свѣдѣнія о времени основанія этихъ поселеній, описываютъ обрядную сторону жизни казаковъ и затѣмъ главное вниманіе сосредоточиваютъ на произведеніяхъ словесныхъ—пѣсняхъ и сказкахъ. Мы не имѣемъ возможности входить въ разсмотрѣніе отдѣльно каждой статьи и ограничимся лишь нѣкоторыми замѣчаніями объ интересѣ, представляемомъ изданными матеріалами.

Какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе устойчивымъ хранителемъ старины является женскій элементъ населенія. Малорусскія и великорусскія женщины принесли съ собою изъ разныхъ губерній Россіи на Кавказъ старинный запасъ своихъ бабьихъ пѣсень—семейныхъ, любовныхъ, свадебныхъ—и продолжаютъ распѣвать ихъ среди новой природы, на берегахъ Кубани, Терека, Сунжи. Особенно замѣчательны по своей устойчивости пѣсни, сопровождающія разные моменты свадебнаго обряда. Извѣстно, что въ этой обрядности народъ сохранилъ бытовныя черты допетровской боярской жизни, что, переносъ въ свою скромную обстановку „чины“ княжескихъ и боярскихъ свадебъ, онъ перенялъ и значительную часть того пѣсеннаго репертуара, который нѣкогда оглашалъ боярскіе хоромы. Оказывается, что крестьянская невѣста живетъ въ „высокомъ теремѣ“, спитъ подъ одѣялами шелковыми и соболѣвыми, что у отца ея полонъ дворъ гостей—все „князей, бояръ“ (стр. 49) и проч. Безпрестанно въ пѣсняхъ проскальзываютъ черты великорусской природы: вспоминается широко разливающаяся Волга-рѣка (стр. 38, 49), озера глубокая, а

въ нихъ бѣла рыбаца-бѣлуга (стр. 42), вспоминаются стародавние враги Московской Руси—литовцы:

«Не преступай, Литва!
Будемъ съ тобой биться,
Будемъ воевати—
Сестрицу не отдавати!» (стр. 58).

Кое-гдѣ слышатся отголоски Новгородской старины, быть можетъ, опредѣляющія мѣсто сложенія старой пѣсни. Такъ:

«Пріѣхалъ Иванъ-сударь Изъ *Новаго* городочка,
Свѣтъ наша Марюшка изъ высокаго терема.
Гдѣ тебя, Иванъ-сударь, гдѣ тебя посадить?
Чѣмъ тебя, Иванъ-сударь, накормить, напоить?
Посажу я своего Ванюшу во высокій теремъ,
Накормлю я своего Ванюшу тертыми калачами,
Напою я Ванюшу сладкими медами» (стр. 302).

Сохраняя въ свадебной обрядности должностныхъ лицъ старинной боярской свадьбы,—жители станицъ вносятъ и нѣкоторые обычаи, создавшіеся на Кавказѣ. Такъ въ станицѣ Прохладной „кортежъ съ женихомъ, по приглашенію, заѣзжаетъ сначала къ *старшему боярину*, а потомъ и къ другимъ *боярамъ*, при чемъ послѣдніе на дорогѣ *джигитуютъ*“ (стр. 20). Джигитовка, какъ справедливо замѣчаетъ редакторъ Сборника г. Н. Иваницкій, усвоена прохладенскими казаками у сосѣднихъ горцевъ Сѣвернаго Кавказа, гдѣ это народное развлеченіе очень распространено и даетъ молодежи полную возможность показать публично свое удалство (стр. 20, прим.).

Въ отдѣлѣ любовныхъ пѣсенъ также на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ знакомые мотивы, занесенные изъ Россіи на Кавказъ: тѣ же сравненія, та же великорусская флора и только изрѣдка о Кавказѣ напоминаетъ какая-нибудь мѣстная принадлежность костюма или вооруженія, какая-нибудь *кабардиночка* (папаха), которою закрылся молодецъ, заливаясь *горючею слезою* (стр. 64). Иногда, впрочемъ, не знаешь, исказила ли пѣсня стародавнюю черту, или въ записъ вкралась ошибка.

Такъ, въ одной пѣснѣ поется, какъ въ долинушѣ выросла трава *рушница*: очевидно, *рутица*, *рута*, встрѣчающаяся кое-гдѣ въ народныхъ пѣсняхъ, особенно въ западномъ краѣ; или въ другой пѣснѣ, отнесенной редакторомъ къ числу историческихъ, поется, какъ навстрѣчу *ясмену* соколику попадались черные воронья, какъ они

«Смѣялися—потѣшались надъ ясмень-соколикомъ,

Называли-то они его, ясмень-соколика,

Называли только его каргой *зачуменною* (стр. 87).

Не трудно догадаться, что вмѣсто *зачуменною*, слѣдуетъ читать: *зауменною*, то-есть, летающею за гумнами, обычный эпитетъ вороны, карги.

Между пѣснями былевыми и историческими особенный интересъ сосредоточиваютъ на себѣ немногія „былины“, занесенныя казачествомъ на Кавказъ. Здѣсь можно наблюдать, какіе сюжеты стариннаго былевого эпоса особенно популярны. Конечно, любимѣйшимъ богатыремъ оказывается Илья Муромецъ, старый казакъ, и изъ его похожденій въ казацкой и разбойнической средѣ наибольшей извѣстностью пользовалась его встрѣча съ разбойниками. Эта небольшая былина существуетъ въ записяхъ изъ губерній: Московской, Калужской, Рязанской, Симбирской, извѣстна уральскимъ казакамъ и въ Сибири;—немудрено, что она поется и въ казацкихъ станицахъ Сѣвернаго Кавказа. Въ XV выпускѣ напечатаны записи ея изъ станицъ: Наурской (стр. 203), Слѣпцовой (стр. 204) и Ищерской (стр. 205). Вѣроятно, дальнѣйшіе поиски откроютъ ее и въ другихъ кавказскихъ станицахъ. Изъ другихъ богатырей такъ-называемаго Кіевскаго цикла казаки помнятъ еще только Алешу Поповича, который, въ единственной записанной о немъ былинѣ (въ станицѣ Ищерской Грозненскаго округа, стр. 274—275), является при томъ не въ своемъ позднемъ несимпатичномъ видѣ „бабьяго пересмѣшника“ и „судейскаго прелестника“, а въ древнемъ обликѣ богатыря,

убившаго насильника Тугарина Зміевича. Въ этой роли Алеша Поповичъ (известенъ въ сибирскихъ былинахъ (Томской губерніи и Якутской области), архангельскихъ, олонедскихъ. Конечно, по сохранности эпической традиціи, кавказская былина не можетъ быть сравнена съ сибирскими и олонедскими того же сюжета: князь Владимиръ не упоминается, княгинюшка не названа по имени, мѣсто дѣйствія не обозначено, и все происшествіе сомкнато въ какихъ-нибудь 40 стихахъ. Пѣвецъ на обычномъ пиру посадилъ не только князей бояръ, но княгинь и графинь, которыхъ заставляетъ съ ужасомъ (!) глядѣть на прожорливаго Змѣя-Угарины. Но любопытно прозвище Алеши, который въ былинѣ называется не Поповичемъ, а Догрубникомъ, прозвищемъ, представляющимъ осмысленіе какого-то другого въ связи съ известною дерзостью и грубостью этого богатыря. Если къ названнымъ былинамъ мы прибавимъ еще пѣсню съ именемъ Ильи Муровича, записанную г. Борисевичемъ въ станицѣ Червленной *), то исчерпаемъ, все, что доселѣ известно о былевомъ эпосѣ на Кавказѣ.

Значительно большее число историческихъ пѣсень Московскаго періода сохранилось въ казацкомъ пѣсенномъ репертуарѣ. Одна пѣсня о пожарѣ Москвы начинается стариннымъ зачѣвомъ, встѣчающимся иногда въ началѣ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ (напримѣръ, въ пѣсняхъ изъ Симбирской губерніи, записанныхъ П. В. Шейномъ):

Не дорого мнѣ было пиво пьяное,
А дорога была наша бесѣдушка,
Пиръ-бесѣдушка смиренная,
Въ бесѣдѣ сидятъ люди добрые—

Старички почетные, разумные и т. д. (стр. 82).

Въ пѣсняхъ встрѣчаются имена Ермака Тимофеевича (стр. 83), грознаго царя Ивана Васильевича (стр. 331), Краснощочкова (стр. 332), Петра перваго (стр. 279). Изъ событій

*) Издана мною въ *Этнографическомъ Обзорѣ*, кн. XII, стр. 126 и слѣд.

царствованія Петра Великаго сохранились въ памяти казаковъ Стрѣлецкій бунтъ (стр. 84) и взятіе Ревеля (Колыванова) (стр. 278). Впрочемъ, послѣдняя пѣсня на столько искажена, что безъ имени города (Колыванова) трудно было бы догадаться, какое историческое событіе лежитъ въ ея основѣ. Однородная пѣсня, напечатанная въ сборникѣ Кирѣвскаго *), говоритъ, что въ осажденномъ русскими городѣ Колывани оставалась одна шведская королевна, которую ея генералы побуждаютъ написать письмо къ ея брату, королю, съ просьбой прислать на подмогу 40 тысячъ войска. Въ кавказской пѣснѣ въ Колывановѣ, въ палатѣ, представлена молодая княгинюшка —

«По полатушкѣ она все похаживала,

Частехенько она въ хрустальное окошечко,

Княгинюшка, она все посматривала:

Да что-то молодого князя, да что его долго нѣту?».

А этотъ князь, названный раньше *молодымъ ханомъ*, оказывается, для довершенія путаницы, поѣхалъ въ Петербургъ-городъ къ царю на вѣсти (?). Послѣдняя историческая пѣсня, въ которой еще кое гдѣ пробивается старый складъ,—пѣсня о смерти Императора Александра I, записанная въ станицѣ Ищерской (стр. 284). По сравненію съ пѣснями того же содержанія, вошедшими въ сборникъ Кирѣвскаго (X, 197—199), кавказская пѣсня оказывается болѣе полной и отчетливой въ подробностяхъ. Все, что далѣе помѣщено въ Сборникѣ подъ рубрикой пѣсенъ историческихъ, является продуктомъ новѣйшей солдатской поэзіи, „богатырскимъ“ эносомъ позднѣйшей формаціи. Старыя эпическія формы богатырской былины, въ которыя отливались въ теченіе столѣтій историческія пѣсни Московскаго царскаго періода, уже пригодились для новаго содержанія, для прославленія „кавказскихъ“ героев и героическихъ эпизодовъ кровавой войны съ горцами. Правильный размѣръ и звонкая рима литературныхъ стиховъ

---

*) Вып. 8-й стр. 215—216.

прельщали полковыхъ поэтовъ и вызывали ихъ къ подражанію ~~разнымъ стихотвореніямъ~~, помѣщаемымъ въ солдатскихъ сборникахъ. Получались поэтическіе продукты, полные патріотизма, но лишенные всякаго поэтическаго достоинства, не говоря уже о постоянныхъ недочетахъ въ размѣрѣ и въ римѣ. Для пониманія этихъ пѣсенъ, наполненныхъ именами генераловъ и кавказскихъ мѣстностей, ознаменованныхъ битвами, необходимъ комментарий, которымъ ихъ и снабдила редакція. Не представляя интереса съ этнографической стороны, эти произведенія полковыхъ поэтовъ любопытны для историка кавказской войны, выражая солдатскія симпатіи къ тому или другому изъ полководцевъ, оцѣнку ихъ личнаго характера, и характеризуя отношенія русскаго солдата къ непріятелю. Солдатская пѣсня не только увѣковѣчила имена Ермолова, князя Барятинскаго, князя М. Воронцова, Слѣпцова, Фези, Врангеля, Бакланова, Козловскаго, Мищенко, Круковскаго, Предимирова и другихъ генераловъ, но нерѣдко имена сотниковъ и рядовыхъ, совершившихъ какой-нибудь выдающійся подвигъ въ богатой героическими эпизодами войнѣ съ горцами. Подновленіемъ этого, въ настоящее время уже старѣющаго, репертуара пѣсенъ послужили тѣ пѣсни, которыя терскіе казаки перенесли въ свои станицы изъ послѣдней турецкой войны. Въ нихъ увѣковѣчены дѣла при Ловчѣ, Горномъ Студнѣ и имена князя Имеретинскаго и Скобелева (стр. 224 и сл.).

Любимая картина военно-бытовыхъ пѣсенъ на Кавказѣ— смерть казака на полѣ битвы, при чемъ представлено его прощаніе съ конемъ, которому онъ даетъ порученіе отвезти извѣстіе о смерти хозяина его домашнимъ. Множество пѣсенъ представляютъ варианты этой темы, и здѣсь можно сдѣлать любопытное наблюденіе, какимъ безвкуснымъ передѣлкамъ подвергается старинная общеизвѣстная пѣсня о раненомъ добромъ молодцѣ, умирающемъ на чужой сторонѣ. Въ станицѣ

Наурской былъ записанъ прекрасный вариантъ ея, сохранив-
шій старинный складъ и краски:

«Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое, степь широкая!
Ничего ты, поле, не породило,
Породило поле кустъ ракитовый,
Подъ кустомъ лежить молодой казакъ,
Онъ не такъ-то лежить,—крѣпко раненный;
Въ головахъ у него—бѣль горючъ камень,
Во груди у него—свинцова пуля,
Во рукахъ у него—сабля острая,
Во ногахъ у него—его добрый конь.
—«Ужъ ты, конь, мой конь,
Конь, товарищъ мой!
Ты бѣги, мой конь, въ землю русскую...
Ты дайся, мой конь, моему батюшкѣ
И родименькой моей матушкѣ;
Молодой женѣ на словахъ разкажи,
Что женила меня свинцова пуля,
Обручила меня сабля острая,
Первѣначала меня гробова доска» (стр. 199).

И вотъ, подъ вліяніемъ *литературныхъ* стихотвореній
тотъ же мотивъ получаетъ такую новѣйшую обработку:

Тамъ далече въ чистомъ полѣ,
Убитой казакъ лежить;
Тамъ росла густая травка,
Густая травка съ *муравою* (sic).
Онъ убитый, принакрытый,
Съ плечъ свалилась голова;
Его руки, его очи
Принакрытыя лежать (sic).
—Ты лети, лети, голубчикъ (конь),
Къ моей миленькой (?) домой,
Разкажи ты ей, голубчикъ,
Что случилось *надо* мной:
Дослужилъ твой сыночекъ
Царю вѣрную службу,

Прискаль себѣ мѣстечко
Въ чистомъ полѣ, на пескѣ (стр. 79).

До какой степени при предѣлѣ искажаются *литературныя* стихотворенія, понравишіяся своимъ содержаніемъ или внѣшнею формою солдатамъ-стихотворцамъ, видно изъ слѣдующаго произведенія, котораго непосредственный источникъ намъ случайно удалось открыть. Представляемъ нѣкоторыя мѣста оригинала, стихотворенія Фрейлиграта въ переводѣ *Θ. Б. Миллера* „Погребеніе разбойника“, и рядомъ кавказское подражаніе, отмѣчая курсивомъ несомнѣнныя заимствованія:

Въ носилкахъ похоронныхъ *).

Лежитъ боецъ лѣсовъ
И шесть вооруженныхъ,
Суровыхъ удалцовъ,
Среди лѣсовъ дремучихъ,
Безмолвные идутъ
И на рукахъ могучихъ
Товарища несутъ.
Носилки ихъ простыя
Изъ ружей сложены,
А поперекъ стальныя
Мечи положены;
На нихъ лежитъ сраженный
Разбойникъ молодой,
Назадъ окровавленной
Повиснувъ головой...

Во лѣсу дремучемъ **)
Казаки идутъ;
На рукахъ могущихъ
Товарища несутъ.
Носилки не простыя,—
Изъ ружей они сложены,
Поперекъ стальныя
Шашечки положены;
На нихъ лежалъ сраженный
Казакъ молодой.
Изъ раны кровь лѣтается—
На сердцѣ у него печаль (sic).

Этихъ сличеній оригинала съ копіей вполне достаточно; не трудно себѣ представить процессъ созданія приведенной казачьей пѣсни: какому нибудь грамотному казаку попался въ руки переводъ стихотворенія о погребеніи разбойника: трагическое содержаніе, легкій стихъ возбудили его къ подражанію: онъ положилъ на носилки вмѣсто итальянскаго бандита моло-

*) Стихотворенія *Θ. Б. Миллера*, изд. 3-е, 1872 г., стр. 13 и слѣд.

**) Сборн. матер. и проч., стр. 79 и слѣд.

дого казака, выкинулъ всѣ дальнѣйшія подробности оригинала, не подходившія къ русской дѣйствительности (въ родѣ Аппенинъ, сбировъ и проч.)—и репертуаръ казачьихъ пѣсень обогатился новой, которая, раздѣляя судьбу всѣхъ устныхъ произведеній, переходя изъ устъ въ уста, подвергалась дальнѣйшимъ измѣненіямъ и искаженіямъ....

Прежде чѣмъ разстаться съ пѣсеннымъ отдѣломъ XV выпуска, считаю нелишнимъ замѣтить, что тексты многихъ пѣсень представляютъ интересный матеріалъ для наблюденія взаимнаго вліянія великорусскаго и малорусскаго пѣснотворчества. Такъ, съ одной стороны, малорусскія пѣсни (напримѣръ, въ станицѣ Прохладной, населенной малороссами) вносятъ въ себя великорусскія слова и формы:

Враки, дружычы, враки
Брешете вы, якъ собаки...

Или:

Свашечко-свитылочко,
Спій же намъ хоть одну
Перейиждюю писеньку... (стр. 27).

Съ другой стороны,—великоруссы свободно заимствуютъ и перекладываютъ на свое нарѣчіе малорусскія пѣсни, не стѣсняясь нѣкоторыми малоруссизмами.

Такова свадебная пѣсня въ станицѣ Наурской (стр. 145, срав. также стр. 170, 172, 173, 304, 305):

Тамъ у броду, тамъ у броду,
Брала дѣвчоночка воду;
Казаченька да коня *наповаетъ*,
Самъ съ дѣвчонкой *размозляетъ*:
«Горе жъ тому казаченькѣ,
Что двѣ дѣвчины любитъ:
Одну любитъ чернявую,
А другую бѣлявую:
Чернявая дѣвчоночка
Цѣлуется, обнимается,
А *блѣнька*—тожъ моя *милѣнька*—
Слезочками умывается... и проч.

Въ концѣ I-го отдѣла помѣщены *напѣвы* множества пѣснь изъ станицъ Прохладной, Слѣпцовой и Наурской, за что всѣ любители и изслѣдователи народной музыки несомнѣнно будутъ благодарны гг. Головчанскому, Денбовецкому и Пятирублеву, доставившимъ редакціи свои нотныя записи.

Второй отдѣлъ XV выпуска весь занятъ сказками, записанными въ станицахъ Слѣпцовой (П. Семеновымъ), Наурской (В. Пятирублевымъ), Умаханъ-юртовской (В. Кивотемъ) и въ слободѣ Воздвиженской (Е. Максимильяновымъ). Собирателю сказовъ въ станицѣ Слѣпцовой г. П. Семенову принадлежитъ и весьма содержательная статья въ XVI выпускѣ „Нѣсколько страничекъ изъ жизни казаковъ станицы Слѣпцовой“, представляющая характеристику населенія, сборникъ суевѣрій и примѣтъ, нѣсколько сказовъ и списокъ характерныхъ словъ, встрѣчающихся въ разговорной рѣчи населенія этой станицы (стр. 162—210). Отдѣлъ *сказокъ* XV выпуска восполняется нѣсколькими, также русскими, сказками, приложенными къ *программнымъ* статьямъ XVI выпуска, представляющимъ описанія нѣкоторыхъ русскихъ поселеній Сѣвернаго Кавказа: села Спасскаго (г. Н. Рябыхъ, вып. XVI, отд. 1, стр. 278—307), станицы Ардонской (г. А. Гусева, тамъ-же, стр. 317—366) и друг.

Не останавливаясь на разборѣ обильнаго матеріала сказовъ, извѣстныхъ русскому населенію Кавказа, замѣчу только что и въ нихъ, какъ въ пѣсняхъ, есть излюбленныя темы или, по крайней мѣрѣ, эпизоды.

Такъ, разказчики очень часто заставляютъ героя сказки угонять *косяки* (табуны) прекрасныхъ лошадей. Угонъ такого косяка представляется, какъ извѣстно, лучшею, наиболѣе заманчивою добычею и древнимъ кавказскимъ нартамъ въ сказаніяхъ кабардинцевъ, осетинъ, чеченцевъ. Конечно, страстный любитель коня, кавказскій джигитъ, предпочтетъ эту добычу какой нибудь писанной красавицѣ. Такъ, отражая на себѣ

бытовые черты Кавказа, нашъ сказочный Иванъ-царевичъ отправляется съ арканомъ въ *косякъ* за конемъ (стр. 5); сказочный третій братъ дурачекъ пасетъ порученный ему *косякъ* на землѣ Бабы-яги (стр. 34); Иванъ-Малышъ подползаетъ къ *косяку* коней и накидываетъ арканъ на лучшаго жеребца, который затѣмъ уводитъ за собой всѣхъ кобылицъ-матоеъ и ихъ жеребятоеъ (стр. 73) и т. п. Иногда въ извѣстную русскую сказку попадаютъ персонажи изъ туземныхъ—чеченскихъ, кабардинскихъ и др. Такъ, сестрою Ивана-Царевича оказывается дѣвчонка-людоедка, которая съѣла родного отца и угрожаетъ съѣсть брата (стр. 10). Намъ помнится эта личность—людоедки, пожирающей всю свою семью и убиваемой младшимъ братомъ, въ нѣкоторыхъ туземныхъ сказкахъ.

Всѣ статьи, вошедшія въ XVI выпускъ „Сборника“, кромѣ трехъ небольшихъ замѣтокъ, относятся къ Сѣверному Кавказу, къ областямъ Терской и Кубанской и къ Ставропольской губерніи. Это большей частью программныя описанія разныхъ поселеній, со свѣдѣніями объ экономическомъ бытѣ, съ статистическими таблицами и проч.; но при многихъ статьяхъ приложены и матеріалы этнографическіе, характеристики вѣрованій, обычаевъ, обрядовъ, а также, какъ мы уже упомянули, сказки и пѣсни. Авторамъ описаній нѣкоторыхъ станицъ удалось на мѣстахъ собрать интересныя свѣдѣнія отъ старожиловъ о началѣ поселенія, первыхъ временахъ жизни поселенцевъ, ихъ отношеніяхъ къ туземцамъ, о постепенномъ ростѣ той или другой станицы, приѣмъ новыхъ поселенцевъ и т. п. Таковы, напримѣръ, данныя, сообщаемыя учительницами Бутовой и Лысенко по исторіи станицы Ищерской (стр. 36—41), основанной въ 1776 году волжскими казаками, занявшими на Терекѣ земли, принадлежавшія кабардинцамъ. Оказывается, что у ищерцевъ сохранилось любопытное преданіе о Пугачевѣ, который будто бы приходилъ къ ищерцамъ и, видя недовольство казаковъ, предложилъ имъ

отправиться въ Москву къ царю хлопотать объ улучшеніи ихъ положенія, если они признаютъ его атаманомъ и дадутъ на дорогу деньги. Ищерцы на предложеніе Пугачева согласились и дали ему 20 рублей ассигнаціями, собранныхъ со всей станицы. Пугачевъ, получивъ деньги, отправился въ Моздокъ, чтобы купить себѣ на дорогу припасовъ. Въ Моздокъ Пугачевъ купилъ себѣ соболемъ шапку и бѣлый башлыкъ, нарядился въ нихъ и въ такомъ видѣ разгуливалъ по городу. Въ это время въ Моздокъ прибылъ съ казаками есаулъ Агапоновъ. Казаки Агапонова, встрѣтивъ на улицѣ Пугачева и удивясь его странному полуказацкому костюму, спросили его, что онъ за человѣкъ. Пугачевъ отвѣтилъ, что онъ вольный казакъ, но этимъ казаки не удовлетворились и рѣшили отвести Пугачева къ своему есаулу. Агапоновъ жилъ въ это время у коменданта. Когда Пугачева привели на комендантскій дворъ, видѣвъ его обыскали и при обыскѣ нашли свинцовую печать атамана донскаго войска, сдѣланную, какъ потомъ оказалось, писаремъ станицы Ищерской. Комендантъ рѣшилъ арестовать Пугачева и отправить его въ Кизляръ, а пока будетъ къ тому оказія, посадилъ его въ тюрьму. Оказія скоро не оказалась, а за это время Пугачевъ успѣлъ подкупить тюремныхъ сторожей (часового Лопатина), которые дали ему возможность бѣжать изъ тюрьмы (стр. 38 и слѣд.). Преданіе отличается такою свѣжестью, такъ обстоятельно помнитъ подробности и имена, какъ будто событіе случилось на дняхъ.

Авторъ описанія села Рагули (Новогригорьевскаго уѣзда Ставропольской губерніи) г. А. Бубновъ могъ собрать о началѣ этого поселенія свѣдѣнія отъ одного изъ первыхъ поселенцевъ Терентія Ильина, почти столѣтняго старика. Ильинъ еще помнитъ хорошо, какъ въ 1843 году ихъ пришло 7 семействъ изъ Россіи, какъ поселенцы жили сначала въ землянкахъ на берегу рѣчки Рагули, и начали заниматься земледѣліемъ среди сосѣдей кочевниковъ, калмыковъ и туркменъ;

какія столкновенія они переживали съ сосѣдами, старавшимися всячески вытѣснить русскихъ колонистовъ и проч. (стр. 223 и слѣд.). Всѣ подобныя свѣдѣнія, которыя еще можно собрать о многихъ русскихъ селеніяхъ Кавказа, представляютъ огромный интересъ въ будущемъ, когда, быть можетъ, многія изъ нынѣшнихъ селъ разрастутся въ цвѣтущіе города. Какъ были бы довольны наши историки, еслибъ наши предки занесли въ записи подобныя свѣдѣнія о началѣ того или другого русскаго города! Нужно вспомнить, что во многихъ русскихъ селеніяхъ Кавказа замѣчается интересный процессъ сліянія племенъ и культурнаго взаимодействія; вырабатывается новый типъ, какъ продуктъ племенного скрещенія, нерѣдко новый говоръ смѣшаннаго характера. Элементы, входящіе въ новый типъ, еще могутъ быть отчетливо указаны въ настоящее время; но пройдетъ нѣсколько десятилѣтій, и антропологи и этнографы будутъ поставлены въ затрудненіе при рѣшеніи многихъ научныхъ вопросовъ, если современники, наблюдавшіе процессъ смѣшенія, не оставятъ будущимъ изслѣдователямъ своихъ драгоцѣнныхъ свидѣтельствъ. Такъ, мы узнаемъ изъ статьи г. Рябыхъ о селѣ Спасскомъ (Новогригорьевскаго уѣзда Ставропольской губерніи), что жители этого села великороссы, но въ образѣ ихъ жизни проявляются малороссійскія черты, привившіяся къ нимъ по переселеніи на Кавказъ. Нарѣчіе ихъ смѣшано съ малороссійскимъ, а удалыя ухватки и молодечество мужчинъ заимствованы съ давняго времени у вѣрующихъ туреманъ, которые въ исходѣ прошлаго и до пятидесятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія часто на нихъ нападали... Пришлось мирнымъ жителямъ взяться за оружіе и прибѣгнуть къ самозащитѣ, что развило въ нихъ удалъ и молодечество (стр. 287 и слѣд.)... Перенимая иногда обычаи, нѣкоторые предметы бытовой обстановки, костюмъ у туземцевъ, русскіе поселенцы обогащаютъ запасъ своихъ стародавнихъ суевѣрій новыми, усвоенными уже на Кавказѣ. Такъ,

жители станицы Червленной, какъ мы узнаемъ изъ статьи г. Рогожина (стр. 63), вѣрятъ съ существованіе какаго то духа женскаго пола Лобасты. „Это—нагая женщина, большого роста, весьма полная и обрюзгшая до безобразія, съ громадными, приблизительно въ аршинъ, отвислыми грудями, закинутыми иногда чрезъ плечи на спину, и съ косами, достающими до земли; въ общемъ наружный видъ ея крайне и невинно безобразенъ и наводитъ страхъ. Она живетъ въ большихъ болотахъ, озерахъ и омутахъ, часто захватываетъ людей, проходящихъ мимо ея жилища, затаскиваетъ въ болото и щекочетъ сосками своихъ грудей иногда до смерти“ (стр. 64). Это существо, напоминающее отчасти нашихъ русалокъ (пребываніемъ въ болотѣ, щекотаніемъ) и носящее, повидимому, русское имя (Лобаста отъ слова лобъ), обазывается, какъ уже отмѣтилъ г. Бороздинъ (стр. II), духомъ, заимствованнымъ русскими у туземцевъ. У ногайцевъ она носитъ названіе Албаста, у киргизовъ Албоста, у лезгинъ Алпабъ и проч., такъ что имя Лобаста является продуктомъ народной этимологии, осмысленіемъ иностраннаго названія.

Къ этнографіи туземнаго населенія Кавказа относятся статьи г. Цалагова—объ осетинскомъ селеніи Гизель (Владикавказскаго округа Терской области) и г. Мохира—о кумыкскомъ аулѣ Аксаѣ. Осетинское населеніе Гизеля, принадлежащее православной церкви, состоитъ изъ потомковъ горныхъ осетинъ. Справляя церковные праздники, они сверхъ того празднуютъ свои старыя языческо-христіанскіе, свидѣтельствующіе о томъ состояніи двоевѣрія, въ которомъ находились ихъ предки. Таковы, напримѣръ, предразсудки: день *новаго* ангела, день Божьяго ангела, день Аларды (ангела насылающаго ослу), Фидиуани (усѣбновеніе главы Іоанна Предтечи) и друг. У каждаго святаго есть въ горахъ *Куддонъ* (мѣсто моленія; см. стр. 16). Не смотря на то, что гизельцы уже давно живутъ на плоскости, они не порвали рели-

гіозной связи съ прежними святынями въ горахъ, и ежегодно одинъ изъ членовъ каждаго семейства отправляется въ горы помолиться извѣстному, чтимому его семьей святому, и зарѣзаетъ въ его честь барана.

Изъ устныхъ сказаній гизельцевъ г. Цалаговъ сообщаетъ очень полный пересказъ сказанія о Дареджанахъ (стр. 23—28). Это одинъ изъ многихъ вариантовъ сказаній Дареджановскаго цикла, хорошо извѣстныхъ грузинамъ и осетинамъ, заимствовавшимъ ихъ отъ своихъ южныхъ сосѣдей. Въ Грузіи извѣстно не мало старинныхъ рукописей этого героическаго романа, перешедшаго въ народныя сказанія. Было бы интересно уяснить отношеніе между народными пересказами—грузинскими и осетинскими—и книжной редакціей (или, быть можетъ, редакціями); но пока наши иберисты не знакомятъ насъ подробно съ содержаніемъ рукописнаго романа, мы не можемъ судить о томъ, на сколько самостоятельны были народныя обработки, и какіе мотивы другихъ сказаній были вплетены въ основной рассказъ.

Размѣръ нашей рецензіи не позволяетъ намъ остановиться на всемъ второмъ отдѣлѣ XVI выпуска (стр. 1—186), содержащемъ *девять* статей о народной медицинѣ, то-есть, о приѣмахъ лѣченія, о врачебныхъ средствахъ, объ уходѣ за роженицами и новорожденными и т. п. Обширные матеріалы по этой части, представляющіе интересъ и для этнографовъ, и для медиковъ, собраны въ станицѣ Слѣпцовской (г. Семеновымъ), въ разныхъ станицахъ Кубанской области (г. Живило), въ г. Ейскѣ (г. Мажниковымъ), въ мѣстечкѣ Они Кутаисской губерніи (г. Джапаридзе), въ станицѣ Курганной Кубанской области (г. Степановымъ), въ станицѣ Кубанской (г. Соболевымъ), въ станицѣ Бекешевской (г. Товпекинымъ), въ станицѣ Переяславской (г. Дѣдухомъ) и др. Въ число приѣмовъ лѣченія входятъ, конечно, заговоры (см. стр. 127—130; 135—137; 184—186)—какъ у русскихъ, такъ и у туземцевъ.

Нѣкоторые заговоры исследователь этого интереснаго и еще далеко не вполне разъясненнаго отдѣла народных вѣрованій найдетъ и въ первомъ отдѣлѣ того же выпуска (стр. 276, 323).

Слѣдующій XVII выпускъ „Сборника“ превосходитъ оба предшествующіе разнообразіемъ содержанія. Онъ открывается руководящей статьей редактора Л. Г. Лопатинскаго, которая, между прочимъ, содержитъ составленный на основаніи матеріаловъ, вошедшихъ въ этотъ выпускъ, краткій сводъ космогоническихъ вѣрованій народовъ христіанскаго и мусульманскаго вѣроисповѣданій, ихъ представленій о сотвореніи міра, о небѣ, солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, о громѣ, молніи, градѣ, облакахъ, вѣтрѣ и прочихъ явленіяхъ, о духахъ, а также обзоръ обрядовой стороны ихъ жизни и суевѣрій, которыми она опутана. За этимъ полезнымъ предисловіемъ, облегчающимъ читателю пользованіе „Сборникомъ“, слѣдуетъ полубеллетристическая *случайная* статья, написанная, повидимому, еще въ 40-хъ годахъ флигель-адъютантомъ Ханъ-Гиреемъ, авторомъ нѣсколькихъ статей о черкесахъ, помѣщенныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ газетѣ *Кавказъ* въ 1844—1847 годахъ. Статья носитъ заглавіе: „Князь Пшской Аходягоко“ и прославляетъ личность и подвиги этого князя, котораго авторъ лично зналъ (въ 30-хъ годахъ) и уважалъ. Собственно и князь, и племя, къ которому онъ принадлежалъ, отошли въ область прошедшаго. Бжедуги, черкесское племя, владѣвшее землями по лѣвому берегу Кубани отъ Пшиши до р. Супсы, ушло почти поголовно въ Турцію вмѣстѣ съ другими племенами закубанскихъ и приморскихъ черкесовъ, и трудно сказать, много ли осталось въ настоящее время представителей этого племени въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, и сохранили ли они свой языкъ и обычаи. Покойный авторъ сообщаетъ легенды о родоначальникѣ бжедугскихъ князей, изъ одного колѣна которыхъ происходилъ герой его разсказовъ, даетъ инте-

ресныя свѣдѣнія о бжедугскихъ сословіяхъ, о борьбѣ князей и дворянства ~~всѣмъ~~ ~~нижнимъ~~ ~~классомъ~~, въ которой князь Аходякого принималъ самое дѣятельное участіе, какъ наиболѣе энергичный и не стѣснявшійся въ выборѣ средствъ представитель интересовъ дворянства. Хотя авторъ замѣтно увлекается своимъ героемъ, хотя выставляетъ его образцомъ благородства, утверждая, что „благородные поступки и мужественные подвиги приводили его въ восторгъ, а всякая низость и подлое малодушіе въ сильное негодованіе“,—однако тутъ-же долженъ замѣтить: „Между тѣмъ, сколько собственныхъ дѣлъ его запечатлѣно черными пятнами! Не даромъ говаривали: „На широкихъ его плечахъ сидятъ бѣсы“ (стр. 61). Дѣйствительно, этотъ герой въ черкесскомъ вкусѣ прибѣгалъ въ борьбѣ съ крестьянами къ обману, подкупу, не говоря уже о томъ, что отличался страшной мстительностью и жестокостью.

Не лишены интереса свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ объ отношеніяхъ закубанскихъ черкесовъ къ Турціи въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія. Бжедуги были въ глубокой древности язычниками. Распространившееся впослѣдствіи христіанство, котораго слѣды видны и понынѣ въ ихъ языкѣ и обычаяхъ, было посѣяно слабою рукою. Магометанская религія, не очень давно принятая ими, легко вытѣснила языческія преданія и слабые зачатки христіанскихъ идей, насажденных греческой церковью. Новое исповѣданіе однако долго не имѣло никакого вліянія на народныя и общественныя ихъ дѣла. Такимъ образомъ бжедуги, какъ и всѣ низовые черкесы, по вѣрѣ магометане, оставались во всемъ язычниками, то-есть придерживались унаслѣдованныхъ отъ предковъ обычаевъ... Политическое вліяніе Турціи до 20-хъ годовъ было ничтожно: какъ единовѣрцы съ турками, черкесы признавали главенство *наместника* пророка—султана, но на самомъ дѣлѣ, по словамъ автора, не оказывали его власти ни малѣйшей покорности (стр. 19). Лишь при Махмудѣ II, когда въ 1827 году въ

Анапу былъ посланъ энергичный папа, подчиненіе Турціи дѣлаея болѣе осязательнымъ: черкесы дали присягу на будущее время руководствоваться во всѣхъ дѣлахъ своихъ, общественныхъ и частныхъ, алкораномъ, оставивъ древніе юридическіе обычаи; затѣмъ приняли духовныхъ судей (кадіевъ) для производства суда; обязались уплачивать, на основаніи корана, въ пользу казны десятую часть собираемаго съ полей хлѣба и проч. (стр. 21). Такимъ образомъ, изъ свѣдѣній Ханъ-Гирея видно, что упорная борьба черкесовъ съ Россіей заставила ихъ сблизиться съ Турціей и развила въ нихъ мусульманскій фанатизмъ, котораго они ранѣе были чужды, сохраняя въ своихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ слѣды древняго христіанства. Данныя, приводимыя авторомъ, подтверждаются и наблюденіемъ англичанъ Bell'я и Longworth'a, проживавшихъ у черноморскихъ черкесовъ въ 30-хъ годахъ ¹⁾ и оставившихъ описаніе ихъ быта.

Изъ преданій о родоначальникѣ бжедугскихъ князей можно отмѣтить, что у этого черкесскаго племени, какъ и у кабардинцевъ, были извѣстны сказанія о *нартахъ*, которыхъ авторъ сравниваетъ съ рыцарями среднихъ вѣковъ. Одинъ изъ нартовъ Дяндеко-Севай былъ родоначальникомъ бжедугскихъ князей. „Похищенный, скоро послѣ рожденія, огромнымъ соколомъ Шамгуромъ, онъ былъ воспитанъ этимъ громаднымъ хищникомъ на вершинѣ исполинскаго дуба... Въ одной нартской пѣснѣ, сложенной дѣвушкою, говорится объ этомъ воспитанникѣ сокола: „Въ одной половинѣ его дома солнце ярко свѣтитъ, а въ другой трещитъ морозъ“ (стр. 3)... Не трудно догадаться, что бжедуги перенесли въ преданіе о родоначальникѣ своихъ князей черты персидскаго сказанія о богатырѣ Залѣ, отцѣ Рустема, воспитанномъ чудною исполинскою птицею Симургомъ въ ея гнѣздѣ. Несомнѣнно, что само имя

¹⁾ См. Bell. Journal d'une résidence en Circassie (1837—1839). Paris 1841. Longworth, A year among the Circassians. 1840.

сокола *Шамуръ* — искаженіе имени персидской мифической птицы Симуургъ (черезъ перестановку).

За статьей г. Н. Динника, описывающей прекрасное альпійское озеро Кели (въ Душетскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи) и содержащей картину фауны и флоры посѣщенныхъ авторомъ мѣстъ, слѣдуетъ нѣсколько программныхъ описаній закавказскихъ поселеній: села *Кварели*, Телавскаго уѣзда Тифлисской губерніи (г. Зедгенидзе), села *Карзахъ*, Ахалкалакскаго уѣзда (г. К. Григорова), села *Геозалдара*, Новобаязетскаго уѣзда Эриванской губерніи (г. Теръ-Маркарова), села *Ахты*, Самурскаго округа Дагестанской области (г. Д. Бабаева) и села *Барды*, Джеванширскаго уѣзда Елисаветпольской губерніи (г. Г. Осипова). Послѣднее селеніе, представляющее въ настоящее время рядъ землянокъ съ кривыми и грязными улицами, только своимъ именемъ напоминаетъ древній городъ Барду (Партавъ), столицу Албанскаго царства, стоявшій въ тѣхъ же мѣстахъ. Отъ древняго города сохранились развалины одной башни и нѣсколькихъ домовъ. Авторъ приводитъ два преданія объ уничтоженіи Барды: одно приписываетъ его разрушеніе наводненію р. Тертера, другое — Лякъ-Темуру, то-есть, Тимурленгу (стр. 136 и слѣд.). Желательны были бы болѣе подробныя археологическія развѣдки въ мѣстности древняго города.

Въ преданіяхъ исторически малодостоверныхъ о селеніи Ахты, первоначально называвшемся Кендушкенъ, сохранились между прочимъ любопытныя указанія на то, что арабы при завоеваніи Дагестана застали тамъ евреевъ. Еврей Исаакъ, жившій въ Кендушкенѣ, первый, по словамъ преданія, покорился Абумюслиму и принялъ магометанство; его примѣру послѣдовали и другіе. За это завоеватель выдалъ будто-бы за Исаака замужъ свою сестру Ахты, которая и передала свое имя селенію (стр. 139). О давности евреевъ на восточномъ Кавказѣ существуетъ рядъ показаній, собранныхъ мною въ введеніи къ моимъ „Матеріаламъ для изученія еврейско-татскаго

языка“ (С.-Пб. 1892); сообщаемое г. Бабаевымъ преданіе служить нѣкоторымъ пополненіемъ къ указаннымъ мною даннымъ.

Цѣнный вкладъ въ первый отдѣлъ разсматриваемаго выпуска сдѣланъ знаткомъ этнографіи Кавказа Е. Г. Вейденбаумомъ, напечатавшимъ свой переводъ „Описанія Черкесіи“ Ксаверіо Главани и снабдившимъ его многими пояснительными примѣчаніями. Въ виду скудости нашихъ свѣдѣній о прежнемъ бытѣ черкесовъ, данныя о немъ, сообщаемыя въ документѣ 1724 года, хотя и собраны не на мѣстѣ, а въ Крыму, изъ разсказовъ пріѣзжавшихъ туда черкесовъ, однако не лишены научнаго интереса. Авторъ отчета Ксаверіо Главани былъ французскимъ консуломъ въ Крыму и первымъ врачомъ хана. Какъ любознательный европеецъ, онъ разспрашивалъ черкесовъ, пріѣзжавшихъ въ Крымъ ко двору хана, объ ихъ странѣ, а отъ одного старика ногойца добылъ даже свѣдѣнія о разныхъ народностяхъ, населяющихъ Кавказъ. Г. Вейденбауму удалось пріобрѣсти французскій рукописный переводъ консульскаго, написаннаго по-итальянски, отчета Главани, снабженный нѣкоторыми дополненіями болѣе поздняго времени, такъ какъ въ нихъ говорится о событіяхъ, совершившихся послѣ 1724 года. Главани сообщаетъ свѣдѣнія о дѣленіи Черкесіи на бейлики (округи), названія которыхъ въ сущности совпадаютъ съ названіями племенъ или племенныхъ подраздѣленій, занимавшихъ эти округа; объ отношеніи черкесовъ къ Крымскимъ ханамъ, о не-черкесскихъ племенахъ, зависившихъ отъ черкесовъ, объ отношеніи черкесовъ къ иностранцамъ, къ гостямъ, объ ихъ характерѣ и способностяхъ, о нѣкоторыхъ обычаяхъ и т. п. Свѣдѣнія о религіозномъ состояніи черкесовъ въ общемъ согласны съ тѣмъ, что объ этомъ сообщаютъ Барбаро и Интеріано въ XV столѣтіи. Джованни да-Лука и Эмидіо д'Аволи въ XVII и Пейсоннель въ XVIII. По словамъ Главани, вѣрованія черкесовъ смѣшан-

ныя: они чтутъ субботу, воскресенье и пятницу, празднуютъ пасху съ христіанами и байрамъ съ турками; въ обществѣ христіанъ они не соблюдаютъ никакихъ постовъ, находясь же съ турками, выдаютъ себя за турокъ (то-есть мусульманъ). Наибольшимъ религіознымъ уваженіемъ пользуются у нихъ священныя деревья, передъ которыми они молятся и которымъ умирающіе завѣщаютъ свою саблю, ружье и одежду. Священныя рощи пользуются правомъ убѣжища: если мужчины и женщины, совершившіе преступленіе или убійство, скроются въ такой лѣсъ и повяжутъ себѣ на шею какую нибудь тряпку изъ числа висящихъ на деревьяхъ, то они освобождаются отъ наказанія, какъ состоящіе подъ покровительствомъ божества (стр. 157). Любопытно, что названіе священныхъ деревьевъ *панекассанъ*, какъ догадался уже Пейсоннель, объясняется изъ греч. *παναγία* — *пресвятая*. Это даетъ возможность предполагать, что эти деревья осѣняли, быть можетъ, раньше какія нибудь христіанскія святыни и, по разрушеніи ихъ отъ дѣйствія времени, сохранили для населенія память о священныхъ мѣстахъ. Главани слышалъ, что въ Черкесіи существуетъ нѣсколько церквей съ надписями, но неизвѣстно какими (конечно, греческими; см. стр. 160). Цѣнныя поясненія г. Вейденбаума къ тексту Главани восполняются нѣкоторыми замѣтками Л. Г. Лопатинскаго.

Весь второй отдѣлъ XVII выпуска содержитъ статьи однороднаго содержанія: о повѣрьяхъ, обычаяхъ, предразсудкахъ, примѣтахъ и проч. разныхъ кавказскихъ племенъ, какъ то грузинъ, армянъ, ногайцевъ и талышинцевъ. Особеннымъ богатствомъ содержанія отличается обширная статья г. Мама-ладзе „Народные обычаи и повѣрья гурийцевъ“ (стр. 15—123). Авторъ подробно описываетъ годовые праздники гурийцевъ, начиная съ *каланды*, то-есть, новаго года со всѣми справляемыми при этомъ обрядами. Оказывается, что гурийцы сохранили въ обрядовыхъ подробностяхъ много старины, въ высшей

степени интересной для объясненія обрывочныхъ и смутныхъ обрядовъ и повѣрій, уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ у европейскаго простонародья, которое давно утратило пониманіе ихъ первоначальнаго значенія. Въ большинствѣ случаевъ это не остатки древняго язычества, но слѣды христіанской обрядности, своеобразно понятой народомъ, съ мнѣологическимъ міровоззрѣніемъ. Такъ, въ имени св. Василия Великаго, котораго память празднуется 1 января, прикрѣпились легенды о его спорѣ съ Магометомъ, о благословеніи имъ свиньи, почему она и составляетъ главное блюдо въ день новаго года, и борода св. Василия, изготовляемая изъ орѣховыхъ стружекъ и украшаемая разными драгоценностями, играетъ въ праздникъ такую же роль, какъ рождественская елка у нѣмцевъ. „Украшая эту бороду чествуемаго святаго разными предметами и внося все въ домъ на новый годъ, тѣмъ самымъ гуріецъ, по словамъ г. Мамаладзе, (стр. 22), выражаетъ желаніе, чтобы св. Василий Великій послалъ въ грядущемъ году всего этого доволь“. Очевидно, это *carpatio benevolentiae* посредствомъ украшенія бороды напоминаетъ старинный русскій обычай завивать бороду Волосу. Но подробности нашего обычая намъ мало извѣстны, гуріицы же до сихъ поръ продолжаютъ добросовѣстно готовить свои стружковые *чичили*. Среди многихъ символическихъ обрядовъ въ день новаго года можно отмѣтить обрядовыя дѣйствія, связанныя съ земледѣліемъ и винодѣліемъ. По окончаніи обѣда гуріецъ беретъ мотыгу, сѣмена кукурузы или гоми и, выйдя во дворъ, копаетъ, а затѣмъ „бросаетъ зерно“, выражая этимъ желаніе имѣть хорошій урожай въ наступающемъ году. Затѣмъ беретъ отваренную голову свиньи, идетъ по винограднику и, ударяя о голову свиньи чѣмъ нибудь, поетъ обрядовую пѣсню, въ которой обращается къ какому то Агуна, считающемуся покровителемъ винодѣлія. Въ той же пѣснѣ встрѣчаются слова: „около дверей Бахуа проходи! Въ нашемъ виноградникѣ *такія* (тутъ берутъ на руки ребенка)

кисти, а въ чужомъ—хворость и листья“. Въ названіи *Бахуа* г. Мамаладзе находитъ имя классическаго Вакха, что, по его словамъ, „не представляется удивительнымъ, такъ какъ вся западная часть Кавказскаго края, а слѣдовательно и Гурія, долгое время находились подъ сильнымъ вліяніемъ грековъ“ (стр. 34). Это объясненіе и мнѣ кажется правдоподобнымъ. Не говоря уже о прикрѣпленіи къ Кавказу классическаго сказанія объ Аргонавтахъ, о сходствѣ кавказскихъ сказаній про Одноглаза и прикованнаго къ скалѣ великана съ классическими—о Полифемѣ и Прометей, можно припомнить классическія свидѣтельства о культѣ Вакха на Кавказѣ, служащія къ объясненію имени Бахуа въ горійской пѣснѣ. Такъ Діонисій Періегетъ (въ 90 г. по Р. Х.), упоминая о кавказскихъ иберахъ, говоритъ, что тамъ-же живетъ большой народъ камариты (*Καμαρίται*), которые нѣкогда пріютили у себя Вакха, возвращающагося съ войны изъ Индіи, и потомъ ввели у себя въ честь Вакха празднества Ленеи. Во время этого празднества они прикрываютъ грудь кожами молодыхъ оленей, подпоясываются поясомъ и кричатъ: „Эвой Ваххъ! Богъ полюбилъ эту страну и ея жителей *)“. Въ комментаріѣ къ этому мѣсту Діонисія писатель XII вѣка, Евстаѣій, объясняетъ, что камариты получили названіе свое отъ судовъ, на которыхъ они занимались пиратствомъ и которыя назывались у эллиновъ *καμάραι* (тамъ же, стр. 140). Такимъ образомъ, камаритами назывались прибрежныя кавказскія племена. Помимо свидѣтельства Діонисія Періегета, можно подтвердить и археологическими находками существованіе фаллическаго вакхическаго культа на Кавказѣ, припомнивъ тѣ фаллическія бронзовыя статуетки, которыя были находимы близъ Казбека (Филимоновскій кладъ) и въ Закавказьѣ....

Описавъ до 18 праздниковъ со всею сопровождающею

---

*) См. извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ *Л. Гана* въ IV выпускѣ „Сборника“, стр. 134.

нихъ обрядностью, авторъ во второй части своей статьи разсматриваетъ ~~повѣрья~~ ^{осетинскіе} не приуроченныя къ праздникамъ, какъ-то: оплакиванье и похороны, родильные обряды, вѣрованія въ разныхъ духовъ, ворожбу, представленія о небесныхъ тѣлахъ, физическихъ явленіяхъ, звѣряхъ, птицахъ и проч. Не входя въ подробности, отмѣтимъ только одно представленіе, общее у гурійцевъ (и, вѣроятно, у другихъ грузинъ) съ осетинами: „Когда солнце при заходѣ скрывается за горизонтомъ, то оно нѣкоторое время еще освѣщаетъ склоны и вершины горъ и вообще высокія мѣстности. Свѣтъ отъ солнца въ это время бываетъ слабый, съ красноватымъ отливомъ. Этотъ свѣтъ солнца въ Гуріи почему-то называютъ „солнцемъ покойника“ (стр. 115). Подобное же представленіе существуетъ у осетинъ и только что скрывшееся за горизонтъ солнце называется *солнцемъ мертвыхъ* (мәрдты хур). Осетины убѣждены, что послѣ заката солнца затворяются ворота царства мертвыхъ, и до утренней зари никто не можетъ быть туда впущенъ. Поэтому они хоронятъ мертвыхъ до заката солнца, дабы покойнику не пришлось бродить у запертыхъ воротъ загробнаго міра вплоть до зари *). Одно осетинское преданіе рассказываетъ даже случай, когда отпущенный на землю властителемъ мертвыхъ Барастыромъ покойникъ едва не запоздалъ возвращеніемъ въ загробный міръ. Когда, совершивъ разные подвиги для своего отца, онъ спѣшилъ до заката солнца вернуться къ мертвымъ, мать, бѣжавшая за нимъ, чтобы хоть на нѣсколько минутъ задержать его, просила Бога: „если ты умѣешь читать въ сердцѣ матери, то заставь маленькое солнце (иначе: солнце мертвыхъ) появиться на горахъ“! Богъ исполнилъ ея желаніе, и она могла еще нѣсколько мгновеній смотрѣть на сына **).

Слѣдующая статья г. Степанова „Повѣрья грузинъ Те-

---

*) См. мои „Осетинскіе этюды“, II, стр. 245.

**) См. Осетинскіе тексты, собранные Чонкадзе и Цоравымъ, изданное Шифнеромъ. С.-Пб. 1868, стр. 86.

лавскаго уѣзда“, записана, по словамъ автора, главнымъ образомъ со словъ ~~одного~~ ^и ~~крестьянина~~ ^{крестьянина} (жителя с. Калаури), глубоко проникнутаго суевѣріями. Міровоззрѣніе этого крестьянина, дѣйствительно, отличается замѣчательной цѣльностью и систематичностью: на всѣ вопросы о мірѣ, онъ имѣетъ готовые отвѣты, которые даетъ съ большой увѣренностью. Онъ знаетъ твердо подробности сотворенія міра, знаетъ мѣстопребываніе нечистыхъ силъ, разстояніе неба отъ земли, созданіе человѣка, начало его занятій на землѣ, постепенныя улучшенія въ его бытѣ, легко и увѣренно объясняетъ всѣ физическія явленія и помнитъ разныя преданія старины. Въ его космогоническихъ сказаніяхъ, какъ и въ другихъ однородныхъ кавказскихъ, можно отмѣтить значительную примѣсь апокрифовъ дуалистическаго характера. Участіе въ созданіи міра принимаетъ и дьяволъ, который то старается испортить твореніе Бога, то помогаетъ ему на извѣстныхъ условіяхъ, при чемъ при расплатѣ оказывается посрамленнымъ. Варіантъ сказанія объ Амиранѣ, прикованномъ въ горной пещерѣ, рассказанный тѣмъ же крестьяниномъ, вноситъ нѣкоторые новыя подробности въ циклъ этихъ популярныхъ на Кавказѣ сказаній. Нѣсколько ветхозавѣтныхъ апокрифовъ находимъ и въ слѣдующей статьѣ г. Джанашвили „Картвельскія повѣрья“. Такъ, въ рассказѣ о сотвореніи Адама и Евы и объ ихъ жизни по изгнаніи изъ рая, можно отмѣтить грузинскую версію апокрифа, извѣстнаго подъ названіемъ „рукописаніе Адама“. „Когда Ева забеременѣла и настало время родовъ, то она, чувствуя страшныя боли, начала стонать и плакать. Страданіе жены обезпокоило Адама и онъ высказалъ слѣдующее желаніе: „Еслибы кто облегчилъ женѣ эти боли, то чтò бы онъ ни попросилъ, я далъ бы“. Самалъ (могущественнѣйшій изъ демоновъ) явился и сказалъ Адаму: „Я готовъ помочь, но подъ слѣдующимъ условіемъ: до тѣхъ поръ, пока нерожденный не родится и безсмертный не умретъ, пусть твое потомство будетъ въ моей власти“. Адамъ согла-

сился. Такимъ образомъ, потомство Адама и Евы перешло въ распоряженіе Самала. Это извѣстіе дошло до Бога и разгнѣвало его. Тогда онъ созвалъ своихъ ангеловъ на совѣтъ, на которомъ рѣшено было родиться Христу, какъ „нерожденному“ и „безсмертному“. Родился Христосъ, и господство Самала пало“ (стр. 144 и слѣд.). Въ апокрифѣ, извѣстномъ въ нашей письменности, поводъ, по которому Адамъ далъ на себя рукописаніе діаволу, излагается различно въ разныхъ редакціяхъ. Наиболѣе близка къ грузинской версіи та редакція, въ которой говорится, что Адамъ далъ рукописаніе діаволу за облегченіе Евы отъ страданій, которыя она претерпѣвала, кормя грудью Каина. Но другія подробности славянскаго апокрифа не совпадаютъ съ грузинскимъ ¹⁾. Въ слѣдующемъ разсказѣ грузинъ-ингилойцевъ о причинѣ, по которой небо, нѣкогда близко примыкавшее къ землѣ, поднялось вверхъ, оказывается преданіе, приводимое осетинами ²⁾ въ объясненіе того, что пшеница, нѣкогда дававшая урожай безъ посѣва, перестала родиться безъ человѣческаго труда. Ингилойцы разказываютъ, что одна женщина сильно оскорбила Бога. Однажды она пекла хлѣбъ въ торнѣ (особая печь). Сынишка ея какъ разъ въ это время испачкался. Мать впопыхахъ прибѣжала къ нему и обтерла его лавашемъ (тонкой лепешкой хлѣба). Богъ, увидѣвъ такое оскверненіе величайшаго своего дара, не захотѣлъ долѣе оставаться на столь близкомъ разстояніи отъ земли и, поднимаясь медленно все выше и выше, поднялъ съ собою и небо (стр. 145 и слѣд.).

Подобное преданіе существуетъ у монголовъ, поляковъ, малоруссовъ, великоруссовъ, болгаръ и извѣстно въ Малой Азіи ³⁾. У славянъ оно приводится въ связь съ хожденіемъ по землѣ либо Богородицы, либо апостоловъ Петра и Павла, ко-

¹⁾ См. *Тихомирова*, Памятники отреченной литературы, т. I, стр. 16.

²⁾ См. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горахъ, IX, отд. 2, стр. 20, примѣч.

³⁾ См. *Этнографическое Обзорніе*, кн. VI, стр. 11 и слѣд.

торыхъ женщина оскорбляетъ, подавъ имъ испачканный ея ребенкомъ кусокъ хлѣба. Своеобразность разсказа заставляетъ предполагать, что онъ пошелъ по разнымъ народамъ отъ одного источника, но пока еще нѣтъ возможности уяснить, гдѣ слѣдуетъ его искать. Не имѣя возможности даже вскользь остановиться на дальнѣйшихъ статьяхъ второго отдѣла, содержащихъ много интересныхъ данныхъ для характеристики повѣрій армянъ (статьи гг. Бунатова и Меликъ-Шахназарова), талышинцевъ (г. Байрамъ-Алпбекова) и татаръ Шемахинскаго уѣзда (г. Эфендіева), скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о третьемъ отдѣлѣ разсматриваемаго выпуска, содержащемъ значительный матеріалъ для изслѣдованія языка кумыковъ, народа тюркскаго племени, состоящаго по даннымъ языка въ ближайшемъ родствѣ съ ногайцами. Здѣсь мы находимъ обширные и тщательно изданные кумыкскіе тексты, записанные точной транскрипціей гг. Аѳанасьевымъ и Цалаговымъ и снабженные подстрочнымъ переводомъ; далѣе русско-кумыкскій словарь (г. Аѳанасьева) и кумыкско-русскій (г. Мохира). Словари провѣрены природными кумыками, при чемъ слова, заимствованныя изъ персидскаго и арабскаго, также отмѣчены спеціалистами. Главный трудъ при обработкѣ текстовъ и переводовъ для лингвистическихъ цѣлей принадлежитъ Л. Г. Лопатинскому, который уже раньше заявилъ себя своими трудами по кабардинскому языку. Г. Лопатинскій прибавилъ къ текстамъ, печатавшимся подъ его наблюденіемъ, замѣтки о кумыкскихъ пѣсняхъ и о нѣкоторыхъ параллельныхъ явленіяхъ въ фонетикѣ языковъ кумыкскаго и азербейджанскаго. Несомнѣнно, что спеціалисты по тюркскимъ языкамъ оцѣнятъ по достоинству новые и тщательно изданные матеріалы по одному изъ наименѣе изслѣдованныхъ языковъ этой семьи. Съ своей стороны, позволю себѣ лишь маленькую поправку къ сдѣланному г. Лопатинскимъ примѣчанію (на стр. 34), въ которомъ онъ предположительно сопоставляетъ кумыкское слово *dei*— „подобно, говорить“ съ

русской частицей *де*, будто бы „не объясненной правильно русской грамматикой“. Наше *де* (какъ уяснено уже Буслаевымъ) восходитъ къ древне-русскому *дѣтъ*, то-есть „говорить“.

Въ заключеніе не могу не отмѣтить отраднаго факта въ кавказскомъ языковѣдѣніи: съ тѣхъ поръ какъ управленіе Кавказскаго учебнаго Округа издало цѣлый рядъ литографированныхъ лингвистическихъ трудовъ покойнаго языковѣда барона Услара и стало помѣщать въ „Сборникѣ“ въ значительномъ количествѣ тексты на разныхъ языкахъ Кавказа, словари и изслѣдованія, — въ кавказской лингвистикѣ начинается новый періодъ, который, можно надѣяться, разъяснитъ многіе темные вопросы касательно классификаціи этихъ языковъ и ихъ исторіи. Особенно отрадно то, что на Кавказѣ, гдѣ нѣтъ ни академіи, ни университета, нашлись въ достаточномъ числѣ дѣятели изъ туземцевъ и русскихъ, которые, добросовѣстно собирая матеріалы и обрабатывая ихъ по мѣрѣ силъ, содѣйствуютъ замѣтному оживленію въ изученіи языковъ этого *многоязычнаго* края.

Всес. Миллеръ.

Приложение къ Циркулярѣ по управленію Кавказскимъ Учебнымъ Округомъ за 1895 годъ. № 8.

www.libtool.com.cn

О „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, издаваемомъ управленіемъ Кавказскаго Учебнаго Округа.

(Отзывы профессора В. О. Миллера).

Выпуски XVIII, XIX и XX *).

Слѣдя изъ году въ годъ за этнографическимъ изданіемъ Кавказскаго учебнаго округа, намъ приходится отмѣчать все новыя успѣхи, достигаемые дружнымъ трудомъ сотрудниковъ „Сборника“. Краткія „программныя“ описанія разныхъ мѣстностей, преобладавшія въ первыхъ выпускахъ, все болѣе и болѣе вытѣсняются богатыми матеріалами по духовной сторонѣ жизни Кавказскихъ туземцевъ — ихъ вѣрованіями, обрядами, пѣснями, сказками, пословицами и проч. Этнографическое достоинство памятниковъ народнаго творчества возвышается еще тѣмъ, что они все чаще и чаще появляются въ „Сборникѣ“ въ подлинныхъ текстахъ, записанныхъ просвѣщенными туземцами, и снабжаются дословнымъ переводомъ и грамматическимъ разборомъ. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть положительный успѣхъ, достигнутый въ послѣдніе годы. Тексты народныхъ произведеній, записанные научной транскрипціей и снабженные необходимыми пособіями, должны сослужить хорошую службу не только этнографіи, но и кавказской лингвистикѣ, для которой рус-

*) Отзывы профессора Миллера, помѣщенные первоначально въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, были перепечатаны въ Циркулярѣ по управленію Кавказскимъ Учебнымъ Округомъ: отзывы о первыхъ 14 выпускахъ Сборника — въ Циркулярѣ за 1893 годъ, приложение № 4, а отзывы о XV, XVI и XVII выпускахъ — въ Циркулярѣ за 1894 годъ, приложение № 7.

ская наука, къ сожалѣнію, еще такъ мало сдѣлала. Конечно, отъ ~~просвѣщенныхъ~~ туземцевъ, практически знающихъ мѣстные языки, нельзя требовать научныхъ лингвистическихъ изслѣдованій, для которыхъ необходима специальная подготовка. Достаточно пока и того, что они даютъ надежный матеріалъ, который послужитъ твердымъ основаніемъ для изслѣдованій специалистовъ. Въ такой научной обстановкѣ являются Мингрельскіе матеріалы, которыми открывается XVIII выпускъ. Такъ, мингрельскія народныя пѣсни (1—58), записанныя г. Хр. Гроздовымъ, снабжены не только близкимъ переводомъ и словаремъ, но и напѣвами, а мингрельскія сказки (59—90), собранныя г. И. Петровымъ, представляютъ тексты, сопровождаемые подстрочнымъ дословнымъ переводомъ. Нечего и говорить, что въ такомъ видѣ эти памятники сохраняютъ не только весь колоритъ народности, столь цѣнный для этнографа, но и даютъ матеріалъ для грамматическаго изученія мингрельскаго языка. Пѣсни, собранныя г. Гроздовымъ, не многочисленны, но разнообразны по содержанію и прекрасно характеризуютъ различные моменты прошлой и настоящей жизни мингрельца. Такъ, старинная колыбельная пѣсня (№ 1) рисуетъ печальную картину турецкаго гнета. Убаюкивая сына, мать напѣваетъ ему:

«Что намъ дѣлать, мой родной? Турки не даютъ покою:

Отнимутъ все у человѣка и потомъ повѣсятъ его.

Впереди турки, позади — низамы;

Подѣлили вещи, а домъ сожгли въ огнѣ.

Твоего отца здѣсь нѣтъ, — мы скрываемся на Уртѣ.

Твой несчастный отецъ рубится, окруженный турками.

Въ день выхода изъ дому онъ заповѣдалъ тебѣ поскорѣе послѣдовать за нимъ.

Ты былъ еще малъ, но онъ уже видѣлъ въ тебѣ не труса...

Оружіе твое готово: послѣдуй поскорѣе за нимъ,

Конь также осѣдланъ; я благословляю твой путь» и проч.

Рекрутская пѣсня (№ 3) изображаетъ состояніе души рекрута, покидающаго свою милую. Оригинальная пѣсня утоп-

Jan. 12, 1937
Grant Fund

ленника (№ 4) отъ его лица рассказываетъ о его паденіи въ воду, о тоскѣ, испытываемой имъ при мысли о невѣстѣ, объ его оружіи, которое виситъ уже на другомъ, и кончается печально-реальной картиной:

«Вмѣсто моихъ близкихъ—

Муха пропоетъ мнѣ погребальную пѣснь.

Рыба уже съѣла мое тѣло,

Кости на морскомъ берегу свалены въ кучу,

На мою долю пошелъ дождь...

Я встрѣтился со своимъ жребіемъ!»

Къ историческимъ пѣснямъ относится № 6, рисующая картину крестьянскаго возстанія противъ помѣщиковъ въ 1857 году и съ неподдѣльнымъ юморомъ изображающая безпомощное положеніе помѣщиковъ, которые принуждены были сами взяться за работу—женщины за молотьбу, мужчины за ломанье хвороста. При этомъ происходили такія смѣшныя сцены:

У помѣщицъ Маріи и Кесаріи уродились три колоса гоми;

Онѣ ночью вошли въ сарайчикъ и тамъ это гоми молотили.

Молотить онѣ не умѣли и ударили другъ друга по головѣ.

Свои деревянныя била онѣ поломали и выронили изъ рукъ,

Обломки этихъ билъ ударились имъ о ноги.

Отъ стыда онѣ никого къ себѣ не впускали,

И отъ гнѣва чавкали подобно разъяренному кабану.

Ихъ господа-мужья пошли въ лѣсъ ломать хворостъ,

Животы у нихъ подвело, и они подтянулись поясами» и пр.

Три любовныя пѣсни, приписываемыя князю Ант. Дадіани и ставшія вполне народными (№ 17—19), отличаются восточной страстностью и крайнимъ гиперболизмомъ въ изображеніи чувствъ. Напр., влюбленный юноша говоритъ своей милой, что будетъ любить ее, хотя бы даже она жгла его на огнѣ и изъ чашки пила его кровь (стр. 31).

За мингрельскими въ томъ же отдѣлѣ слѣдуютъ тексты сванетскіе, записанные г. Нижерадзе (91—132) и снабженные грамматическимъ разборомъ и переводомъ. Наибольшій

интересъ представляетъ обширный вариантъ популярнаго сказанія *о Ростомѣ*, сдѣланшемся, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ Зорабомъ и Бежаномъ, вполне туземнымъ кавказскимъ героемъ. Напоминая въ основныхъ чертахъ другую сванетскую же версію того же сказанія, сообщенную (въ 1887 г.) въ газетѣ „Иверія“ ¹⁾, новый вариантъ отличается большею полнотою въ подробностяхъ и представляетъ несомнѣнный интересъ при уясненіи вопроса объ отношеніи письменной повѣсти о Ростомѣ (Ростоміани) къ народнымъ устнымъ сказаніямъ. Исслѣдованія этого вопроса можно ожидать отъ А. С. Хаханова, обѣщающаго его затронуть во второй части своихъ „Очерковъ по грузинской словесности“ ²⁾.

Въ слѣдующемъ II-мъ отдѣлѣ г. Калашевъ сообщаетъ 122 №№ записанныхъ имъ четверостишія, которыя поютъ хоры дѣвушекъ и юношей на армянскомъ праздниѣ „вардаваръ“ (сіяніе розъ), справляемомъ 6-го августа, въ день Преображенія Господня. О происхожденіи этого несомнѣнно древняго народнаго праздниѣ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, и соображенія, почерпаемыя авторомъ изъ армянской книги „Хайсмавуръ“ и армянскаго календаря на 1871 г. (изд. въ Константинополѣ), довольно подозрительны. Армянскіе археологи возводятъ праздниѣ розъ къ языческимъ временамъ и ищутъ ему объясненія въ культѣ богини Астгий, соотвѣтствующей греческой Афродитѣ и латинской Венерѣ, но, конечно, вопросъ о происхожденіи „вардавара“ не рѣшается такъ просто и нуждается въ обстоятельномъ изслѣдованіи, которое должно привлечь къ сравненію осенняго праздниѣства другихъ народовъ, совпадающія календарно съ армянскимъ, напримѣръ, русскій 2-ой или яблочный „Спасъ“, болгарскій виноградный и друг.

---

¹⁾ Изложеніе и разборъ этой версіи см. въ моихъ „Экскурсахъ въ область русск. нар. эпоса“, приложение, стр. 42; также: А. С. Хахановъ — Очерки по исторіи грузин. словесности, вып. I, стр. 43.

²⁾ См. назв. соч. стр. 48, примѣчаніе.

Каково бы ни было происхождение „вардавара“, интересно, что это празднество по характеру напоминает наши лѣтописныя „игрища между селы“, составляя любимый праздник молодежи. Это—пѣсенное состязаніе юношей и дѣвушекъ изъ-за букета цвѣтовъ, продолжающееся въ теченіе всей ночи, предшествующей празднику. Диспутъ въ стихахъ, большей частью тутъ же импровизируемыхъ, прекращается только тогда, когда одна изъ сторонъ окажется побѣжденной, т. е. не въ состояніи уже продолжать диспута. Тогда побѣдители торжественно получаютъ букетъ и всѣ расходятся по домамъ. У армянъ Елисаветпольской губерніи при этомъ поютъ пѣсни не только армянскія, но и татарскія. Въ послѣднемъ случаѣ дѣвушки обыкновенно пасуютъ, такъ какъ вообще женская половина армянскаго населенія татарскимъ языкомъ владѣетъ хуже, чѣмъ мужская (стр. 3). Однако нельзя не замѣтить, что въ изобрѣтательности дѣвушки являются опасными конкурентами юношей и что побѣда нерѣдко остается за первыми. Записанныя авторомъ четверостишія, любовнаго, иногда юмористическаго и сатирическаго содержанія, не всегда понятны въ переводѣ и, повидимому, не всегда осмысленны. Метрическая складность и рима нерѣдко дѣйствуютъ въ ущербъ смыслу. Изъ той же губерніи г. Калашевъ сообщаетъ (стр. 37—71) рядъ татарскихъ текстовъ съ переводомъ: колыбельныя и похоронныя пѣсни, дѣтскія, пословицы, загадки и проч. Какъ образчикъ свѣжести народно-устной поэзіи любопытна лироэпическая пѣсня о смерти нѣкоего Урустама, убитаго 10 лѣтъ тому назадъ разбойниками въ Шунинскомъ уѣздѣ. „Жалостная“ пѣсня, сложенная, какъ говорятъ, его сестрою, стала теперь уже общенародною: ее поютъ съ разными вариантами почти вездѣ въ Закавказскомъ краѣ (стр. 68). Въ дѣтской пѣснѣ „вызываніе солнца“ (сообщ. г. Іоакимовымъ) звучатъ старинныя мотивы,—указанія на солнцевыхъ дѣтей, дакъ въ извѣстной нашей пѣсенкѣ: солнышко, ведрышко, вы-

глянь въ окошечко, твои дѣти плачутъ и проч. Подобно русскимъ дѣтямъ, татарчата поютъ:

«Солнце, выходи, выходи, выходи;
На гнѣдого коня садись, выѣзжай:
Сынъ твой со скалы слетѣлъ,
Дочь твоя въ тендиръ (печь) упала;
Плѣшивую дочь оставь дома,
Волосатую дочь запряги (наряди), выходи!»

Смѣна плѣшивой дочери волосатой, какъ видно изъ другой пѣсенки, — образъ наступленія весны и изгнанія зимы. Здѣсь говорится, что солнце „снѣтъ съ земли возьметъ, плѣшивую дочь возьметъ, волосатую дочь приведетъ“ (стр. 73). При всемъ современномъ скептицизмѣ въ этой пѣснѣ нельзя не видѣть тѣхъ элементарныхъ олицетвореній, которыя лежали въ основѣ нѣкоторыхъ мифовъ.

Первыя двѣ статьи слѣдующаго (III-го) отдѣла опять возвращаютъ насъ къ мингрельцамъ. Г. Тепцовъ въ статьѣ „Избыта и вѣрованій мингрельцевъ“ описываетъ хоробы, нѣкоторые праздники, свадебные обряды, сообщаетъ нѣсколько сказокъ и любопытные рассказы о лѣсныхъ или дикихъ людяхъ, такъ называемыхъ очокочи (очо — дикій, вочи — человѣкъ). По словамъ г. Тепцова, о встрѣчахъ съ дикими людьми рассказываютъ не только въ Сванетіи и Мингреліи, но и въ Тифлисской и Эриванской губерніяхъ. Въ Тифлисскомъ уѣздѣ встрѣчаютъ (sic) дикихъ людей верстахъ въ 20—25 къ западу отъ урочища Бѣлаго Ключа въ дремучихъ лѣсахъ подъ Лысыми горами. Чаще же всего „очокочи“ попадаютъ въ Ленхерскомъ ущельѣ, черезъ которое по берегамъ Ингура протекаетъ путь изъ Мингреліи въ Сванетію. Къ югу отъ главнаго гребня Кавказскихъ горъ до населенныхъ мѣстъ Сванетіи съ востока, Абхазіи съ запада и Мингреліи съ юга, простирается обширное плоскогорье, нетронутое еще человѣкомъ; только на ближайшихъ къ населеннымъ мѣстамъ склонахъ пасутся стада названныхъ народовъ. Въ глубокихъ же долинахъ истокъ

Кодора (въ Абхазіи) и притоковъ Ингура (между населенной Сванетіей и верхними поселеніями мингрельцевъ) не проложили еще тропы и горный пастухъ. Къ этой именно мѣстности, по словамъ автора, главнымъ образомъ, приурочиваются рассказы о встрѣчахъ съ дикарями. Авторъ приводитъ рассказы о нѣсколькихъ встрѣчахъ, причемъ нельзя не сознаться, что эти рассказы отличаются простотой и реальностью и вызываютъ невольно въ читателѣ вопросъ: имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ народнымъ суевѣріемъ, или въ дѣйственныхъ лѣсахъ Мингреліи до сихъ поръ скрывается неизвѣстная наука порока дикарей? Ничего фантастическаго нѣтъ въ наружномъ видѣ очокочи: они отличаются мускулистымъ сложеніемъ и заглубленнымъ, смуглымъ цвѣтомъ кожи. Волосами обросли только, какъ у прочихъ людей, нѣкоторыя части тѣла. Сильно заросла довольно длинными волосами вся грудь. Волосы на головѣ, курчавые, темнаго цвѣта съ просѣдью, образуютъ громадную естественную шапку. Тѣло ничѣмъ не покрывается. Членораздѣльной рѣчи не имѣютъ: при встрѣчѣ визжатъ, мычатъ и смѣются, не пятятся, но и не бросаются... Дерутся не совсѣмъ обыкновенно: въ дракѣ они стараются переломить руки или ноги, какъ ломаютъ, напр., сухіе сучья, царапаются отросшими острыми ногтями и грызутся. О борьбѣ понятія не имѣютъ (стр. 11). Признаковъ жилия очокочи никто не встрѣчалъ. По всей вѣроятности, полагаетъ г. Тепцовъ, они ведутъ жизнь бродячую, а отъ холода и сырости прячутся подъ камнями или въ пещерахъ, которыхъ не мало въ горныхъ мѣстахъ.

Отъ лѣсныхъ людей совершенно отличны другія существа, встрѣчающіяся, по мнѣнію мингрельцевъ, въ лѣсахъ, каковы: лѣсная царица, каджи и чинка. Это уже вполне продукты народной фантазіи. Лѣсная царица, красавица, владычествующая надъ лѣсными звѣрьми, напоминаетъ греческую Артемиду. Припоминаемъ, что въ статьѣ Д. Маргіани о Сва-

нетахъ, помѣщенной въ X выпускѣ „Сборника“, та же богиня охоты описывается подъ именемъ *Даль* ¹⁾ и она же встрѣчается въ имеретинскихъ вѣрованіяхъ ²⁾. Такимъ образомъ, сказанія объ этой Кавказской Артемидѣ отмѣчены въ такихъ частяхъ Кавказа, которыя въ древности не остались чужды греческому вліянію. Что же касается очокочи, то было бы крайне интересно уяснить вопросъ объ этихъ существахъ, реальныхъ или фантастическихъ—трудно сказать. Въ непроходимыхъ, совершенно неизслѣдованныхъ тущахъ Кавказа дѣйствительно могутъ скрываться какіе нибудь жалкіе остатки неизвѣстнаго племени или одиночные одичавшіе представители и современныхъ племенъ. По крайней мѣрѣ мнѣніе о существованіи дикарей въ Кавказскихъ лѣсахъ мнѣ лично приходилось слышать не только отъ простыхъ людей, но и отъ образованныхъ туземцевъ ³⁾.

За Мингрельскими сказками (записанными г. Ломинадзе) и любопытнымъ преданіемъ о великанѣ Эрамъ-хутъ, повидимому, съ исторической подкладкой, слѣдуютъ собранныя г. Эйвазовымъ „Айсорскія легенды и сказки“. Уже десять лѣтъ тому назадъ тотъ же авторъ въ IV-мъ выпускѣ „Сборника“ въ обстоятельной статьѣ о селѣ Койласарѣ (Эриванскаго уѣзда), населенномъ айсорами, выходцами изъ Персіи, исповѣдовавшими прежде несторіанство, а затѣмъ присоединившимися къ православной церкви, сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о бытѣ этого небольшого племени. Г. Эйвазовъ въ прежней статьѣ заявлялъ, что эти потомки сиро-халдейскихъ несторіанъ очень бѣдны произведеніями устной словесности. „Переселившись изъ Персіи и размѣстившись между татарами и армянами, айсоры въ значительной степени забыли свою старину, свои

¹⁾ Вып. X стр. 71.

²⁾ См. Сборникъ матер. по этнографіи, изд. при Дашков. Этнограф. Музеѣ, вып. III стр. 170.

³⁾ Разказы объ очокочи см. еще въ V вып. Сборника, отд. II, стр. 101, и въ Сборн. Матер. изд. при Дашков. Этногр. Музеѣ, Вып. III, 169.

прежніе нравы, обычаи, легенды, міеологію, пословицы, поговорки, сказки, даже свои національныя пѣсни, а взамѣнъ усвоили татарскія пѣсни, легенды, сказки и преданія“ ¹⁾). Въ настоящей статьѣ г. Эйвазовъ представляетъ образчикъ айсорскихъ устныхъ легендъ и сказокъ, вполне подтверждающій сдѣланное имъ раньше замѣчаніе. Считая айсоровъ потомками древнихъ ассиріянъ, авторъ въ замѣтѣхъ припоминаетъ нѣкоторыя, во многомъ сомнительныя и устарѣлыя, свѣдѣнія объ исторіи ассиріянъ и ихъ культурѣ, причемъ чрезъ смѣшеніе именъ айсоровъ и ассиріянъ у него проскальзываетъ, напр., такое странное утвержденіе: „Въ VI вѣкѣ до Р. Х. ²⁾ при послѣднемъ царѣ Сарданапалѣ ³⁾, Ассирія была окончательно уничтожена общими силами мидянъ и персовъ, подъ владычествомъ которыхъ (т. е. мидянъ и персовъ?) ассиріянне *находятся* (sic) до настоящаго времени“ (стр. 61). Нѣкоторыя черты айсорскихъ легендъ, приводимыхъ авторомъ, объясняются желаніемъ отыскать по возможности больше „преданій старины глубокой“ у этого захудалаго племени. Такъ, весьма сомнительно, чтобы авторъ слышалъ отъ айсоровъ въ селеніи Хойласарѣ, что „у главнаго бога Бала, древняго Белла ⁴⁾, и жены его родились близнецы: сынъ луна и дочь солнце“ (стр. 63). Сомнительно, чтобы сами айсоры сообщали автору, что „планета Венера принадлежитъ къ числу семи планетъ, которымъ служили, какъ богамъ, древніе ассиріянне“ (тамъ же). Интереснѣе апокрифы о Моисеѣ, Саулѣ и Соломонѣ (стр. 65—71), которые пригодятся изслѣдователямъ этой области фольклора, хотя и не могутъ въ устахъ айсоровъ считаться наслѣдіемъ глубокой старины, но скорѣе заимствованы ими отъ сосѣдей (татаръ или армянъ). Такъ, въ сказку о Со-

---

¹⁾ Вып. IV, отд. II, стр. 312.

²⁾ Точнѣе въ VII, въ 606 г.

³⁾ О легендарномъ характерѣ этой личности авторъ, повидимому, не знаетъ.

⁴⁾ Почему Белла, а не Бела?

ломонѣ вплетенъ извѣстный разсказъ о вдовѣ, которая, изъ желанія выйти замужъ, рѣшается опозорить трупъ мужа ¹⁾. Ничего специально айсорскаго нѣтъ и въ 8 сказкахъ, записанныхъ г. Эйвазовымъ (стр. 72—110). Тѣ же сказки извѣстны и татарамъ, и армянамъ, отъ которыхъ, вѣроятно, и перешли къ айсорамъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ знакомые въ другихъ мѣстахъ Кавказа сюжеты: благодарная рыба, принявшая видъ юноши-помощника героя („Царевичъ Пирамъ“), окаменѣлое царство, благодарныя животныя („Царевичъ Саргизъ“), три совѣта („Задиль“) и друг. Отмѣчу кстати, что имя царя Багрея (сказка № 6) было извѣстно старинной русской сказкѣ. Оно встрѣчается въ формѣ „царь Богрій“ въ сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ по списку XVII вѣкѣ ²⁾, восточное происхожденіе которой едва-ли подлежитъ сомнѣнію.

Отъ айсоровъ, потомковъ сиро-халдеевъ, мы переходимъ въ слѣдующей статьѣ къ другимъ семитамъ, евреямъ села Варташена, Нухинскаго уѣзда Елисаветпольской губерніи. Авторъ этой обширной статьи (стр. 111—227), г. Бежановъ, собралъ о варташенскихъ евреяхъ богатый матеріалъ, представляющій цѣнное пополненіе книги И. Ш. Анисимова „Кавказскіе еврей-горцы“, вышедшей въ 1888 г. Г. Бежановъ изображаетъ домашній, семейный и общественный бытъ евреевъ, подробно описываетъ ихъ религіозные праздники, свадебные и похоронные обряды, представленія о загробной жизни и проч., а затѣмъ сообщаетъ значительный запасъ ихъ преданій, легендъ и сказокъ. Для изслѣдователей апокрифовъ очень важны легенды о Соломонѣ, записанныя авторомъ въ большомъ числѣ. Здѣсь мы находимъ и сказаніе о Соломонѣ и Ашмадаѣ, и путешествіе Соломона на коврѣ-самолетѣ, точнѣе на гигантской бурѣ, и встрѣчу его съ муравьемъ, и

¹⁾ Срав. сказку о Матронѣ Эфесской и прочія того же сюжета въ статьѣ *О. И. Буслаева* „Перехожія повѣсти“ (Мож. досуги ч. II, стр. 283).

²⁾ См. Памятники старинной русской литературы. Вып. II, стр. 329.

сказаніе о престолѣ Соломона. Интересно было бы уяснить, какія черты этихъ сказаній восходятъ прямо къ талмудическимъ апокрифамъ ¹⁾, и какія внесены изъ кавказскихъ сказокъ. Еще большій интересъ для изслѣдователей вліянія апокрифовъ на устные народныя сказанія представляетъ обширный рассказъ о пророкѣ Моисеѣ (№ 8, стр. 180—192). Желая показать Моисею свою славу и мудрость, Богъ повелѣлъ Эноху спуститься на землю съ сонмомъ ангеловъ, дать Моисею духовное тѣло и вознести его на небо. Описывается подробно путешествіе Эноха съ Моисеемъ по семи небеснымъ сводамъ, при чемъ открываются тайны мірозданія; далѣе Моисей предстоитъ предъ престоломъ Божиимъ и по повелѣнію Бога осматриваетъ въ сопровожденіи архангела Гавріила рай и адъ, причемъ подробно описывается устройство того и другого. Сказаніе варташенскихъ евреевъ, очевидно, основано на іудейской апокрифической книгѣ „Пророчество и вознесеніе Моисея“, восходящей во многихъ чертахъ своего содержанія къ знаменитой апокрифической книгѣ Эноха, исторія которой имѣетъ значительную литературу на западѣ и у насъ. На сколько разъяснена эта исторія, можно положительно утверждать, что утраченный оригиналъ, написанный на еврейскомъ языкѣ и составленный въ Палестинѣ, былъ переведенъ на греческій языкъ. Отъ греческаго перевода до насъ дошли только отрывки—одинъ незначительный у Георгія Синкелла (около 800 г.), другой, довольно обширный, найденный французской археологической миссіей въ Египтѣ (въ Ахнимѣ) и изданный только въ 1892 г. Съ греческаго перевода, когда онъ существовалъ еще въ полномъ видѣ, былъ сдѣланъ эфиопскій еще въ 5-мъ или даже 4-мъ вѣкѣ. Въ настоящее время извѣстно 17 рукописей эфиопскаго Эноха въ разныхъ европейскихъ бібліотекахъ. Существуютъ отрывки и старинна-

---

¹⁾ См. Талмудическія сказанія о Соломонѣ, перевед. съ еврейскаго П. Марюлинимъ, въ Памят. древ. письменности, 1880. Вып. III.

го латинскаго перевода. Наконецъ „Книги тайнъ Еноховыхъ“ пользовались извѣстностью и въ письменности славянскихъ народовъ. Полный славянской текстъ этого апокрифа, извѣстнаго раньше въ отрывкахъ ¹⁾, былъ открытъ А. Поповымъ въ южно-русской редакціи въ Полтавскомъ сборникѣ 1679 года; сербскій текстъ изданъ въ 1884 г. Новаковичемъ въ XVI книгѣ „Старинъ“. Юго-славянскій, гораздо болѣе полный списокъ, чѣмъ изданный Поповымъ, былъ открытъ проф. М. И. Соколовымъ и въ настоящее время печатается ²⁾. Апокрифическая книга Еноха въ первые вѣка христіанства пользовалась широкой извѣстностью и высокимъ авторитетомъ среди іудеевъ и еще болѣе среди христіанъ и хотя въ послѣдствіи, когда вполнѣ установилось убѣжденіе въ ея подложности, она утратила свой авторитетъ и пришла въ забвеніе, но слѣды ея вліянія еще надолго сохранились въ народныхъ легендарныхъ сказаніяхъ о загробныхъ хожденіяхъ съ описаніями мѣстопребыванія праведниковъ и грѣшниковъ ³⁾. Понятно, что и еврейско-вартаненское сказаніе о хожденіи по раю и аду Моисея и Еноха должно получить надлежащее объясненіе въ связи съ другими отраженіями книги Еноха. Устраняя отъ себя эту задачу, я считаю только нелишнимъ отмѣтить тѣ подробности еврейской легенды, которыя находятъ себѣ соотвѣтствія въ славянской „книгѣ о тайнахъ Еноховыхъ“, открытой А. Поповымъ, и въ ефіопскомъ переводѣ Еноха.

¹⁾ Два отрывка были помѣщены Тихомировымъ въ „Памятникахъ отреченной русс. литературы“. Т. I, 20—23. См. также „Памятники старин. русс. литературы“, изд. Кумелева-Безбородко, вып. III, стр. 15—16.

²⁾ Новѣйшее сочиненіе по вопросу о книгѣ Еноха, содержащее обзоръ всей предшествующей литературы, принадлежитъ Чарльсу (*Charles—The book of Enoch, translated from Professor Dillmann's ethiopic text. Oxford, 1893*). Въ нашей литературѣ отмѣтимъ дѣльное, хотя частью устарѣвшее изслѣдованіе А. Смирнова, Книга Еноха, историко-критич. изслѣдованіе, русскій переводъ и объясненіе апокрифической книги Еноха. Казань, 1888. Славянскій текстъ, открытый Поповымъ, напечат. въ „Чтеніяхъ въ И. Общ. Ист. и древн. Россіи“, 1890, кн. 3.

³⁾ См. В. Сахарова.—Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности. 1879, стр. 45 и слѣд.

Въ еврейскомъ сказаніи о хожденіи Моисея съ Энохомъ упоминаются ангелы, движущіе небесныя свѣтила ¹⁾: параллель этому находимъ въ славянскомъ Энохъ въ описаніи 4-го неба ²⁾ Другіе ангелы завѣдуютъ плодами и урожаемъ ³⁾: въ славянскомъ сказаніи (слово 18-е) Энохъ на 6-мъ небѣ видѣлъ ангеловъ, „иже суть надъ плоды земными“ ⁴⁾. Въ еврейскомъ хожденіи Моисей видитъ на 6-мъ сводѣ ангеловъ, владѣющихъ снѣговымъ амбаромъ и градомъ ⁵⁾; въ славянскомъ сказаніи упоминаются „сокровища снѣжная и ангелы, иже держатъ грозныя хранилища ихъ“ ⁶⁾. И здѣсь, и тамъ описывается дивное пѣніе ангеловъ, и чудесныя деревья въ раю. Въ разсказѣ вуртапенскихъ евреевъ говорится, что Моисей посреди рая увидѣлъ „древо жизни“, на которомъ сидѣлъ ангелъ, его охранявшій; на древѣ было 70,000 плодовъ и каждый плодъ имѣлъ 70,000 вкусовъ ⁷⁾. Въ ефіопскомъ Энохъ этотъ патриархъ въ чудной горной мѣстности видитъ среди другихъ прекрасныхъ и благовонныхъ деревьевъ древо жизни съ необыкновеннымъ благоуханіемъ: его листья и цвѣты, и стволъ никогда не гніютъ и плодъ его прекрасенъ и подобенъ плоду пальмы ⁸⁾. Къ этому дереву не позволено прикасаться ни одному изъ смертныхъ до времени страшнаго суда; когда все будетъ искушено и окончено для вѣчности, оно отдано будетъ праведнымъ и смиреннымъ ⁹⁾. Въ еврейскомъ разсказѣ Моисей видитъ въ разныхъ отдѣленіяхъ рая ложа изъ жемчуга, алмаза и драгоценностей. На этихъ кроватяхъ, охраняемыхъ ангелами, возле-

---

¹⁾ Стр. 182.

²⁾ См. Слово 10-е и 3-е.

³⁾ Стр. 181.

⁴⁾ Стр. 102.

⁵⁾ Стр. 182.

⁶⁾ Стр. 92.

⁷⁾ Стр. 189.

⁸⁾ Глава XXIV.

⁹⁾ Глава XXV.

звать ветхозаветные пророки, на других—праведники ¹⁾. Въ ефіопской ~~версіи~~ ^{версіи} ~~Энохъ~~ ^{Энохъ} рассказываетъ, что видѣлъ на небѣ жилища праведныхъ и ~~моща~~ ^{моща} святыхъ ²⁾. Описаніе мученія грѣшниковъ въ варташенскомъ разсказѣ ³⁾ отчасти напоминаетъ въ славянскомъ сказаніи „Слово 9-е“, озаглавленное: „Здѣ показаша Еноху страшнія мѣста и муки различныя“ ⁴⁾. Словомъ, тотъ, кто хотѣлъ бы изслѣдовать отголоски апокрифической книги Эноха въ народныхъ кавказскихъ сказаніяхъ о загробныхъ странствіяхъ, нашелъ бы не мало любопытнаго матеріала въ варташенскомъ еврейскомъ разсказѣ. Для подобной работы слѣдовало бы, конечно, привлечь армянскіе и грузинскіе апокрифы, сложившіеся подъ тѣмъ же вліяніемъ. На существованіе грузинской версіи книги Эноха („Небротіани“) находимъ указаніе въ трудѣ г. Хаханова ⁵⁾.

Не останавливаясь на другихъ еврейскихъ легендахъ и сказкахъ, изъ которыхъ многія представляютъ значительный интересъ для изслѣдователей этой необозримой области народного творчества ⁶⁾, отмѣтимъ въ разсматриваемомъ выпускѣ еще обширную и полезную работу г. Машурко—„Изъ области народной фантазіи и быта“ (стр. 228—410). Трудъ г. Машурко содержитъ обильный и тщательно записанный матеріалъ для изученія міровоззрѣнія и обрядовой стороны жизни армянскаго, грузинскаго и татарскаго населенія Тифлисской и Кутаисской губерній. Читатель подробно знакомится съ преданіями и примѣтами, связанными съ царствомъ животныхъ,

---

¹⁾ Стр. 189 и 190.

²⁾ Глава XXXIX.

³⁾ Стр. 186 и слѣд.

⁴⁾ Стр. 94—95.

⁵⁾ Очерки по исторіи грузинской словесности. Вып. I, стр. 362.

⁶⁾ Напр., легенда о наказанномъ богачѣ (стр. 194—196), близко сходная по содержанію съ широко распространенными на западѣ и востокѣ сказаніями о наказанномъ за гордость царѣ, который временно лишается престола и становится нищимъ (Аггей и проч.). См. А. Н. Веселовскій—Разысканія въ области русск. духовнаго стиха, V, стр. 106—115. (Прилож. къ XV т. Зап. И. Акад. Наукъ, № 4).

съ небесными тѣлами и атмосферическими явленіями, съ праздничными обычаями и играми въ теченіе всего года, со свадебными и погребальными обрядами, съ лѣченіемъ болѣзней, заговорами, съ вѣрованіями въ разныхъ духовъ и колдовство, съ многими мѣстными преданіями и сказками. Достоинство труда г. Машурко возвышается еще тѣмъ, что авторъ указываетъ на параллели сказочныхъ темъ въ другихъ мѣстахъ Кавказа, заглядывая при случаѣ и въ европейскіе сборники сказокъ. При массѣ накопившагося, особенно за послѣднее десятилѣтіе, уже напечатаннаго этнографическаго сырого матеріала по Кавказу, систематическіе своды, вродѣ того, который представилъ г. Машурко, несомнѣнно полезны и могутъ помочь будущимъ изслѣдователямъ легче разобраться въ грудахъ цѣннаго научнаго матеріала, накопленнаго современными этнографами-собираателями.

Первый отдѣлъ XIX-го выпуска Сборника содержитъ 5 статей историко-археологическаго и географическо-статистическаго содержанія, причемъ въ трехъ послѣднихъ („Селеніе Сори“ свящ. Миндели, „Селеніе Цаленджиха“ г. Гвасалии и „Мѣстечко Квирилы“ г. Хускивадзе) отведено не мало мѣста и этнографическимъ свѣдѣніямъ. Второй, болѣе обширный отдѣлъ (стр. 1—325) весь посвященъ устной словесности, повѣріямъ и обычаямъ Закавказскаго населенія—имеретинъ, грузинъ, армянъ и татаръ. Выпускъ отрывается очень цѣннымъ предисловіемъ, написаннымъ г. Богоявленскимъ. Авторъ, хорошо изучивъ составъ предшествующихъ выпусковъ Сборника, указываетъ въ раньше изданныхъ кавказскихъ сказкахъ параллели сказкамъ разсматриваемаго выпуска и этимъ даетъ возможность изслѣдователямъ обширной сказочной литературы ориентироваться въ матеріалѣ, доставляемомъ новымъ выпускомъ. По возможности указываются и параллели въ русскихъ народныхъ сказкахъ. Далѣе слѣдуетъ обширная работа г. Козубскаго—„Очерки исторіи города Темиръ-Ханъ-Шуры“,

основанная на значительной специальной литературѣ. Авторъ слѣдитъ за исторіей этого населеннаго мѣста, начиная съ перваго упоминанія Шуры, какъ незначительной деревни въ XVI вѣкѣ, излагаетъ условія возникновенія города и описываетъ его послѣдовательный ростъ—экономическій и культурный—вплоть до нашихъ дней. Городъ давно заслуживалъ такой исторіи. Основанная и выстроенная русскимъ солдатомъ среди враждебнаго населенія, Шура выполнила свою историческую задачу: она поддержала русское господство въ Дагестанѣ, служила точкою опоры для этого господства и затѣмъ, послѣ окончательнаго умирненія Кавказа, сдѣлалась центромъ гражданственности, которая стала распространяться изъ нея не только путемъ администраціи, но и путемъ образованія, исходящаго изъ ея среднихъ учебныхъ заведеній, единственныхъ въ Дагестанѣ (стр. 76).

Небольшая статейка г. Меликъ-Шахназарова „Изъ древностей селенія Ченахчи“ (Елисаветпольской губ., Шуминскаго уѣзда) содержитъ описаніе стариннаго армянскаго дѣвичьего монастыря (Кусанацъ-анапатъ), находящагося въ этомъ селеніи. Но главный интересъ представляютъ приложенные къ статьѣ рисунки могильныхъ плитъ древняго мѣстнаго кладбища. Нынѣшній Варандинскій участокъ, въ которомъ находится и селеніе, когда-то входилъ въ составъ древней Албаніи, и жители Ченахчи, на основаніи преданія, даже увѣряютъ, что ихъ селеніе нѣсколько вѣковъ сряду служило резиденціей албанскихъ царей и католикосовъ. Это преданіе, какъ будто, подтверждается изображеніемъ человѣка въ коронѣ на нѣкоторыхъ надгробныхъ камняхъ. Интересны и бытовые детали на изображеніяхъ: сцены охоты, паханья, пиршествъ, сопровождаемыхъ музыкой и пляской. Въ виду крайней скудости нашихъ свѣдѣній объ Албаніи не только языческаго, но и христіанскаго періода, подобные монументальные слѣды албанскаго стариннаго быта могутъ имѣть нѣкоторое значеніе.

Статья о селеніи Сори (Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губерніи), принадлежащая священнику о. Н. Миндели, не ограничивается географическими, климатологическими и статистическими свѣдѣніями, но касается и историческихъ памятниковъ и нѣкоторыхъ сторонъ духовной жизни жителей села. Интересно, что съ построеніемъ крѣпости Минда-цихо, лежащей теперь въ развалинахъ, связано преданіе о человѣческомъ жертвоприношеніи: строители крѣпости, при возведеніи ея стѣнъ, по словамъ преданія, поймали мальчика въ сосѣднемъ селѣ и живьемъ заложили его въ стѣну. Пѣсня, относимая населеніемъ къ этому событію, рассказываетъ, что объ этомъ узнала мать ребенка и поспѣшила къ мѣсту постройки, чтобы освободить сына; но было уже поздно, ея не допустили къ сыну; она въ отчаяніи стоитъ поодаль стѣны и, наблюдая надъ работой строителей, замуровывавшихъ ея родное дитя, съ рыданіями спрашиваетъ мальчика, до какого мѣста заложили его; сынъ отвѣчаетъ сперва, что его заложили до колѣнъ, потомъ, на новые вопросы матери, — до живота, — до груди, — до головы и, наконецъ, объявляетъ, что все кончилось. Эта трогательная пѣсня, важная въ культурно-историческомъ отношеніи, какъ свидѣтельство о дѣйствительно существовавшемъ обычаѣ, живо напоминаетъ извѣстную сербскую пѣсню о построеніи Скадра. Увѣренность грузинъ въ томъ, что строители греки и татары до сихъ поръ соблюдаютъ этотъ варварскій обычай, съ цѣлью придать прочность постройкѣ, по словамъ г. Миндели, существовала еще сравнительно не давно. Когда греческіе каменщики въ 1863 г. строили мостъ черезъ Ріонъ, жители Сори, изъ боязни, чтобы кто-либо изъ дѣтей не былъ пойманъ греками, заставляли ихъ гонять скотъ на отдаленное отъ моста пастбище и кромѣ того строго запрещали имъ выходить однимъ со двора (стр. 123). Можетъ быть, старинная общеизвѣстная пѣсня въ данномъ случаѣ поддерживала это убѣжденіе. Приложенные въ концѣ

статьи г. Миндели 8 заговоровъ въ грузинскомъ текстѣ и дословномъ переводѣ будутъ прочтены съ интересомъ изслѣдователями этихъ полукавказскихъ, полународныхъ произведеній.

Обозрѣніе 2-го отдѣла, содержащаго главнымъ образомъ сказки и легенды закавказскаго населенія (имеретинъ, грузинъ, армянь, татаръ), облегчается, какъ мы уже упомянули, обширнымъ предисловіемъ г. Богоявленскаго, указывающаго параллели въ однородномъ, раньше изданномъ кавказскомъ матеріалѣ. Большинство сказокъ представляетъ широкоизвѣстные сюжеты, иногда комбинацію нѣсколькихъ. Большой своеобразностью отличается имеретинская сказка (№ 6) „О дочери царскаго эконома“. Это сложная исторія мудрой дѣвы воительницы, выдающей себя за юношу и въ концѣ разсказа чудеснымъ образомъ превращающейся въ юношу, который женится на царской дочери. Параллели послѣднему сюжету, впервые, на сколько знаемъ, отмѣченному на Кавказѣ, существуютъ въ классической литературѣ, въ восточныхъ сказкахъ и средне-вѣковыхъ легендахъ. Разсмотрѣнію сказаній о половой метаморфозѣ посвящено извѣстное изслѣдованіе академика А. П. Веселовскаго „Croissans-crescens“ *). За имеретинскими сказками слѣдуетъ значительный (до 200 №№) сборникъ „Примѣтъ и повѣрій“, составленный г. Степановымъ на основаніи опроса грузинъ Телавскаго уѣзда Тифлисской губерніи (стр. 78—103); далѣе 6 грузинскихъ сказокъ, изложенныхъ грузинами-учениками разныхъ училищъ, — фактъ отрадный, свидѣтельствующій о томъ, что наставники съ успѣхомъ развиваютъ въ воспитанникахъ интересъ къ памятникамъ народнаго творчества. Отъ слѣдующаго далѣе небольшого сборника картвельскихъ пѣсенъ, записанныхъ въ текстѣ и снабженныхъ русскимъ переводомъ, вѣетъ необыкновенной свѣжестью. Это большей частью краткія историческія пѣсни, лиро-эпическаго

---

*) См. Сборникъ Отдѣл. русс. языка и словесности И. Акад. Наукъ, т. XXII, № 3, 1881 г.

характера, напоминающія средневѣковыя кантилены. Слагались онѣ немедленно вслѣдъ за событіями подъ вліяніемъ только что пережитаго впечатлѣнія. Описываются неизвѣстныя исторіи стычки рачинцевъ съ врагами осетинами, подвиги мѣстныхъ героевъ, называются многія имена, ничего не говорящія потомству, указываются точно мѣстности и время происшествій. Мѣстный патріотизмъ выражается въ прославленіи своихъ одноаульцевъ и насмѣшкахъ надъ врагами. Нѣредко разсказъ идетъ отъ перваго лица, какъ разсказъ участника битвы. Описаніе прерывается лирическими возгласами или переходитъ въ діалогъ. Характерно для Кавказа, что въ этихъ междуаульныхъ битвахъ принимаютъ участіе и женщины. Такъ, осетины приступили къ башнѣ Гагнидзевыхъ: „Приступимъ къ крѣпости Гагнидзевыхъ (сказали они), взломаемъ двери. Изъ защитниковъ башни парни Гагнидзевыхъ самые главные. Одна женщина, находившаяся между ними, устратила все наше войско. Камень, брошенный ею, перервалъ шею двумъ изъ нашихъ воиновъ“ (стр. 131). Къ сожалѣнію, нѣкоторые намеки этихъ историческихъ пѣсенокъ навсегда останутся непонятны современному читателю. Комментарій къ нимъ могли бы дать только современники ихъ сложенія и событій, которыя въ нихъ воспѣваются. Замѣтимъ, что для сторонниковъ теоріи происхожденія обширныхъ *chansons de geste* изъ древнихъ кантиленъ, эти краткія и безыскусственныя историческія пѣсенки грузинъ могутъ служить нѣкоторой опорой.—Оставляя въ сторонѣ Картвельскія легенды (стр. 141—154), о которыхъ нѣкоторые замѣчанія уже сдѣланы г. Богоявленскимъ, останавлиюсь на дальнѣйшей статьѣ „Армянскія сказки“. Большинство ихъ развиваетъ темы, уже не разъ появлявшіяся на страницахъ Сборника, и особеннаго вниманія заслуживаетъ собственно только одна: „Исторія мудраго Хикара“, въ виду интереса, возбужденнаго въ послѣднее время литературной исторіей этого древняго восточнаго

сказанія. Армянскій „Хиваръ“ записанъ свящ. Бунятовымъ отъ старухи армянки, жительницы селенія Эчмиадзинъ, слѣдовательно—близко отъ одного изъ центровъ старинной армянской книжной литературы. Можно поэтому думать, что сказка поступила въ устное обращеніе изъ книжнаго источника, который, быть можетъ, будетъ найденъ въ какомъ нибудь сборникѣ. Близость версіи армянской рассказчицы къ книжной уже ясна изъ того, что въ сказку внесено 87 назидательныхъ изреченій, въ формѣ совѣтовъ Хивара его воспитаннику и племяннику Натану. Извѣстно, что обиліе назидательнаго элемента обуславливало въ средніе вѣка широкое распространеніе этого стародавняго сюжета на востокѣ, въ Византіи и въ славянскихъ литературахъ. Припомнимъ вкратцѣ то, что уяснилось въ литературной исторіи мудраго Ахивара, Хайкара, Хикара, Акира. Древнѣйшее упоминаніе этого мудреца находится, какъ указали Биккель (Bückel) ¹⁾ и Кунъ (Kuhn) ²⁾ въ еврейской книгѣ Товита. Въ греческой версіи этой книги умирающій Товитъ проситъ сына оставить Ниневію, такъ какъ народъ тамъ нравственно испорченъ. Онъ напоминаетъ ему, что произошло съ Ахикаромъ, котораго покушался умертвить Аманъ (Ἀράν варианты Ἀδάμ, Ἀδὼμ, Ναδάβ), не взирая на то, что обязанъ былъ ему своимъ воспитаніемъ (τῷ ἐκθρέψαντι αὐτόν), такъ что Ахиваръ долженъ былъ скрыться въ темнотѣ, но впоследствии былъ спасенъ Господомъ, а Аманъ самъ попалъ во тьму вѣковѣчную. Въ этихъ намекахъ книги Товита не трудно видѣть указаніе на извѣстность разсказа объ Ахиварѣ и его неблагодарномъ питомцѣ среди евреевъ раньше составленія книги Товита, относимой къ II или I вѣку до Р. Х. ³⁾. Конечно, Ахиваръ, называемый визиремъ ассирій-

¹⁾ Вѣ Athenaeum, 1890 p. 700.

²⁾ Вѣ статьѣ: Zum weisen Akyrios; помѣщенной въ журналѣ Крумбахера—Byzantinische Zeitschrift, I. B. 1 Heft p. 127.

³⁾ См. статью Meissner'a—Quellenuntersuchungen zur Haikargeschichte вѣ Zeit. der Deutsch. Morgenländ. Gesellschaft. B. 48, II, 1894 г. p. 193 и 196.

нѣкоторыя сиріазмы ¹⁾. Далѣе съ арабскаго языка былъ сдѣланъ эфиопскій переводъ, сохранившійся только въ отрывкахъ. Наконецъ къ сирійскому переводу восходитъ греческій византійской эпохи, который до сихъ поръ не найденъ въ рукописяхъ, но легъ въ основу южнославянскаго ²⁾. Съ цѣлью привлечь вниманіе византинистовъ къ утраченному греческому Акирію и облегчить имъ поиски, акад. Ягичъ въ 1892 г. въ „Византійскомъ журналѣ“ (*Byzantinische Zeitschrift*) проф. Крумбахера напечаталъ въ нѣмецкомъ переводѣ древнѣйшую славянскую редакцію Акира, вѣроятно близкую къ отыскиваемому греческому оригиналу ³⁾. Было бы желательно, чтобъ появленіе армянскаго Хикара въ Сборникѣ побудило и арменистовъ къ поискамъ рукописей этого сказанія въ армянскихъ рукописныхъ складахъ, такъ какъ необыкновенная сохранность сказки въ устахъ эчміадзинской старухи, на нашъ взглядъ, прямо указываетъ на книжное происхожденіе записаннаго отъ нея разсказа.

Всѣ дошедшія до насъ версіи исторіи Хайкара-Акира весьма близки между собою въ главномъ содержаніи и отличаются лишь въ подробностяхъ, въ собственныхъ именахъ и въ большей или меньшей полнотѣ эпизодовъ. Въ основной редакціи, какъ можно заключать по сирійской и южно-славянской ⁴⁾, разсказъ шлетъ отъ лица самого Ахикара-Акира. Въ

¹⁾ *Meissner*—наз. соч. стр. 186.

²⁾ Содержаніе и разборъ сирійскаго Ахикара, еще не изданнаго, но известнаго по рукописямъ, см. въ статьѣ *Meissner*'а (стр. 175—179); арабскій разсказъ о Хайкарѣ см. въ нѣмецк. переводахъ 1001 ночи: въ изданіи *Habicht, van der Hagen* и *Schall* (Breslau 1827, XIII, 86—126) и въ Вѣнскомъ изд. 1854 г. (VI 300—338).

³⁾ См. *Byzant. Zeitschrift*. I т. 1-я тетрадь, стр. 111—126.

⁴⁾ Сказаніе объ Акирѣ подъ заглавіемъ „Синагрипъ царь Адоровъ и Навливской страны“ издано въ извлеченіи изъ рукописнаго сборника XV вѣка *Θ. И. Буславымъ* въ историч. хрестоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ, 1861 г. Столб. 644—656. Два русскіе варианта повѣсти о премудромъ Акирѣ, съ переложеніемъ разсказа изъ 1-го лица въ 3-е, изданы по позднимъ рукописямъ *Н. И. Костомаровымъ* въ „Памятникахъ старинной русской литературы“. Вып. II,

арабской сказкѣ 1001 ночи и въ русскихъ передѣлкахъ объ Хайкарѣ-Акирѣ повѣствуется въ 3-мъ лицѣ, такъ-же, какъ въ рассматриваемой армянской версiи. Последняя значительно короче всѣхъ доселѣ изданныхъ ¹⁾, что вполне естественно, такъ какъ вѣроятно долго походила въ устной передачѣ. Особенно укорочена она въ концѣ въ разсказѣ о пребыванiи Хикара у египетскаго царя: въ арабской, сирской и славянскихъ сказкахъ приводится нѣсколько задачъ, заданныхъ египетскимъ царемъ Ахикару-Хайкару-Акиру, между тѣмъ какъ армянская разсказчица упомянула изъ этихъ задачъ только одну—постройку дворца на воздухѣ. Изъ собственныхъ именъ, которыми изобилуютъ другія редакціи, армянская знаетъ только три: Хикара, Натана и царя Сеневерима. Несмотря на нѣкоторыя утраты, любопытны совпаденія армянской версiи съ юго-славянской, а, слѣдовательно, и съ ея предполагаемымъ греческимъ оригиналомъ, въ наставленіяхъ Хикара-Акира его воспитаннику. Г. Богоявленскій указалъ въ предисловіи на сходство въ 7-ми изреченіяхъ армянской сказки съ русскими въ поздней редакціи XVII вѣка, изданной въ „Памятникахъ старинной русской литературы“. Но еще интереснѣе совпаденіе обоихъ первыхъ изреченій Хикара съ двумя начальными же юго-славянской (древнѣйшей) редакціи. Акиръ начинаетъ наставлять Анадана словами: 1) еще что слышиши отъ царя или видяши въ дому его, да съгнѣтъ въ сердцѣ твоемъ и не извѣстиши его челоуѣкомъ... 2) Сыну, еще что слышиши, не повѣдай никому, еще что узриши не обавляй, завязана ужа (то есть веревки) не отрѣшай, а отрѣшена не завязай. Сравнимъ

стр. 359—370. Два сербо-хорватскіе текста Акира (XV и XVI вѣка) напечатаны Ягичемъ въ IX т. „Arkiv za povjestnicu jugoslavensku“. Церковно-славянскій текстъ сербской редакціи XVI вѣка, открытый Е. В. Барсовымъ въ Московской городской Чертковской библиотекѣ, изданъ имъ въ Читеніяхъ въ И. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ 1886 г. кн. III-я, отд. 2, стр. 1—11. (Разсказъ идетъ отъ 1-го лица).

¹⁾ Не говоримъ о румынской, которую знаемъ только по цитатѣ. Она издана г. Гастеромъ въ Chrestomathie Roumaine, II 183.

съ этимъ начало наставленій Хикара Натану: „Если услышишь что-нибудь въ домѣ царя или приближенныхъ его, то никому о томъ не говори, пока того же самаго не услышишь отъ другихъ. Завязаннаго и запечатаннаго другими не развязывай, а развязаннаго не запечатывай“. Слѣдующее третье изреченіе Хикара („лучше съ умнымъ человѣкомъ камни таскать, нежели съ глупымъ ѣсть и веселиться“) почти совпадаетъ съ 6-мъ Акира: „сыне, больше ти есть съ мудрымъ каменіе валяти, нежели съ безумнымъ вино пити ¹⁾“. Вообще армянская сказка представляетъ, по нашему, счету, до 15 сходныхъ назидательныхъ изреченій съ южно-славянскою редакціей Акира. Конечно, этихъ признаковъ еще слишкомъ недостаточно, чтобъ возводить армянскую версію къ одному источнику съ южно-славянскою, то есть греческому. Вопросъ объ источникѣ армянской сказки можетъ быть уясненъ только разборомъ ея старинной записи, если послѣдняя будетъ найдена въ армянскихъ рукописяхъ. Въ книжную литературу Арменіи сказаніе о Хикарѣ могло перейти и съ сирійскаго языка, какъ нѣкоторыя другія произведенія древняго періода армянской литературы. Имя Хикаръ ближе къ формѣ Ахикаръ сирійской редакціи, чѣмъ къ южно-славянскою Акирій (съ рукописи г. Барсова *Акpііе*), предполагающей греческую форму имени 'Αχιρίος. Будемъ надѣяться, что какія нибудь находки въ рукописной армянской старинѣ рѣшатъ вопросъ о происхожденіи армянскаго Хикара и его отношеніи къ другимъ стариннымъ редакціямъ этого древняго сказанія. Мы хотѣли только отмѣтить историко-литературный интересъ изданной въ Сборникѣ сказки и вопросы, которые она поднимаетъ, не давая достаточно матеріала для ихъ рѣшенія.

Для характеристики устной народной словесности закавказскихъ татаръ представляютъ интересъ три обширныя сказ-

¹⁾ По списку изданному г. Барсовымъ стр. 2.

ки и сборникъ пословицъ и поговорокъ, помѣщенные въ концѣ разсматриваемаго выпуска. Первая и третья сказка („Рустамъ и Фатъма“, „Молла-Касумъ“) записаны изъ устъ профессиональных пѣвцовъ и сказочниковъ-ашуговъ. Къ сожалѣнію, сказка „Рустамъ и Фатъма“ отличается такой литературной отдѣлкой, что невольно закрадывается сомнѣніе ея близости къ подлинному разсказу ашуга. Въ сказкѣ „Молла-Касумъ“ прозаическій разсказъ по манерѣ, усвоенный пѣвцами-сказителями, чередуется съ короткими пѣснями, которыхъ татарскій текстъ, какъ оправдательный документъ, приложенъ въ концѣ.

Обзоръ содержанія слѣдующаго XX-го выпуска сдѣланъ Л. Г. Лопатинскимъ, не мало потрудившимся и надъ разнообразными лингвистическими матеріалами, составляющими главный интересъ 2-го отдѣла. Выпускъ открывается этнографическими и сельско-хозяйственными замѣтками, сдѣланными г. Дмитріевымъ въ предѣлахъ Грузіи и Осетіи при переходѣ черезъ Рокскій и Мамисонскій перевалы. Далѣе г. Ананьевъ знакомитъ насъ въ подробномъ очеркѣ съ бытомъ и нравами караногайцевъ, съ этими кочевниками Терской области, еще, кажется, не появлявшимися на страницахъ „Сборника“. Авторъ описываетъ домашнюю обстановку и занятія караногайцевъ, ихъ семейный бытъ, положеніе женщины, свадебные и другіе обряды и сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о караногайской системѣ обученія мальчиковъ арабской премудрости, которая сводится къ умѣнью читать коранъ на распѣвъ безъ всякаго пониманія арабскаго языка. Какъ въ безтолковомъ обученіи дѣтей, притупляющемъ ихъ умственные способности, такъ и во всемъ строѣ жизни, эти кочевники до сихъ поръ упорно отрицаются отъ всякихъ „новшествъ“. Они строго исполняютъ всѣ свои національные обряды, носятъ свои національные костюмы, ѣдятъ свои родныя кушанья и, какъ видно, на образъ ихъ жизни ничуть не вліяютъ частыя сноше-

нія съ жителями Моздока и въ особенности Кизляра и ближайшихъ казачьихъ станицъ, въ дачахъ которыхъ они часто вочують, въ случаѣ неурожая травъ въ караногайской степи (стр. 63). Очевидно, этотъ обломокъ старины устоитъ до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся экономическія условія жизни караногайцевъ, которая еще въ настоящее время вполне соответствуетъ физическимъ условіямъ занимаемой ими территоріи—Караногайской степи, простирающейся на 10 тысячъ квадратныхныхъ верстъ.

Не смотря на довольно обильную литературу—инострannую и русскую—о курдахъ, этнографическая статья г. Хачатурова „Курды, черты ихъ характера и быта“ представляетъ значительный интересъ. Авторъ владѣетъ курдскимъ языкомъ, чѣмъ могъ внушить въ себѣ довѣріе этого первобытнаго племени, стяжавшаго себѣ печальную извѣстность разбоемъ и хищничествомъ. „Отнимать чужую собственность съ оружіемъ въ рукахъ и въ особенности у гяуровъ (христіанъ), не только не возбраняется, но даже поощряется шейхомъ и старшими, и потому курды съ малолѣтства начинаютъ упражняться въ воровствѣ, разбояхъ и убійствахъ. Молодой курдъ, не совершившій ни одного воровства или убійства, не пользуется правомъ называться истиннымъ сыномъ своего народа; на него смотрятъ съ презрѣніемъ не только мужчины, но и женщины, и ни одна хорошая дѣвушка не согласится выйти за такого молодого человѣка замужъ“ (стр. 66). Культура наградила этихъ хищниковъ только усовершенствованными ружьями, вмѣсто ихъ пикъ, щитовъ и кремневыхъ пистолетовъ, но за то не искоренила, какъ это случилось съ другими бывшими „дѣтьми природы“, нѣкоторыхъ симпатичныхъ сторонъ ихъ народнаго характера: эти закоренѣлые разбойники соблюдаютъ свято законъ гостепріимства, они честны между собою, оказываютъ другъ другу всякую помощь, и положенію курдской женщины можетъ по-

завидовать женщина многих не только мусульманских, но и христианских народов. По словам г. Хачатурова, „курды, если съ нимъ обращаются по человѣчески и уважаютъ его человѣческое достоинство, дѣлается такимъ другомъ, какового не сыскать положительно нигдѣ (sic!): онъ кровь свою съ радостью прольетъ для другого; свою жену, своего сына онъ готовъ продать, чтобъ выручить друга... Недаромъ говорятъ, что если взвѣсить преданность курда и преданность собаки, то первая перетянетъ, и это положительно вѣрно. Это мнѣніе составилось не у самихъ курдовъ, но у армянъ, татаръ и другихъ сосѣднихъ съ ними народовъ“ (стр. 72). Простотой и честностью курдовъ въ торговыхъ сдѣлкахъ пользуются армяне, которые ихъ всячески эксплуатируютъ, чѣмъ отчасти и объясняется особая враждебность курдовъ къ армянамъ, проявившаяся еще недавно въ разгромахъ армянскихъ сельтурецкими курдами.

Положеніе жены курда, замѣняющей мужу товарища какъ въ домашнемъ быту, такъ и на войнѣ (стр. 85), и свобода, которою пользуется курдская дѣвушка въ своей семьѣ, совершенно неизвѣстны закавказскимъ татарамъ, какъ видно изъ обстоятельной статьи г. Захарова: „Домашній и социальный бытъ женщины у закавказскихъ татаръ“. Не останавливаясь за недостаткомъ мѣста на этой интересной работѣ, слѣдящей за жизнью закавказской татарки отъ колыбели до могилы и рисующей въ яркихъ чертахъ ея положеніе въ семьѣ и обществѣ, въ деревнѣ и городѣ (стр. 91—157), перехожу ко 2-му отдѣлу, который содержитъ богатый и разнообразный матеріалъ по кавказскому языковеднiю въ видѣ научно записанныхъ и тщательно изданныхъ текстовъ курдскихъ, талышинскихъ, армянско-татскихъ, еврейско-арамейскихъ и айсорскихъ. Для изученія нарѣчiя курдовъ, живущихъ въ предѣлахъ Россiи, такъ называемаго курманджи, довольно обильные матеріалы были уже раньше изданы С. Егіазаровымъ и

Л. Загурским¹⁾. Но нарѣчіе распадается на нѣсколько говоровъ, до сихъ поръ не изслѣдованныхъ, изъ которыхъ каждый можетъ представить интересъ для уясненія скрытой для насъ исторіи курдскаго языка. Тексты, изданные въ XX выпускѣ, принадлежатъ говору араратскихъ брукинцевъ и джалалинцевъ, особенности котораго, выведенныя изъ самихъ текстовъ, отмѣчены г. Лопатинскимъ, старательно познакоившимся съ литературой по курдскому языку.

Гораздо скуднѣе русскія работы по изученію языка талышинцевъ, иранскаго племени, занимающаго въ предѣлахъ Россіи южную половину Ленкоранскаго уѣзда Бакинской губерніи. Краткій грамматическій очеркъ талышинскаго языка изданъ былъ въ 50-хъ годахъ И. Н. Березинымъ въ его изслѣдованіяхъ персидскихъ нарѣчій (*Recherches sur les dialectes persans*, 1851 года). Затѣмъ въ 1855 году весьма неполный очеркъ талышинской грамматики былъ помѣщенъ П. Ф. Риссомъ въ его статьѣ „О талышинцахъ, ихъ образѣ жизни и языкѣ“²⁾, причемъ составитель грамматики оговаривается, что свѣдѣнія по языку талышинцевъ онъ собралъ „въ *трехдневную* бытность въ талышскихъ деревняхъ“³⁾. Небольшіе сборники словъ, составленные гг. Березинымъ и Риссомъ, и одна талышинская пѣсня, изданная послѣднимъ неудовлетворяющею научной точности арабской азбукой,—вотъ всѣ доселѣ изданные у насъ матеріалы для изслѣдованія талышинскаго языка, въ виду чего даже небольшіе, но хорошо записанные тексты, являющіеся въ XX выпускѣ, будутъ съ интересомъ встрѣчены иранистами. Къ сожалѣнію, тексты слишкомъ не многочисленны (2 коротенькія сказки), что—

¹⁾ См. С. Егіазаровъ—„Курманджійскіе тексты“ (въ XIII кн. Записокъ Кавказ. Отд. И. Р. Геогр. Общ. 2 вып. Тифлисъ, 1884); Л. П. Загурскій (Совмѣстно съ С. Егіазаровымъ) „Курманджійско-русскій и русско-курманджійскій словари“ (въ XII кн. вып. 2 того же изданія).

²⁾ Записки Кавказ. Отд. И. Р. Геогр. Общ. кн. III. Тифлисъ, 1855 г.

³⁾ Тамъ-же стр. 33.

бы дать полное понятіе о фонетикѣ и морфологіи талышинскаго языка, также, ~~липовидному~~, представляющаго нѣсколько говоровъ, судя по нѣкоторымъ различіямъ въ показаніяхъ грамматическихъ очерковъ гг. Березина и Рисса, и остается пожелать, чтобы первымъ опытомъ не ограничилось появленіе талышинскихъ текстовъ на страницахъ Сборника. Нѣкоторые фонетическія черты и грамматическія формы въ изданныхъ текстахъ дали г. Лопатинскому поводъ къ полезнымъ замѣчаніямъ.

Слѣдующіе, армяно-татскіе тексты принадлежатъ говору небольшой горсти татовъ армяно-григоріанскаго исповѣданія, живущихъ въ селеніи Матрасахъ, Шемахинскаго уѣзда. Съ лингвистической стороны интересно было бы сравнить татскій языкъ въ устахъ татовъ-мусульманъ, евреевъ и армянъ. Евреи, какъ видно изъ изданныхъ мною текстовъ и словаря, внесли въ татскую фонетику значительную семитскую окраску; таты-армяне, какъ справедливо замѣчаетъ г. Лопатинскій, сохранили татскій языкъ въ большей чистотѣ, внеся въ него лишь въ незначительной степени элементъ армянскій. Объ успѣхности лингвистическихъ занятій г. Лопатинскаго свидѣтельствуютъ записанные и разобранные имъ тексты на языкѣ евреевъ-арамейцевъ (стр. 132), за изданіе которыхъ ему будутъ благодарны семитологи. Между другими евреями Кавказа евреи, говорящіе на арамейскомъ языкѣ, составляютъ гагае aves. Они живутъ небольшими группами среди айсоръ-несторіанцевъ, разбросанныхъ по Урмійской равнинѣ (въ персидскомъ Азербеджанѣ), въ горахъ Курдистана, въ Месопотаміи и Сиріи. Когда небольшая горсть айсоръ переселилась послѣ русско-персидской войны 1827 года изъ Азербеджана въ наши предѣлы, то съ ними вмѣстѣ явились и евреи-арамейцы въ количествѣ нѣсколькихъ семей. Г. Лопатинскій лично записалъ тексты со словъ нѣсколькихъ уроженцевъ Урміи и такимъ образомъ имѣлъ возможность отчетливо наблюдать

артикуляцію звуковъ ихъ говора, какъ видно изъ сдѣланныхъ имъ (стр. 30—31) фонетическихъ замѣчаній. Мѣсто изученнаго имъ говора среди другихъ семитскихъ языковъ г. Лопатинскій опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „при сличеніи звуковъ и формъ этого языка съ айсорскимъ, можно легко убѣдиться въ томъ, что онъ составляетъ только нарѣчіе айсорскаго языка, стоящаго къ древне-сирійскому, церковному языку несторіанскихъ и православныхъ айсоръ, въ ближайшемъ родствѣ. Поэтому ему по праву принадлежитъ названіе еврейско-арамейскаго или еврейско-айсорскаго. Въ языкъ евреевъ, кромѣ древнихъ формъ, вошли многія заимствованія не только отъ сосѣдей: тюрковъ, курдовъ, персовъ, армянъ и въ послѣднее время даже русскихъ, но и изъ древне-еврейскаго языка“ (стр. 29). Для ближайшаго къ еврейско-арамейскому, айсорскаго языка сдѣлано всего больше въ разсчитываемомъ выпускѣ Сборника. Здѣсь мы находимъ 10 довольно обширныхъ сказокъ съ подстрочнымъ переводомъ и 1 пѣсню (всѣ айсорскіе тексты записаны г. Калашевымъ), далѣе замѣтки г. Лопатинскаго по айсорской фонетикѣ и, наконецъ, въ отдѣльномъ приложеніи „руско-айсорскій и айсорско-рускій словарь“, составленный А. И. Калашевымъ и обнимающій до 12,000 словъ. Айсорскій или ново-сирійскій языкъ, говорится въ предисловіи къ словарю, имѣетъ много нарѣчій, какъ: урмійское, салмастинское, нарѣчіе айсоръ-горцевъ и друг. Словарь г. Калашева составленъ для самаго распространеннаго изъ этихъ нарѣчій—урмійскаго, главнымъ образомъ въ виду того, что поселившіеся въ предѣлахъ Закавказья айсоры, какъ выходцы изъ Урміи, говорятъ на этомъ именно нарѣчій. Несомнѣнно, что почтенный трудъ г. Калашева принесетъ пользу айсорамъ, желающимъ ознакомиться съ русскимъ языкомъ, и будетъ служить надежнымъ матеріаломъ для семитологовъ-спеціалистовъ при изученіи ново-сирійскаго языка.

Послѣдняя статья въ приложеніи составляетъ начало въ

высшей степени полезнаго труда, предпринятаго извѣстнымъ знаткомъ Кавказа, ~~Е. Г. Вейденбаумомъ~~. На основаніи изученія обширной литературы по географіи, этнографіи, археологіи и исторіи, г. Вейденбаумъ собралъ цѣнный матеріалъ для историко-географическаго словаря Кавказа и издалъ 1-ый выпускъ своего труда въ приложеніи къ Сборнику. Мѣстныя названія расположены составителемъ въ словарномъ порядкѣ, снабжены свидѣтельствомъ изъ различныхъ памятниковъ—старинныхъ путешествій, статейныхъ списковъ московскихъ посольствъ къ кавказскимъ владѣтелямъ, грамотъ и другихъ историческихъ документовъ—и удачно объяснены. Такимъ образомъ трудъ г. Вейденбаума послужить необходимымъ пособіемъ для пониманія географическихъ указаній, встрѣчающихся въ старинныхъ свидѣтельствахъ о Кавказѣ XVII и XVIII вѣковъ. Въ 1-мъ выпускѣ объяснено болѣе 35 мѣстныхъ названій и можно пожелать, чтобъ въ дальнѣйшихъ томахъ Сборника г. Вейденбаумъ далъ продолженіе своихъ цѣнныхъ „Матеріаловъ“, накопленныхъ имъ въ теченіе многихъ лѣтъ прилежнаго изученія литературы по Кавказу.

Подводя итоги прошлогоднимъ работамъ по кавказской этнографіи, мы не можемъ не замѣтить, что ни въ одномъ краѣ Россіи этнографическое изученіе не ведется въ настоящее время съ такимъ успѣхомъ и энергіей, какъ на Кавказѣ. Въ теченіе года изданы три обширныхъ выпуска, содержащіе вмѣстѣ болѣе 1900 страницъ. На собраніе произведеній устной словесности, записываніе, точное изданіе и грамматическій анализъ текстовъ на мѣстныхъ языкахъ, на составленіе словарей положено много усилій многочисленныхъ работниковъ, скромно трудящихся въ разныхъ углахъ обширнаго края. Эти усилія высоко оцѣнятся и русской наукой, и европейской, такъ какъ они сохраняютъ для потомства драгоценныя матеріалы для изученія своеобразнаго быта кавказскихъ народностей, который, подъ вліяніемъ русской граж-

данственности и измѣняющихся экономическихъ и другихъ
условій, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ все болѣе утрачи-
ваетъ свои примитивныя черты, столь интересныя для исто-
ріи культуры.

Всев. Миллеръ.

---

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

